

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.
Миклухо-Маклая
Российской академии наук**

На правах рукописи

ЛИ Илэй

**ПОВСЕДНЕВНЫЙ БЫТ И РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР ЖЕНЩИН
В КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЬЯХ СЕВЕРНОГО КИТАЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

Специальность: 5.6.4. – этнология, антропология и этнография (исторические науки)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата (доктора)
исторических наук

Научный руководитель:
Доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Пушкарева Наталья Львовна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Женская история в китайской, западной и российской историографии	28
§ 1. Исследования повседневной жизни женщин в китайской историографии	28
§ 2. Исследования повседневной жизни китаянок в западной историографии	35
§ 3. Исследования повседневной жизни китаянок в российской историографии	39
Глава 2. Семейная повседневность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)	49
§ 1. Традиционная китайская семья и положение женщины до реформ второй половины 1930-х годов	50
§ 2. Истоки и начало изменений в социальном статусе женщин («Положение о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся»)	59
§ 3. Конфликт традиционных и современных концепций брака и перемены в статусе женщин	66
Глава 3. Трудовая деятельность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)	84
§ 1. Труд крестьянок в дореволюционном Китае: недооценка экономического вклада женщин и ограниченные права в семье	86
§ 2. Баланс между идеалом и реальностью: «женская проблема» в первых законодательных актах КПК	98
§ 3. Консенсус и разногласия: экономическое вовлечение женщин в Китае в 1940-х годах	105
Глава 4. Религиозный мир сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)	119
§ 1. Почитание божеств и повседневная жизнь: вероисповедная деятельность сельских жительниц до революции	120
§ 2. Эволюция политики в отношении народных верований: исполнительницы незаконных ритуалов и суеверных практик	131
§ 3. Прагматизм как главный принцип рационального выбора: трансформация восприятия женщинами народных убеждений	141
Заключение	151
Список источников	165
Список литературы	168
Приложение	184
Примерный вопросник	184
Авторский архив. Список респонденток, давших интервью	186
Транскрипты интервью	188
Визуальные источники	203

Введение

Актуальность темы исследования.

Изучение женской повседневности в прошлом и настоящем – тема для мировой историографии новая. События начала 2020-х гг. и в особенности пандемия COVID-19 оказали глубокое психологическое воздействие на китайское общество, побуждая его к активному осмыслению экзистенциальных вопросов, обращению к далекому и недавнему прошлому, практикам преодоления исторических вызовов. Стремительное развитие Интернет-общения способствовало широкому обсуждению социальных проблем, которые ранее были вне общественного дискурса. Среди них оказались и вопросы, связанные с сохранением случаев домашнего насилия, влиянием социально-половых стереотипов на поведение и мышление, тема неравенства прав и возможностей обоих полов. Свободный обмен мнениями по этим вопросам способствует повышению осведомленности общества о сохраняющихся «болевых точках», о чувствительных социальных проблемах, стимулируя к их более глубокому осмыслению и активным действиям, направленным на достижение равенства мужчин и женщин¹.

Чем дольше длятся дискуссии и углубленнее становятся обсуждения, тем очевиднее для всех необходимость принимать во внимание различия в классовой принадлежности женщин, особенностях их национальных культур, весьма непохожих в разных регионах и даже семьях. В эпоху глобальных перемен и исключительных экономических успехов Китая на международной экономической арене, жительницы сельских районов Китая, согласно новейшим социологическим исследованиям китайских авторов, по-прежнему часто сталкиваются с несправедливостью во многих сферах, в особенности в таких областях, как семейно-брачные отношения, репродуктивные права и «телесная автономия», право женщин на недвижимость (земельное право), а также в образовании,

¹ См. Фэн Цзянься. #Видеть женщин-трудящихся#: Женские мы-медиа и акционизм в дискурсе во время пандемии COVID-19 // Синьвэнь цзичжэ. 2020. № 10. С. 32-44 (на кит. яз.).

профессиональной занятости, возможностях построения карьеры².

Судьбы женщин в провинциях моего детства стали важным личным мотивом для выбора темы исследования. Наблюдения за их повседневной жизнью, опосредованной историческими и социально-экономическими трансформациями, позволили осознать важность изучения влияния модернизации на гендерные роли и положение женщин, особенно в контексте традиционного сельского общества, зачастую остающегося на периферии академического дискурса. Выбор темы также обусловлен стремлением критически осмыслить специфику китайской модернизации, ее влияние на гендерные отношения, с учетом западных теорий и уроков советского опыта в гендерной политике и эмансипации.

Основная исследовательская интрига поэтому для автора диссертации была связана с желанием ответить: представляет ли китайская модель модернизации (и вместе с нею – решения «женского вопроса») уникальный альтернативный путь, коренным образом отличающийся как от западных, так и от советских подходов?

Проработка обширной китайской научной литературы по истории семейно-брачного права ставит вопрос об устойчивости социокультурных стереотипов, связанных с полом. Почему в Китае, инициировавшем восемь десятилетий назад масштабную государственную программу эмансипации женщин, сельские женщины до сих пор сталкиваются с многочисленными ограничениями и проблемами? Каковы истоки современных трансформаций, история борьбы женщин за признание своих прав, и как молодые китайки в 1930-1940-е годы решались обращаться к правовым инструментам, отстаивая свою субъектность, свободу выбора статуса в семье и противодействуя традиционному «браку по договоренности»³, не скатываясь к выстраиванию бинарных оппозиций и делению сельского населения на «освобожденных» и «неосвобожденных»? Очевидно, что современные выводы и достижения формировались в длительном историческом

² См. Ван Цзянь. Традиции, правопорядок и идентичность: анализ нарушения земельных прав женщин в китайской деревне // Чжунго нунцунь гуаньча, 2022. № 6. С. 56-67 (на кит. яз.).

³ Су Вэй. Легендарная жизнь Лю Цяоэр: Художественный прототип Лю Цяоэр — Фэн Чжицинь. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2005. 335 с. (на кит. яз.)

контексте, что делает линейный эволюционный подход нерелевантным и требует углубленного понимания сложных констелляций китайских традиций. Даже после столетия реформ, оставивших свой след на культурной жизни китайской деревни, глубокие социальные разломы, особенно заметные в низовых структурах, и консервация традиционной культуры препятствуют однозначной интерпретации результатов преобразований.

Новейшая история Китая берет начало с Синьхайской революции 1911 года, которая привела к свержению императорской власти династии Цин (1644-1912) и провозглашению Китайской Республики (1912-1949). Сунь Ятсен (основатель партии Гоминьдан) в 1912 году занял пост временного президента Республики, однако в условиях сложной внутривластной обстановки вскоре уступил власть генералу Юань Шикаю (1859-1916). Знаковым событием стал 1921 год, когда в Шанхае была основана Коммунистическая партия Китая (КПК). Мао Цзэдун (1893-1976) являлся одним из основателей КПК, хотя и не сразу занял в ней лидирующие позиции. Главной целью КПК стало национальное спасение и борьба с иностранным влиянием. После смерти Сунь Ятсена в 1925 году, Чан Кайши (1887-1975), к тому моменту уже инициировавший Северный поход (военную кампанию, целью которой было объединение раздробленного Китая под эгидой Гоминьдана), стал лидером Гоминьдана, но сопровождалось нарастанием противоречий между Гоминьданом и коммунистической партией.

Борьба между коммунистами во главе с Мао Цзэдуном и националистами во главе с Чан Кайши не только за политическое лидерство, но и за определение дальнейшего пути развития Китая, характеризовавшаяся как периодами сотрудничества, так и открытого вооруженного противостояния, оказала определяющее влияние на китайскую историю последующих десятилетий и завершилась в 1949 году победой коммунистов. Важным этапом этой борьбы стала гражданская война, интенсивность которой возросла после завершения Второй мировой войны и продолжалась до 1949 года.

С середины 1930-х годов Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся стал

ключевой базой формирования политической платформы Коммунистической партии Китая. Географическая изолированность и специфика местной экономики позволили КПК опереться на крестьянство, что обеспечило ей устойчивую поддержку за счёт проведения земельных реформ и снижения налогового бремени. С началом японской агрессии в 1937 году регион превратился в своего рода лабораторию социально-политических преобразований, где партия накопила управленческий опыт, впоследствии применённый в масштабах всей страны.

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся – одна из колыбелей китайской цивилизации, обладает значительным историко-культурным наследием. Именно здесь еще в XII–XI вв. до н.э. сформировалась культура раннего Чжоу⁴, ставшая важным этапом на пути к созданию династии Чжоу. В культуре Чжоу были прочные традиции наследования имущества и власти по отцовской линии, что способствовало закреплению доминирующего положения мужчин в социальной структуре. Патриархальные нормы, сложившиеся несколько столетий назад, оказывали определяющее влияние на социальные и культурные структуры в последующей истории Китая.

Вплоть до 1970-х гг. (!) регион Шэньси-Ганьсу-Нинся находился в состоянии экологической деградации, вызванной чрезмерной распашкой земель. Недостаточно развитая транспортная инфраструктура и слабая экономическая база определили бедность и отсталость региона вплоть до последней четверти XX в. В выбранное нами для исследования время – 1930-е гг. – один из уроженцев уезда Баоань (ныне уезд Чжидань) провинции Шэньси, получивший военное образование, член Коммунистической партии Китая Лю Чжидань, решился на создание в посёлке Наньян на востоке провинции Ганьсу революционной базы.

В 1935 году Центральная Красная армия и Центральный комитет КПК, завершив стратегическое отступление из районов, контролируемых Гоминьданом, прибыли в регион Шэньси-Ганьсу-Нинся и объединились с силами Лю Чжиданя,

⁴ Объединенная археологическая экспедиция по ранней культуре Цинь. Путешествие в Жунди: археологические исследования во Внутренней Монголии, Шэньси, Нинся и Лундун // Археология и реликвии. 2012. № 1. С. 96-107 (на кит. яз.).

сформировав широкую зону влияния коммунистов на Севере Китая. Это положило начало формированию Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся⁵. Красная армия и ЦК партии переместились в северную часть провинции Шэньси, в 1937 году вошли в Яньань, который стал центром руководства революцией и местом размещения ЦК КПК и Военного совета, а север провинции Шэньси – стратегическим центром китайских революционных баз.

Благодаря своему особому географическому положению, Пограничный район находился в относительно безопасной зоне в годы антияпонских войн, был в глубоком тылу и значительно меньше пострадал от непосредственных разрушений. Хотя в этом районе периодически и происходили военные столкновения между войсками КПК и Гоминьдана, все же с 1939 года, по мере стабилизации, район вступил в период относительного мира. Используя благоприятные условия, правительство Пограничного района взялось активно осуществлять самые разные реформы. Реализация политических мер создала прочную основу для социальной стабильности и экономического развития района и оказало важную поддержку окончательной победе китайской революции.

Такого рода исторический экскурс необходим для понимания исследовательской проблемы данного труда. Мы ставим задачей рассмотреть, как первые поколения китайских реформаторов КПК преобразовали феодальную систему мужского превосходства, как они сломали половое разделение труда и создали условия для нормативно закрепленного равенства мужчин и женщин. С помощью реконструкции прошлого по воспоминаниям о повседневной жизни женщин удастся глубже исследовать, как обычные люди адаптировались в условиях грандиозных социальных экспериментов, как они выживали, переживали, ощущали и оценивали этот процесс, ведь многие из них находились на самом дне социальной лестницы (речь о сельских женщинах). Как изменились их мир, быт и образ жизни в ходе этих событий?

Важно понять также, насколько исторический и социальный опыт этих

⁵ Цюй Таочжу. Си Чжунсюнь в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2014. 486 с. (на кит. яз.)

сельских жительниц северных провинций Китая сохранял преемственность и связь с прошлым, с социальным опытом женщин, проживавших в сельской местности в 1910-е – 1920-е гг. (период Республики), а в чем претерпел значительные и стремительные изменения. Таким образом, ставится исследовательская задача не только собрать и обобщить рассказы об индивидуальных жизненных стратегиях, но и глубже осмыслить перемены в жизни северных провинций страны в целом, ведь то, что мы считаем основными элементами повседневной жизни является базовой опорой макрополитических структур. Любые изменения берут начала в повседневной жизни, в действиях «маленьких людей», но в итоге ведут к переменам, затрагивающим огромные человеческие общности.

Разбирая **степень разработанности проблемы**, нами ставилась задача изучения китайской, зарубежной и российской историографии.

Китайские исследователи обращались к женским персонажам китайской истории в своих публикациях более ста лет назад. К примеру, «История жизни китайских женщин» Чэнь Дунъюаня⁶ была первой предвоенной работой, посвященной этой теме. Его исследование, как и аналогичные мужские работы, критиковало женское прошлое и традиционность, чтобы подчеркнуть перемены, привнесенные новой властью, и выразить современное понимание женской роли⁷.

Спустя три десятилетия, с созданием Китайской Народной Республики в 1949 г. основным действующим лицом в исторических исследованиях стал класс и написание обобщающих трудов, излагающих прошлое страны оказалось сильно политизировано. Поскольку «женский вопрос» был решен на законодательном уровне, продолжать говорить о каких-то проблемах, неразрешенных вопросах, касавшихся женщин, казалось тогда неуместным.

После Третьего пленума ЦК КПК в 1978 году, который стал переломным моментом в истории китайских гуманитарных наук и началом периода

⁶ Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1937. 439 с. (на кит. яз.)

⁷ Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа // Шэхуэй кэсюэ. 2008. № 12. С. 148 (на кит. яз.).

стремительного возрождения интеллектуальной деятельности в стране, в китайской историографии началось переосмысление вопросов социальной истории. Ранее все внимание было сосредоточено на классовой борьбе, крестьянских восстаниях и революциях⁸. Однако в начале 1980-х годов произошла значительная переориентация. Особой общественной организации – Женской Федерации провинции Шэньси, основанной в 1950 г. и действовавшей с тех пор, – было поручено собрать, систематизировать и опубликовать источники по истории китайских женщин⁹.

Интенсификация международных научных обменов во второй половине 1980-х — 1990-е годы открыла новые перспективы для китайской историографии, стимулировав отход от традиционных элитарных нарративов. Под влиянием методологических подходов французской школы «Анналов» китайские историки пересмотрели исследовательские задачи и акценты социальной истории, уделяя приоритетное внимание изучению повседневной жизни, нужд и чаяний низших и маргинальных слоёв общества. Под воздействием западных теорий и исследований в области гендерной истории женская история стала рассматриваться как неотъемлемая часть социальной истории, дополняющая сложившуюся картину прошлого.

В последнее двадцатилетие антропология женской повседневности стала медленно превращаться в самостоятельное направление исторических исследований. Современная историография, посвящённая изучению брачно-семейных отношений в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, всё чаще выходит за пределы традиционного анализа нормативно-правовых изменений и политических решений, связанных с формированием особого режима в регионе¹⁰. Внимание исследователей всё в большей степени сосредотачивается на

⁸ Там же. С. 149.

⁹ Женская федерации провинции Шэньси (ред.) Избранные документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1937-1949). Внутренние материалы. 1982. 324 с. (на кит. яз.)

¹⁰ Цуй Ланьпин. Анализ реформы системы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Сибэй дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2000. № 4. С. 96-99 (на кит. яз.).

многообразии социальных процессов: в поле зрения оказываются эволюция женских ролей, вопросы образования женщин, а также ранние формы их участия в общественно-политической жизни¹¹.

При этом большинство публикаций, основанных на позитивизме и историческом материализме, стремилось описывать и понимать социальные явления и их исторические изменения, исходя из приоритета материальных факторов, так что в них уделялось особое внимание анализу влияния государственной макрополитики на трансформацию женских сообществ. Однако такой подход, будучи ограниченным редукционистскими и линейными моделями объяснения, зачастую оставлял вне поля зрения многоуровневое влияние культурных традиций, религиозных представлений, ценностных ориентаций и особенностей менталитета, формировавших сложную ткань социальной структуры. Кроме того, пренебрежение анализом индивидуального опыта и повседневных практик женщин, непосредственно вовлечённых в исторические процессы, существенно сужало исследовательскую перспективу, не позволяя в полной мере раскрыть динамику и специфику социальных трансформаций на микроуровне.

В обзоре новейших работ о женщинах в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся выявлен значительный пробел. Среди них практически отсутствуют публикации, глубоко исследующие участие женщин в религиозных и народных обрядах, хотя исследований усилий правительства по поддержке «движения против колдунов»¹² достаточно. Эти работы, как и ранее, не включают темы участия женщин или иные вопросы «женской темы», а при рассмотрении колдовских практик уделяют внимание лишь рационалистическому взгляду, навешивая ярлыки «суеверий» и «темной невежественности». Упрощенный подход игнорирует многомерность социальной и культурной среды региона, обходит женскую тему и не связывает опыт китаянок со стереотипами, укорененными в

¹¹ Чжоу Цзиньтао. Культурное образование сельских женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период войны сопротивления японским захватчикам // Синань миньцзудасюэ сюэбао. 2012. № 11. С. 214-219 (на кит. яз.).

¹² Ву Чэнван. Движение против колдунов и трансформация сельского общества в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. // Кэсюэ юй вушэньлунь. 2022. № 4. С. 51-60 (на кит. яз.).

религиозных представлениях.

В западной исторической науке с середины XX века исследователи обращались к социальному прошлому женщин Китая, сосредотачиваясь на изменениях в брачной системе. В 1960-1970-е гг. из-за напряженных отношений между Китаем и Западом, холодной войны и политики изоляции, зарубежным синологам было трудно проводить полевые исследования в Китае. Писавшие о быте китайцев полагались лишь на опубликованные письменные источники, анализируя степень влияния коммунистической революции на разрушение патриархата и освобождение женщин. Большинство западных исследователей положительно оценивали реформу брака 1950 года¹³, уделяя внимание теоретическим целям и политическим намерениям высшего руководства и игнорируя различия между разработанной политикой и ее фактическим выполнением на местах.

С конца 1970-х годов западные ученые начали пересматривать свое отношение к Китаю и, благодаря развернувшейся «политике реформ и открытости», получили возможность лично наблюдать за жизнью женщин, переживших социальные преобразования. Проведя полевые исследования в прибрежных районах на востоке Китая, они заметили, что улучшение статуса женщин оказалось там не столь значительным, сколь ожидалось, особенно если принимать в расчет сельскую местность, где традиционное патриархальное влияние по-прежнему оставалось глубоко укорененным¹⁴.

В американской историографии встречается утверждение, что в 1940-х гг. китайское руководство, стремясь к поддержке большинства мужского населения в условиях войны с Японией и гражданской войны, принесло интересы женщин в жертву. Отрицая заинтересованность КПК в улучшении положения женщин и продвижении реформ семейно-брачного законодательства, обесценивая

¹³ См. Meijer M. J. Marriage law and policy in the Chinese People's Republic. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1971. 369 p.

¹⁴ См. Diamond N. Collectivization, kinship, and the status of women in rural China // Bulletin of Concerned Asian Scholars, 1975. № 1. P. 25-32.

достигнутые успехи, они полагают, что приоритет экономических и военных целей привел к игнорированию проблем и запросов женщин, а новые законы лишь укрепили традиционные женские роли.

В 1980-е гг. эта точка зрения на историю китайской революции в деле освобождения женщин, особенно в феминистской интерпретации, стала доминирующей и получила широкое признание¹⁵. Однако, подобные исследования основаны на бинарном мышлении времен холодной войны и перспективе западного либерального феминизма, разрывая связь женского движения начала XX века с современными стремлениями к социальной справедливости и паритету, не учитывают связь женских социальных движений с китайской историей и традициями и носят политизированный характер. Такой подход не учитывает в полной мере реальный социальный опыт и активное участие женщин в социальных преобразованиях.

За последние три десятилетия исследования истории китайских женщин в академических кругах Европы и Америки получили новый импульс под влиянием постмодернистской историографии, «новой культурной истории», обновленной истории женщин и исторической антропологии женской повседневности. Новое поколение ученых расширяет круг источников, активно привлекая материалы устной истории, тщательно анализируя эго-документы с целью выявления женского голоса. Среди исследователей Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся выделяется профессор Цун Сяопин (Хьюстонский университет), расширившая свои исследовательские интересы до правовой сферы, анализируя защиту прав женщин через правовые механизмы и их роль в политике. Однако, несмотря на значимость, её работы имеют скорее историко-правовой характер. Следует отметить, что избегание судебных разбирательств — важный фактор поддержания социальной гармонии в китайской правовой культуре. Широкое распространение этой практики предполагает, что случаи, изученные профессором Цун, в повседневности встречались относительно редко.

¹⁵ См. Keating P. B. Two revolutions: village reconstruction and the cooperative movement in northern Shaanxi, 1934-1945. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 7.

Российские синологи начали обращаться к женским персонажам китайской истории в своих публикациях почти двести лет назад, что свидетельствует о раннем интересе к роли женщины в китайском обществе. На рубеже XVIII–XIX вв. российская синология развивалась под значительным влиянием Русской православной церкви, центральную роль в которой играла деятельность Пекинской духовной миссии¹⁶.

Исследования фокусировались на анализе семейно-брачных обрядов, социального положения женщин в иерархии и нормативных представлений о женственности, предписываемых конфуцианской этикой. Такие учёные, как Н.Я. Бичурин¹⁷ и С.М. Георгиевский¹⁸, подчеркивали зависимое положение женщины в патриархальной системе, рассматривая её роль сквозь призму конфуцианских добродетелей, включавших скромность, покорность и самоотверженность. Тем не менее, в большинстве работ прошлого основное внимание уделялось элитарной конфуцианской культуре, жизненные реалии женщин из низших социальных слоёв практически не изучались.

Революционные события 1905–1907 годов стали значимым импульсом для активизации женского движения на Востоке и на Западе. В России оно приобрело немалый размах и выразилось в создании новых организаций, прежде всего Союза равноправия женщин в 1905 г., сформировавшего женскую повестку в периодической печати, включая такие новые издания, как «Женское дело» (с 1900 г.) и «Женский вестник» (1904–1918)¹⁹. Интерес к вопросам социальной динамики не ограничивался внутренним пространством Российской империи, ученые выявляли аналогичные процессы в других странах, включая Китай.

Харбин, ставший крупным центром российской востоковедческой мысли, сыграл важную роль в этих исследованиях. В 1908 году в этом городе было

¹⁶ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977. С. 28-88.

¹⁷ Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: издание Мициковой, 1840. С. 165-176.

¹⁸ Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб.: издание Панафидина, 1888. С. 120-143.

¹⁹ Пушкарева Н.Л. Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 20.

основано Общество русских ориенталистов (ОРО) (1908–1927)²⁰, объединившее исследователей Северного Китая. Значимым вкладом в распространение знаний о китайском «женском вопросе» стал перевод статьи французского востоковеда А. Мэйбона «Феминизм в Китае», выполненный Н.П. Мацокиным и опубликованный в 1910 году в журнале «Вестник Азии»²¹.

После образования в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР) советско-китайское сотрудничество, базировавшееся на общих идеологических принципах социализма, стало мощным катализатором для развития двусторонних отношений. В 1950-е годы СССР оказал Китаю масштабную поддержку в восстановлении промышленности, строительстве инфраструктуры и создании социальных институтов²². Находясь в КНР, советские юристы осуществляли исследование как политической ситуации, так и законодательных процессов страны²³, что предоставило им уникальную возможность систематически расширять знания о государственном устройстве Китайской Народной Республики.

С ухудшением советско-китайских отношений в конце 1950-х — начале 1960-х годов, исследовательский интерес к проблематике брачно-семейных отношений в КНР среди советских ученых снизился. Политическая нестабильность в Китае, в особенности события Культурной революции, а также последовавшее нарастание идеологического противостояния между СССР и КНР обусловили переориентацию внимания исследователей на иные аспекты истории китайского социума.

Нормализация отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в конце 1980-х – начале 1990-х годов способствовала усилению интереса к изучению достижений Китая в реализации модернизационных реформ конца 1970-х годов. Внимание российских

²⁰ Хисамутдинов А.А. Как русские изучали Китай: Общество изучения Маньчжурского края. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2018. С. 8.

²¹ Мэйбон А. Феминизм в Китае (Пер. с англ. Мацокина Н.П.) // Вестник Азии. 1910. № 8. С. 44-57.

²² Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960) (Пер. с кит. А. А. Тагировой). М.: Наука-Восточная литература, 2015. 423 с.

²³ Яичков К.К. Брачно-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1. С. 52-58.

исследователей было сосредоточено на анализе социально-экономических преобразований, включая переход к рыночной экономике, трансформацию демографической политики и её влияние на положение женщин²⁴.

С начала 2000-х годов российская синология активно изучает положение женщин в современном китайском обществе, анализируя его в контексте трансформации института семьи, брака и социальных взаимодействий женщин и мужчин²⁵. Для более глубокого понимания положения женщин в современном китайском обществе важно учитывать исторический контекст, включая правовые и культурные традиции, которые существенно влияли и продолжают ныне воздействовать на порядок социальных отношений между полами²⁶.

Интегрируя исторические, социологические и философские подходы, сотрудник Института востоковедения РАН Э.А. Синецкая в своей монографии проводит комплексное исследование эволюции новых идей и женского движения в материковом Китае и на Тайване в XX веке. Автор подчеркивает уникальность китайского феминизма, обусловленную его тесной связью с национальной спецификой, а также акцентирует внимание на значении литературы как инструмента переосмысления поло-ролевых стереотипов для реализации социальных изменений²⁷.

Несмотря на значительное количество исследований, проблема антропологии повседневности китайянок остается недостаточно разработанной. В российской историографии работы по данной теме, основанные на анализе нормативных документов, официальных отчетов и государственной политики, в основном рассматривают законодательное регулирование семейно-брачных отношений и реформы института брака, что придает им макроаналитический

²⁴ Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991. 235 с.; Бергер Я.М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 100-113; № 2. С. 76-91.

²⁵ Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007. 24 с.

²⁶ Мильникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII-XIII века) СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.

²⁷ Синецкая Э.А. "Путешествие на Запад" китайской женщины, или Феминизм в Китае. Москва, СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019. 612 с.

характер. Микросоциальные аспекты, связанные с повседневной жизнью сельского населения, почти не освещены. Малоизученными остаются эмоционально-духовный мир женщин, их представления о семье, роли и обязанностях, а также восприятие и адаптация к изменениям в условиях социальной и культурной неопределенности.

Объект исследования в данной работе – женская часть населения сельских местностей, расположенных на пересечении провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся в первой половине XX века, которой пришлось оказаться современницами значительных политико-экономических трансформаций и социальных реформ первой половины XX века.

Предмет исследования – перемены в брачно-семейных отношениях, трудовой повседневности и религиозных установках женщин, проживающих в сельских местностях Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в первой половине XX века, женское восприятие этих изменений с учетом культурных особенностей региона.

Цель диссертации – комплексно исследовать особенности изменений в повседневной жизни и религиозных представлениях сельских женщин пограничного региона Шэньси–Ганьсу–Нинся в 1930–1940-е годы под воздействием государственных преобразований. Особое внимание уделяется анализу того, как сами женщины воспринимали, осмысливали и интерпретировали реализуемые реформы, каким образом происходила их адаптация к новым социальным реалиям с учетом локальных культурных традиций, укоренённых ценностей и ментальных установок.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи:**

1. Провести историко-антропологический анализ трансформаций государственной политики в сфере брачных отношений, трудовой деятельности и народных верований сельских женщин в период Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся;

2. Выявить особенности изменений в быте и повседневных практиках сельских женщин Пограничного района под воздействием социальных и политических реформ;

3. Рассмотреть общую эволюцию семейного положения женщин в сельских провинциях Китая первой половины XX века в контексте модернизационных преобразований и реорганизации культурно-ценностной системы;

4. Оценить отношение китайских сельских жительниц к переменам в менталитете, их согласие с проведенными реформами, особенно в брачно-семейной, трудовой и религиозной сферах;

5. Выявить поведенческие стратегии сельских женщин Северного Китая в контексте модернизационных реформ XX века, проанализировать их опыт сопротивления патриархальному порядку и обретение женщинами навыков защиты своих прав;

6. Раскрыть паттерны эволюции культурных традиций под влиянием модернизационных проектов и роль женщин в упрочении новых порядков.

Географические рамки исследования определяются историческими пределами Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, сложившегося на стыке трёх северокитайских провинций и игравшего значительную роль в реализации социальных и политических инициатив Коммунистической партии Китая в 1930–1940-е годы.

Территория района охватывает пространство от реки Хуанхэ на востоке и Великой стены на севере до горного хребта Люпаньшань на западе и реки Цзиньшуй на юге, что подчёркивает его природную и стратегическую уникальность. Площадь Пограничного района превышала 130 тысяч квадратных километров, при протяжённости с севера на юг около 500 километров и с востока на запад примерно 400 километров. В административном отношении район делился на пять подрайонов — Яньань, Суиде, Саньбянь, Гуаньчжун и Лундун, которые включали свыше двадцати уездов с общим населением порядка 1,5 миллиона человек.

Фото № 1 Карта Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся

Хронологические рамки данного исследования охватывают период с начала 1900 года по 1950 год. *Нижняя граница* временных рамок исследования установлена на 1900 год, что совпадает с началом XX века и необходимо для понимания исторических предпосылок. В этот период, на закате династии Цин, активно разрабатывались и предлагались реформы, инициированные такими деятелями, как Кан Ювэй и Лян Цичао. Эти реформаторы стремились к модернизации китайского общества посредством заимствования западных конституционных, правовых и социальных моделей, включая вопросы гендерного равенства. Предлагаемые ими изменения были направлены на всестороннее преобразование общества и ускорение его прогресса, что создало предпосылки для дальнейших социально-политических движений, в том числе и движения за освобождение женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Установление нижнего временного предела на 1900 год позволяет детальнее рассмотреть контекст, в котором зарождалось это движение, а также проследить влияние предлагаемых реформ на его формирование.

Верхняя граница исследования — 1950 год — соотносится с ключевым событием в китайской истории, образованием Китайской Народной Республики в октябре 1949 года. С этого момента начинается новый этап в развитии страны, что делает данную временную границу важным рубежом для анализа изменений в положении женщин за предшествующие пятьдесят лет. Этот исторический период

представляет собой своего рода замкнутый цикл, позволяющий с макроперспективы оценить трансформации, произошедшие в жизни женщин в течение первой половины XX века, включая социальные, правовые и гендерные аспекты.

Методология и методы исследования. В исследовании применяются историко-антропологический и модернизационный подходы, особое значение придается методам работы антропологов повседневности. Кроме того, используются нарративный, историко-генетический и интерпретативный методы, метод включенного наблюдения и выборочных глубинных интервью.

В настоящем исследовании реализуется интегративный *историко-антропологический подход*, позволяющий всесторонне проанализировать, как в специфических исторических и социокультурных условиях личность конструирует самоидентичность и придает собственной жизни смысл. Особое внимание уделяется роли ценностных ориентаций, системы верований и психоэмоционального состояния, которые выступают ключевыми факторами в процессе осмысления индивидуального опыта и построения внутреннего мира человека.

Модернизационный подход позволяет переоценить значение традиционного социокультурного контекста в процессе модернизации, а также сосредоточить внимание на конфликтах, возникающих в ходе этого процесса. Включение особой гендерной перспективы в исследования позволяет глубже анализировать отличия в воззрениях и жизненных мирах женщин и мужчин в различные исторические периоды, а также выявлять корни и формы проявления социально-полового неравенства и дискриминации. Такой аналитический метод позволяет наблюдать, как государственная политика формирует социальные роли мужчин и женщин, и как эти политики конкретно влияют на повседневную жизнь женщин.

Подход истории повседневности помогает обнаружить ритуализированные и повторяющиеся структуры в повседневных практиках сельских жительниц, включая их эмоциональные реакции на макро-события и мотивацию поведения.

В диссертации также используется *историко-генетический метод*, позволяющий установить хронологическую взаимосвязь между различными событиями и фактами, связанными с повседневной жизнью женщин. С помощью *нарративного метода* удалось собрать факты из устных материалов и интегрировать их в единое повествование, создавая целостное описание прошлого и формируя на его основе теоретические выводы. *Интерпретативный метод* предоставляет доступ к глубинным субъективным восприятиям и осмыслению событий, запечатленных в нарративах прошлого. *Метод включенного наблюдения и выборочных глубинных интервью* дает возможность обнаружить эмоциональные аспекты жизни сельских женщин, которые не находят отражения в исторических источниках.

Источниковая база исследования обширна и разнообразна, в ней представлены письменные и устные источники различных типов и видов.

Письменные источники включают местные хроники, нормативно-правовые акты, делопроизводственную документацию и материалы СМИ. *Местные хроники*²⁸ представляют собой исторические документы, систематически описывающие природные, социальные, экономические и культурные аспекты определенного региона. Обычно местные хроники включают в себя информацию о географии, населении, истории, экономике, культуре, образовании, религии и обычаях данного региона. *Нормативно-правовые акты*²⁹ включают в себя

²⁸ Лэй Юньфэн. Хроника основных событий в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Сиань: Саньцин чубаньшэ, 1990. 438 с. (на кит. яз.); Редкие местные хроники Северо-Запада. Том 11. Ланьчжоу: Ланьчжоу гуцзи судянь, 1990. С. 46-47 (на кит. яз.); Серия местных хроник Шэньси. Хроники уезда Хэншань. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 131 (на кит. яз.); Ян Цзинчжэнь (ред.) Местные хроники провинции Шэньси - Обычай. Сиань: Саньцин, 2000. С. 178 (на кит. яз.); Хроники провинции Шэньси и фольклорные хроники. Сиань: Саньцин, 2000. С. 179 (на кит. яз.); Хэ Бинью и др. Комментарии к хроникам уезда Хуанлин на 33-м году Китайской Республики. Т. 18, Обычай, баллады и пословицы. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2009 (на кит. яз.).

²⁹ Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Положение Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (4 апреля 1939 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 804-807 (на кит. яз.); Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Порядок рассмотрения развода супругов бойцов в период сопротивления японским захватчикам (1 января 1943 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой

законодательные документы, такие как конституции, законы, указы, постановления и регламенты. Эти документы отражают направления социальной, экономической, культурной и бытовой политики, в том числе вопросы, связанные с правами и положением женщин. *Делопроизводственная документация*³⁰ – это документы, создаваемые и используемые различными государственными, судебными, экономическими, политическими и общественными организациями для управления их деятельностью. К ним относятся протоколы заседаний, служебные записки, отчёты и распоряжения. Другую группу источников составляют *материалы СМИ*. 16 мая 1941 года была официально основана газета «Цзефан жибао», которая стала первой крупной ежедневной газетой, издаваемой в революционной базе сопротивления японским захватчикам. В ней публиковались

демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 807-808 (на кит. яз.); Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Поправка к временным правилам Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (20 марта 1944 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 809 (на кит. яз.); Исследовательский отдел истории женского движения Всекитайской федерации женщин (ред.) Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах. Исторические материалы китайского женского движения (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 1991. С. 648 (на кит. яз.).

³⁰ Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ «Вопросы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся» (на кит. яз.); Архив провинции Шэньси. Оп. 46, Д. 14. Документ «Проблемы женских браков в Мичжи» (на кит. яз.); Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Избранные документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1937-1949). Внутренние материалы. 1982. 324 с. (на кит. яз.); Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутренние материалы. 1985. 504 с. (на кит. яз.); Женские федерации провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся (ред.) Отчет об основных событиях женского движения в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутренние материалы. 1987. С. 148 (на кит. яз.); Исследовательский отдел истории женского движения Всекитайской федерации женщин (ред.) Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах. Исторические материалы о китайском женском движении (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 1991. С. 648 (на кит. яз.); Центральный архив (ред.) Декларация Второго национального съезда Коммунистической партии Китая. Избранные документы ЦК КПК. Том. 1. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ, 1989. С. 116 (на кит. яз.); Пэн Дэжуай. Выступление на закрытии совместного заседания партийных комитетов и женкомов четырех районов Шаньси, Хэбэй, Шаньдуна и Хэнани. Под ред. Исследовательского отдела истории женского движения Всекитайской федерации женщин. Исторические материалы китайского женского движения (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 1991. С. 680-681 (на кит. яз.); Мао Цзэдун и др. Декрет первой сессии Центрального исполнительного комитета Китайской советской республики «Временные положения о браке» (28 января 1931 г.) // Maoism.ru. 21.11.2020. СМ. <http://maoism.ru/16048>.

новости о женском движении за освобождение и реформе брачной системы в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Материалы *устной истории* представляют собой основную вид источников. В личном архиве автора содержатся 16 полуструктурированных биографических интервью с сельскими жительницами, собранных в ходе полевых исследований в уездах Хуаньсянь, Хуачи и Цинчэн города Цинъян в апреле 2023 года. В 1930-х и 1940-х годах эти уезды входили в подрайон Лундун Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Интервью были проведены на основе неслучайной выборки респонденток. Большинство опрошенных - сельские женщины в возрасте старше 75 лет, которые непосредственно или опосредованно пережили те годы перемен и могли рассказать о своем индивидуальном опыте в брачно-семейной, трудовой и религиозной жизни.

Научная новизна диссертации определена отсутствием аналитики о женском духовном мире и женской повседневности в северо-западных провинциях Китая в XX веке при наличии запроса на подобные исследования. Обращение к разнообразным историческим источникам, отображающим историю брачно-семейного права и китайской сельской повседневности, а также к обширным устным материалам – рассказам жительниц сельских районов, собранным автором данного квалификационного труда в 2020-е гг., – позволило оценить эвристическую перспективу, провести комплексный анализ повседневного быта сельских жительниц Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, выявить их восприятие перемен и отношение к проведенным КПК реформам в 1940-е годы.

Научно-практическая значимость. Реконструкция повседневной жизни сельских женщин в третьем и четвертом десятилетиях XX века в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся позволяет глубже понять процесс женского освобождения от традиционных норм и законов, оценить роль государства в этом процессе, а также выявить особенности китайской модели модернизации. Проведенное исследование помогает осознать конкретные современные проблемы, с которыми женщины сталкиваются в таких сферах, как образование, занятость,

здоровье и семейная жизнь. Очевидно, что данный анализ станет исторической основой для разработки современных и будущих политик, направленных на улучшение положения женщин и регулирование отношений между полами в семье и обществе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Несмотря на глубокие патриархальные традиции, укорененные в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся с эпохи раннего Чжоу и определявшие бесправное положение женщин в начале XX века, последние, формируя группу “афазий”, активно использовали социальные связи как механизм адаптации, сопротивления и осознания гендерной идентичности в условиях ограниченных возможностей.

2. Реформы семейно-брачного законодательства в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, несмотря на сопротивление традиционного общества и сохранение отдельных архаичных практик, способствовали ослаблению патриархальных устоев, росту женского самосознания и формированию новых стратегий взаимодействия между женщинами и властью, что заложило основу для дальнейшей эмансипации.

3. В регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся до реформ 1930-х годов, несмотря на активное участие женщин в сельском хозяйстве и ремесленном производстве, их труд систематически недооценивался, а социально-экономическая зависимость, усугубленная патриархальными конфуцианскими нормами и тяжелыми условиями жизни, ограничивала их возможности и способствовала формированию противоречия между экономической необходимостью и социальной стигматизацией, что, в свою очередь, создавало предпосылки для переосмысления роли женщин в обществе.

4. В условиях военного времени и экономической изоляции КПК успешно реализовала гибкую стратегию вовлечения женщин в экономическую деятельность. Эта стратегия, основанная на признании значимости их труда в домашнем хозяйстве и сочетании продвижения идей социально-полового равенства с традиционными ценностями коллективизма и взаимопомощи, позволила повысить

социальный статус и экономическое благосостояние женщин, а также укрепить поддержку партии среди сельского населения.

5. Религиозные верования играли ключевую роль в жизни женщин региона, служа важным механизмом адаптации к тяжелым условиям. В условиях ограниченного доступа к медицине и образованию, женщины активно использовали синкретические религиозные практики для решения повседневных проблем. Эти верования не только обеспечивали психологическую поддержку, но и создавали альтернативные социальные сети, выходящие за рамки патриархальных структур.

6. Несмотря на антирелигиозные кампании и процессы модернизации, устойчивость традиционных верований в Китае объясняется гибким политическим курсом КПК, а также глубокими культурными традициями. Это способствовало прагматичной адаптации местных жителей, особенно женщин, к новым условиям, что позволило им сохранять свои ритуалы и убеждения, демонстрируя формальную лояльность властям.

Степень достоверности. Достоверность результатов исследования обусловлена использованием методологии исторической антропологии, включающей полевые исследования, проведение интервью и глубокое погружение в культурный контекст сообщества. Широкий спектр источников, таких как архивные данные, научные статьи и непосредственное наблюдение, способствует повышению надежности полученных данных. Дополнительно проведен анализ сопоставления с существующими работами, что подтверждает новизну и актуальность выводов.

Апробация выводов исследования. Результаты исследования апробировались на научных конференциях, посвященных обсуждению различных проблем женской истории, истории повседневности, в том числе: Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (Москва, 2022, 2023), Международная научная конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ) (Пенза, 2022; Кострома, 2023;

Махачкала, 2024), XV Конгресс антропологов и этнологов России (Санкт-Петербург, 2024) и др.

Основные положения диссертации отражены также публикациях автора в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ:

1. Ли Илэй, Пушкарева Н. Л. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 2. С. 404–416 (индексировано также в Scopus Q2)

2. Ли Илэй, Пушкарева Н. Л. Правовые аспекты семейной жизни китаянок в первой половине XX в.: эрозия патриархальности, последствия модернизации // *Этнографическое обозрение*. 2024. № 2. С. 190-205 (индексировано также в Scopus Q1)

3. Ли Илэй. Революция достоинства: отношение к женщинам и женскому труду в китайских крестьянских семьях первой половины XX в. // *Вестник Тверского государственного университета. Серия История*. 2024. № 2(70). С. 99-106.

4. Ли Илэй. Народные верования в религиозной жизни сельской женщины Северного Китая периода Второй гражданской войны // *Современная научная мысль*. 2024. № 3. С. 193-200.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав (по 3 параграфа в каждом), заключения, списка литературы и источников, приложений.

Во **введении** обоснована актуальность выбранной темы, подробно раскрыта степень изученности данной проблемы, определены объект и предмет исследования, а также сформулированы цель и задачи. Указаны временные и географические рамки исследования, представлена методологическая основа и использованные методы. Проведен анализ источников, выявлена научная новизна и практическая значимость работы. Кроме того, изложены сведения об апробации результатов и описана структура работы.

В первой главе *«Женская история в китайской, западной и российской историографии»* проводится сопоставительный анализ эволюции женской истории в китайской, западной и российской историографических традициях. Особое внимание уделяется трансформации методологических подходов, разнообразию тематических полей и источниковедческих стратегий при изучении повседневной жизни китайских женщин. Отдельно рассматриваются вопросы репрезентации женского опыта, а также воздействие идеологических и культурных конструктов на научные интерпретации социальной роли женщин.

Вторая глава *«Семейная повседневность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»* посвящена исследованию восприятия и оценки китайками первых попыток реформирования системы брачно-семейных отношений и их нормативной базы. В ней рассматривается, насколько проведенные реформы соответствовали ожиданиям сельских жителей указанных провинций, как они принимались ими и как женщины адаптировались к переменам, какое реальное влияние оказали нововведения на повседневную жизнь сельских тружениц.

Третья глава *«Трудовая деятельность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»* анализирует роль и положение крестьянок на протяжении первой половины XX века. В ней прослеживается динамика перемен от дореволюционного Китая до создания Китайского народного государства, вклад, роль, экономическое участие женщин в социальных и политических преобразованиях, инициированных Коммунистической партией Китая (КПК) с 1921 г. до начала 1950-х гг.

Четвертая глава диссертации *«Религиозный мир сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900 -1950-е гг.)»* отдана исследованию устойчивости и изменчивости традиционных женских религиозных практик, выявлению женской субъектности в компаниях по борьбе с суевериями, истории адаптации женщин к антирелигиозной программе КПК и влияния этой программы на их религиозную жизнь.

Благодарность

Выражаю глубокую признательность моему научному руководителю, Наталье Львовне Пушкаревой, за ценные рекомендации, всестороннюю поддержку и профессиональное наставничество, оказанные на протяжении всего процесса написания данной диссертации. Ваш высокий профессионализм, глубокие знания и готовность делиться своим опытом внесли значительный вклад в формирование моего научного мировоззрения и методологического подхода к исследованию.

Особую благодарность выражаю всем респондентам, принявшим участие в исследовании и поделившимся своими знаниями, опытом и историями. Их откровенность и готовность сотрудничать являются неоценимым вкладом в выполнение данной научной работы.

Глава 1. Женская история в китайской, западной и российской историографии

§ 1. Исследования повседневной жизни женщин в китайской историографии

В китайской академической среде существуют разные мнения о степени углубленности разработок в изучении истории быта, «а потому и повседневной жизни». Профессор Ли Цзинчжэн считает, что только с начала XXI века в материковом Китае начали появляться исследования именно истории повседневной жизни в строгом смысле слова (не говоря уже о том, что само наполнение термина «повседневная жизнь, повседневность» в современной китайской историографии имеет сравнительно короткую традицию). Из-за относительно недолгого периода развития этой области в настоящее время сложно полностью очертить её академическое развитие³¹.

В то же время, те, кто склонен ставить знак равенства между изучением бытовой сферы жизни народа и изучением повседневности, среди них, например, Ху Юэхань и Се Юндун, прослеживают истоки исследований истории повседневного быта даже еще до начала XX века. Они справедливо выделяют в историографии повседневности не менее, чем четыре аспекта: во-первых, этнографические описания быта; во-вторых, исследования экономической и социальной истории, в которых отобразились какие-то бытовые аспекты; несколько позже, считают они, получили распространение исследования новой экономической и новой социальной истории (а в них так или иначе уже затрагивалась тема «истории повседневных практик»); и, наконец, начиная с 1990-х годов под влиянием новой культурной истории и междисциплинарных исследований по всему миру получили признания исследования истории повседневности. Не ранее, чем 35-30 лет тому назад исследования истории повседневности превратились в особое направление в науках о прошлом, стали

³¹ Ли Цзинчжэн. Образы народа: Исследование повседневной жизни в период Китайской Республики // Аньхой шисюэ, 2015. № 3. С. 36-48 (на кит. яз.).

независимыми и многообразными, продемонстрировав чрезвычайно яркую исследовательскую динамику³².

Практически все, кто в Китае обращается к исследованиям истории повседневной жизни - Ли Цзинчжэн, так и Ху Юэхань, Се Юндун, Чан Либин³³ и Чан Цзяньхуа³⁴ - склонны признавать, что в последние годы история повседневных практик – это самостоятельная, многоаспектная, интегративная по методам область исторической антропологии. При этом поначалу, в 1980-е годы, когда это направление развивалось, скорее, как часть новой социальной истории³⁵ - при всем значительном внимании к изучению особенностей одежды, еды, жилья, отдыха и развлечений, в основном проводились в рамках исследований социальной истории, - еще не было сформировано теоретических или методологических исследований, отличающих направление «истории повседневности» от этнографического изучения быта или аспектов новой социальной истории. Они появились тогда, когда научной школой Н.Л. Пушкаревой в российской социальной антропологии было проведено разграничение между традиционными этнографическими исследованиями быта этносов и антропологией повседневности, в том числе с учетом фактора пола³⁶. Именно изучение истории повседневности в культуре разных этносов заставило исследователей уделить значительно более пристальное внимание бытовым практикам, эмоциям, переживаниям, «миру чувств» женщин. И это было решающим фактором при выборе нами методов работы над диссертационной темой. Проведя историографический анализ трудов китайских, англоязычных и российских исследователей, а также рассмотрев

³² Ху Юэхань, Се Юндун. Обзор исследований повседневной жизни в Китае // Шилинь. 2010. № 5. С. 174-182 (на кит. яз.).

³³ Чан Либин. Теория и методы исследования повседневной жизни — пересмотр одного из направлений социально-исторических исследований // Шаньси дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2009. № 2. С. 67-71 (на кит. яз.).

³⁴ Чан Цзяньхуа. Повседневная жизнь и социально-культурная история — исследование социальной и культурной истории Китая в свете «новой культурной истории» // Шисюэ лилунь яньцзю. 2012. № 1. С. 67-79 (на кит. яз.).

³⁵ Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.

³⁶ Пушкарева Н.Л. История повседневности и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskoga instituta SANU (Beograd). 2005. №. 53. С. 21-34.

основные тенденции развития новых научных направлений за последние полвека, нами была выбрана антропология женской повседневности в той интерпретации, которую предлагает современная российская гуманитарная наука.

Конечно, исследователи обращались к женским персонажам китайской истории в своих публикациях и более ста лет назад³⁷. К примеру, «История жизни китайских женщин» Чэнь Дунъюаня³⁸ была первой предвоенной работой, посвященной этой теме. В ней автор критически оценивал традиционное китайское общество, подчеркивая неравноправный социальный статус в нем женщин. Его исследование мало отличалось от других, аналогичных, все они были написаны мужчинами и все они жестко критиковали женское социальное прошлое, как и любую традиционность, дабы ярче подсветить перемены, которые принесла женщинам новая власть, переосмыслить женскую социальную роль и выразить своё понимание современности³⁹. Такое понимание истории «слабого пола» было востребовано периодом политической мобилизации «новых женщин» во имя реформ, «Движением за новую культуру» 新文化运动 – массовым социальным движением в Китае, начавшимся в середине 1910-х гг. Его сторонники призывали учитывать положительный опыт западной науки и культуры, побуждать женщин к участию в профессиональной деятельности⁴⁰.

Спустя три десятилетия, с созданием Китайской народной республики в 1949 г. основным действующим лицом в исторических исследованиях стал класс и написание обобщающих трудов, излагающих прошлое страны оказалось сразу сильно политизировано. Согласно официальной версии прошлого Китая, едва КПК

³⁷ Чэнь Гуюань. История брака в древнем Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1925. 148 с. (на кит. яз.); Чжао Фэнцзе. Правовой статус женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1928. 152 с. (на кит. яз.); Люй Симянь. Краткая история китайской брачной системы. Шанхай: Чжуншань шуцзю, 1929. 100 с (на кит. яз.); Ван Шуну. История китайской проституции. Шанхай: Шэнхо шудянь, 1934. 358 с (на кит. яз.).

³⁸ Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1937. 439 с. (на кит. яз.)

³⁹ Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа // Шэхуэй кэсюэ. 2008. № 12. С. 148 (на кит. яз.).

⁴⁰ Дэн Янь. Изучение происхождения соответствия «мужчина / внешнее – женщина / внутреннее» и «мужчина / общественное – женщина / частное»: о влиянии гендерных теорий Лян Цичао и Го Можо // Сучжоу кэцзи сюэюань сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2014. № 1. С. 96 (на кит. яз.).

пришла к власти, она «разрешила этнические и классовые конфликты революционным путём, освободила женщин, устранила проблему проституции, ликвидировала рабство и установила автономию брака и равенство между мужчинами и женщинами»⁴¹. Поскольку «женский вопрос» был решен на законодательном уровне, продолжать говорить о каких-то проблемах, неразрешенных вопросах, касавшихся женщин, казалось тогда неуместным. В середине 1960-х годов исследования, посвященные женской истории Китая вообще сошли на нет. Никаких публикаций по этой теме в условиях культурной революции не было, основной акцент делался на изучении особенностей классовой борьбы, но даже тема участия женщин в этих процессах практически не освещалась. Вопрос о женском социальном самосознании замалчивался, конечная цель женской части населения страны определялась как «служение народу, а не борьба за гендерное равенство»⁴². Таким образом, за тридцать лет с момента образования Китайской народной республики и до начала реформ 1970-х гг. исследования по истории женщин можно было пересчитать по пальцам.

Третий пленум ЦК КПК 1978 года стал не только важнейшим рубежом для гуманитарных наук Китая, инициировав глубокие интеллектуальные преобразования, но и дал толчок к существенной трансформации исторической науки. Именно в этот период в китайской историографии формируется новая исследовательская оптика, ориентированная на переосмысление социальных аспектов прошлого, что способствовало расширению методологических подходов и углублению научных дискуссий. Ранее эти вопросы были сосредоточены на классовой борьбе, крестьянских восстаниях и революциях⁴³.

На рубеже 1980-х годов обозначился новый виток в развитии женской истории: инициированные государством масштабные проекты по архивированию и

⁴¹ Ду Фанцин. Шестидесятилетний обзор китайских женщин / гендерной истории: теория и методы // Чжунхуа ньюцзы сюэюань сюэбао. 2009. № 5. С. 13 (на кит. яз.).

⁴² Чжоу Дамин, Го Юнпин. Гендер, власть и формирование идентичности: исследование на примере железной девушки Дачжэй // Цинхай миньцзу яньцзю. 2013. № 10. С. 10 (на кит. яз.).

⁴³ Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа // Шэхуэй кэсюэ. 2008. № 12. С. 149 (на кит. яз.).

публикации источников о жизни женщин в провинции Шэньси заложили прочную базу для формирования аналитической повестки в этой области⁴⁴. Эти начинания стимулировали междисциплинарные дискуссии о месте женщин в революционных и национальных процессах, о специфике их вовлечённости в политическую и экономическую жизнь, а также об интерсекциональных взаимосвязях между женским движением и национальным развитием на фоне глобальных изменений. Несмотря на появление новых исследовательских направлений, частная и повседневная сфера женского опыта ещё долго оставалась на периферии академического интереса.

Благодаря расширению международных научных контактов в конце 1980-х – 1990-е годы китайская историография смогла продолжить традицию изучения социальной истории Китая и, под влиянием французской историографии и Школы Анналов, попыталась вдохновить соотечественников на написание новой социальной истории, ориентированной на получение знаний о повседневных нуждах и чаяниях низших классов и маргинальных групп. Под воздействием западных, в том числе феминистских, теорий и исследований гендерной истории женская история стала рассматриваться как неотъемлемая часть социальной истории, дополняющая существующую картину прошлого. От монографий, формально включавших бытовые аспекты жизни женщин (причем женщин, принадлежащих, по большей части, к высшей знати древнего Китая⁴⁵) китайская историография в 1990-е годы перешла к расширению проблематики за счет включения в круг изучаемого новых тем.

Появились публикации о женщинах-работницах, ученых и, шире, интеллектуалках, о представительницах множества профессий и, конечно, о крестьянках (ведь они составляли большинство населения), даже о проститутках и

⁴⁴ Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Избранные документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1937-1949). Внутренние материалы. 1982. 324 с. (на кит. яз.); Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутренние материалы. 1985. 504 с. (на кит. яз.); Лэй Юньфэн. Хроника основных событий в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 1990. 438 с. (на кит. яз.)

⁴⁵ Гао Шиюй. Женщины династии Тан. Сиань: Саньцинъ Чубаньшэ, 1988. 176 с. (на кит. яз.)

рабынях⁴⁶. Эти научные труды не только раскрыли глубокое влияние социальных изменений на жизнь женщин в прошлом и настоящем Китая, но и показали ключевую роль женщин в продвижении процесса модернизации китайского общества. Однако основное внимание в большинстве работ уделялось макроисследованиям женской части китайского населения в целом, что не позволило отобразить многообразие социального опыта женщин разных возрастных, половых, конфессиональных, этнических групп с разным уровнем образования и с учетом региональных особенностей. Исследования о сельских женщинах, особенно о женщинах из северо-западных районов, относительно были очень редки. Лишь в одной монографии речь шла об изменениях в брачных обычаях провинции Шэньси, но лишь походя автор коснулся перемен во внутрисемейных отношениях между женщинами и мужчинами⁴⁷.

Лишь в последнее двадцатилетие антропология женской повседневности стала медленно превращаться в особую тему исторических исследований⁴⁸. Множество академических исследований, посвященных истории брачно-семейных отношений в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, было сосредоточено на

⁴⁶ Фэн Эркин, Чан Цзяньхуа. Социальная жизнь людей Цин. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1990 (на кит. яз.); Чжэн Юнфу, Лю Мэйи. Жизнь женщин в современной Китае. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1993. 419 с. (на кит. яз.); Ма Гэнцунь. История женщин в современной Китае. Циндао: Циндао чубаньшэ, 1995. 312 с. (на кит. яз.); Ло Сувэнь. Женщины и общество современного Китая. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1996. 531 с. (на кит. яз.)

⁴⁷ Цинь Янь, Юэ Лун. Выход из изоляции: брак и рождаемость женщин северного Шэньси (1900—1949 гг.). Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1997. 236 с. (на кит. яз.)

⁴⁸ Ян Цзе. Первые попытки женского образования: раннее развитие женского образования в Китае на примере Шанхайской женской школы // Чжэцзян сюэкань. 2001. № 6. С. 115-119 (на кит. яз.); Ван Ли. Явление одиночества женщин в современном Гуандуне: саморасчесывающиеся женщины и отказ от замужества // Гуанси миньцзу сюэюань сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2001. № 3. С. 50-54 (на кит. яз.); Цзян Пэй. Структурный анализ проституции в Тяньцзине первой половины 20 века // Цзидайши яньцзю. 2003. № 2. С. 153-186 (на кит. яз.); Хоу Яньсин. Исследование проблемы женских самоубийств в Шанхае (1927-1937). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2008. 326 с. (на кит. яз.); Сунь Гаоцзе. Помощь женщинам в Пекине в 1902-1937 годах: Исследование официальной благотворительности. Дис. ... канд. ист. наук. Нанькайский университет, Тяньцзинь, 2012. 250 с. (на кит. яз.); Фэн Цзянься. Гендер и профессия: Идентичность женщины-журналиста в период Китайской Республики (1920-е – 1940-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. Фуданьский университет, Шанхай, 2013. 190 с. (на кит. яз.); Чжао Цзин. Исследование гигиены родов в современном Шанхае (1927-1949). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2016. 312 с. (на кит. яз.); Цзин Сяньцзин. Повседневная жизнь женщин-рабочих в Шанхае во время войны (1937-1945). Дис. ... канд. ист. наук. Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, 2017. 250 с. (на кит. яз.).

изучении изменений в семейном праве и политике, произошедших после установления особого политического режима в данном районе⁴⁹. Исследователи расширили свои горизонты, выйдя за пределы изучения нормативных документов, касавшихся брака и семьи. Появилось немало публикаций по истории женского освободительного движения, по истории женского образования, участия женщин в фабричном труде, ранних формах участия в политике⁵⁰.

При этом в основе большинства исследований лежал позитивизм, тесно переплетенный с историческим материализмом. Большинство научных исследований склонны описывать и понимать и социальные явления, и их исторические изменения, исходя из примата материального над нематериальным (что типично для марксистской историографии), уделяя особое внимание анализу того, как макрополитическая политика государства могла активно трансформировать женские общности. Односторонняя, очень линейная и упрощающая модель исторического объяснения не только игнорировала влияние на социальную структуру таких факторов, как культурные традиции, религиозные верования, ценностные ориентации и менталитет, но и не учитывала вовсе сложившиеся повседневные практики и личный опыт женщин как субъектов перемен в контексте большой истории.

В обзоре новейших исследований о женщинах в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся обнаруживается значительный пробел. Среди этих работ почти нет публикаций, которые бы глубоко исследовали исторический феномен

⁴⁹ Цуй Ланьпин. Анализ реформы системы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Сибэй дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2000. № 4. С. 96–99 (на кит. яз.); Цинь Янь. Изменения брачно-семейной системы в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период сопротивления японским захватчикам. Канжи чжаньчжэн яньцзю, 2004, № 3. С. 181-200 (на кит. яз.); Хуан Чжэнлинь. Сельские женщины в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период сопротивления японским захватчикам. Канжи чжаньчжэн яньцзю, 2004. № 2. С. 75-99 (на кит. яз.); Ван Яли. Исследование брачной жизни женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся: взгляд через призму отношений между женщинами, браком и революцией. Дис. ... канд. ист. наук. Шаньсиский университет, Тайюань, 2016 (на кит. яз.).

⁵⁰ Чжоу Цзиньтао. Культурное образование сельских женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период войны сопротивления японским захватчикам // Синань миньцзю дасюэ сюэбао. 2012. № 11. С. 214-219 (на кит. яз.); Ван Янь. Женщины берутся за важные дела: организационные техники женского труда в движении за крупномасштабное производство // Фунюй янюцзю луньцун. 2023. № 6. С. 1-15.

участия женщин в религиозных и традиционных народных обрядах (ни в далеком прошлом, ни в XX веке). При этом исследований, касающихся усилий правительства района по преобразованию мышления крестьян через «движение против колдунов»⁵¹ немало. Но, как и в предыдущие десятилетия, эти исследования так и не включили темы участия в них женщин или иных вопросов, касающихся так или иначе женской темы. Если уж авторы и писали о колдовских практиках, то все внимание уделяли им с точки зрения современного рационализма, навешивали на них ярлыки «суеверий» или «темной невежественности». Такой упрощенный подход игнорирует многомерность и сложность социальной и культурной среды региона, выбранного нами для рассмотрения, несправедливо обходит женскую тему и никак не связывает социальный опыт китаянок со стереотипами, укорененными религиозными представлениями, разделяемыми населением этого локуса.

§ 2. Исследования повседневной жизни китаянок в западной историографии

Начиная с середины XX века, западные историки проявляли растущий интерес к социальному прошлому женщин Китая, уделяя особое внимание трансформациям брачной системы. В 1960-1970-е гг., из-за напряженных отношений между Китаем и странами Запада, холодной войны, политики изоляции Китая зарубежным синологам нелегко было попасть в Китай для ведения полевых исследований. Писавшие о быте китайцев полагались тогда только на опубликованные письменные источники, углубленно анализируя, в какой степени коммунистическая революция разрушила традиционный патриархат и способствовала освобождению женщин. Почти все западные исследователи тогда положительно оценивали реформу брака, видели в движении женщин за освобождение аналог западных протестных движений, а говоря о статусе китаянок после основания Китайской Народной Республики связывали его улучшение в Китае с политикой экономической мобилизации женщин как основной идеей

⁵¹ Ву Чэнван. Движение против колдунов и трансформация сельского общества в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. // Кэсюэ юй вушэньлунь. 2022. № 4. С. 51-60 (на кит. яз.).

китайского руководства⁵². Эти выводы делались на основе анализа официальных документов китайского правительства, статей и публичных выступлений высокопоставленных руководителей. Авторы этих публикаций, как правило, центрировали внимание на теоретических целях и политических намерениях высшего руководства страны и, по сути, игнорировали значительные различия между разработанной политикой, сформулированной на высшем уровне, и ее фактическим выполнением на местах.

С конца 1970-х годов западные ученые начали пересматривать свое отношение к Китаю и, благодаря развернувшейся «политике реформ и открытости», получили возможность лично наблюдать за жизнью женщин, переживших социальные преобразования. Проведя полевые исследования в прибрежных районах на востоке Китая, они заметили, что улучшение статуса женщин оказалось там не столь значительным, сколь ожидалось, особенно если принимать в расчет сельскую местность, где традиционное патриархальное влияние по-прежнему оставалось глубоко укорененным⁵³.

В американской историографии можно встретить также утверждение о том, что в условиях революционных событий 1940-х гг. китайское руководство во имя поддержки своей стратегии большинством мужского населения (а на первом плане тогда стояли вопросы сопротивления японским захватчикам и победы коммунистов в гражданской войне) решилось принести интересы женщин в жертву. То есть события 1940-х гг. не только не обеспечили улучшения положения женщин, полагают они, но и в определенной мере затормозили этот процесс, а восстановленные установки и свидетельства «мужского преобладания» американские историки именовали в связи с этим «патриархальным

⁵² См. Meijer M. J. *Mariage law and policy in the Chinese People's Republic*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1971. 369 p.; Wolf M., Witke R. eds. *Women in Chinese Society*. Stanford: Stanford University Press, 1975. 315 p.; Davin D. *Woman-work: Women and the party in revolutionary China*. New York: Oxford University Press, 1976. 244 p.

⁵³ См. Diamond N. *Collectivization, kinship, and the status of women in rural China* // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*, 1975. № 1. P. 25-32.

социализмом»⁵⁴. Они не увидели в усилиях КПК полувековой давности никаких примеров реальной заинтересованности в улучшении положения женщин и в продвижении реформ семейно-брачного законодательства, обесценили достигнутые в предыдущие десятилетия определенные успехи, и полагали, что (в связи с приоритетом экономических и военных целей в политике КПК) проблемы и запросы женщин услышаны тогда никем не были, а новые законы лишь укрепили традиционные женские семейные роли. В особенности, отмечено было ими, подобные выводы касаются сельских женщин. Патриархальные семейные структуры в сельских районах Китая, по их мнению, не претерпели существенных изменений, подчиненное положение сельских женщин в них было (да и по сей день остается) остается глубоко укорененным, социальный статус и права женщин этих провинций не претерпели никаких значительных улучшений ни тогда, ни позже⁵⁵.

В 1980-е гг. изложенная выше точка зрения стала основной в изложении картины состояния «женского вопроса» в Китае, в особенности под пером феминистски настроенных авторов, и именно эта точка зрения на историю китайской революции в деле освобождения женщин, и получила широкое признание⁵⁶. Однако стоит отметить, что подобные исследования основываются на бинарном мышлении, сформированном временем холодной войны. Они исходят из перспективы западного либерального феминизма, разрывают связь женского освободительного движения в Китае начала XX века с современными достижениями в сфере достижения большей справедливости в социальных отношениях женщин и мужчин в Китае, с китайской историей и ее традициями в целом, поскольку носят явный идеологический характер. Этот подход не способен

⁵⁴ См. Kay A. J. *Women, the family and peasant revolution in China*. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 282 p.; Stacey J. *Patriarchy and socialist revolution in China*. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 250-253. Stranahan P. *Yan'an women and the Communist Party*. Berkeley: University of California, Institute of East Asian Studies, 1983. 130 p.

⁵⁵ См. Там же.

⁵⁶ См. Keating P. B. *Two revolutions: village reconstruction and the cooperative movement in northern Shaanxi, 1934-1945*. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 7; Jacka T. *Women's work in rural China: Change and continuity in an era of reform*. New York: Cambridge University Press, 1997. P. 30; Huang P. C. C. *Chinese civil justice, past and present*. New York: Rowman & Littlefield, 2009. P. 109-113.

представить многостороннюю картину перемен в условиях и содержании жизненного мира женщин в различных областях и провинциях Китая, не учитывает в полной мере реального социального опыта и активного участия женской части населения во всех социальных преобразованиях.

В последние 30 лет исследования истории женщин в Китае в академических кругах Европы и Америки стали обретать новое дыхание под влиянием постмодернистской историографии, «новой культурной истории», обновленной истории женщин и в особенности благодаря исторической антропологии женской повседневности. Пришло новое поколение ученых, готовых расширять круг источников, более активно привлекать материалы устной истории – биографических интервью, тщательно анализировать эгодокументы, стремясь найти женские голоса. Эти новые исследования выявили важный факт: даже под гнётом традиционного патриархата женщины оставались активной частью населения, способной усилить общественный прогресс, смело прокладывая свой независимый путь, ярко демонстрируя свою субъектность и креативность.

Среди исследователей, посвятивших свои труды изучению Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся (который взят нами для рассмотрения) наиболее известным является профессор Цун Сяопин из Хьюстонского университета США. Она расширила свои исследовательские взгляды до правовой сферы, глубоко анализируя, как женщины этого района защищали свои права через правовые механизмы и играли важную роль в государственной политике и политических движениях. При всей значимости ее трудов, они имеют, скорее историко-правовой характер. Истории конкретных жизней крестьянок рассматриваемой части Китая прошли мимо ее генерализирующего исследовательского взгляда. Она много страниц посвятила анализу разных судебных процессов, а отсутствие их во второй половине XX века расценила как идеал общества, главный критерий социальной гармонии, к которому стремились правители на протяжении веков, как основная ценность китайской традиционной правовой культуры. Упомянутое профессором «отвращение к судебным разбирательствам» среди изученного ею населения

означало, однако, что подобные случаи в повседневной жизни встречались редко, поскольку женщины не владели знаниями и искусством их инициировать, а вовсе не потому, что были со всем согласны в своей повседневной жизни.

§ 3. Исследования повседневной жизни китаянок в российской историографии

Российские синологи начали обращаться к женским персонажам китайской истории в своих публикациях почти двести лет назад, что свидетельствует о раннем интересе к роли женщины в китайском обществе. На рубеже XVIII–XIX вв. российская синология развивалась под значительным влиянием Русской православной церкви, центральную роль в которой играла деятельность Пекинской духовной миссии⁵⁷. Эта институция не только способствовала формированию первых систематизированных научных представлений о Китае, но и задала гуманитарно-историческую направленность исследований, сосредоточив внимание на духовных и культурных аспектах китайской цивилизации. В рамках этого подхода изучение положения женщины в китайском обществе стало неотъемлемой частью более широкого интереса к традиционным социальным институтам, которые рассматривались через призму конфуцианской философии как господствующей идеологической системы.

Внимание российских сиологов было сосредоточено на изучении роли женщины в рамках традиционной патриархальной семейной структуры. Исследования преимущественно фокусировались на анализе семейно-брачных обрядов, социального положения женщин в иерархии и нормативных представлений о женственности, предписываемых конфуцианской этикой. Такие учёные, как Н.Я. Бичурин⁵⁸ и С.М. Георгиевский⁵⁹, подчеркивали зависимое положение женщины в патриархальной системе, рассматривая её роль сквозь

⁵⁷ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977. С. 28-88.

⁵⁸ Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: издание Мициковой, 1840. С. 165-176; Бичурин Н. Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. СПб.: издание О.В. Базунова, 1848. 423 с.

⁵⁹ Георгиевский С. М. Принципы жизни Китая. СПб.: издание Панафидина, 1888. С. 120-143.

призму конфуцианских добродетелей, включавших скромность, покорность и самоотверженность. В основе исследований лежал анализ конфуцианских канонических текстов, китайской философии и этнографических наблюдений, что способствовало выявлению нормативных аспектов семейных отношений, детерминированных конфуцианской системой ценностей, а также идеологических основ социальной иерархии в традиционном китайском обществе.

Тем не менее, основное внимание уделялось элитарной конфуцианской культуре, что сужало рамки анализа. Жизненные реалии женщин из низших социальных слоёв, таких как крестьянки и торговки, практически не изучались, что мешало всестороннему исследованию женского опыта в традиционном обществе. Несмотря на эти ограничения, работы российских синологов сыграли важную роль в формировании академической базы для изучения гендерных аспектов китайской культуры. Они существенно способствовали популяризации знаний о конфуцианской системе ценностей и социальных институтах Китая в европейской науке. Эти исследования позволили лучше понять роль женщины как хранительницы семейных и культурных традиций, предоставив богатый эмпирический материал для анализа социальной структуры традиционного Китая.

Во второй половине XIX века Россия переживала эпоху Великих реформ, сопровождавшихся масштабными социально-экономическими преобразованиями. Поражение в Крымской войне (1853–1856) выявило глубокий кризис государственной системы и продемонстрировало экономическую и технологическую отсталость Российской империи, что усилило общественный запрос на модернизацию и структурные реформы. Ослабление цензурных ограничений, последовавшее за Крымской войной, способствовало формированию общественного пространства для обсуждения актуальных вопросов, включая женский вопрос. Первоначально он сводился к необходимости улучшения женского образования, которое рассматривалось как ключевой инструмент их социальной адаптации и включения в процессы модернизации. Однако впоследствии женский вопрос приобрел более сложный характер, превратившись в

антропологическую дискуссию, которая затрагивала вопросы индивидуальной одарённости женщин, их социальной миссии и роли в изменяющемся обществе⁶⁰. Революционные события 1905–1907 годов стали значимым импульсом для активизации женского движения, что выразилось в создании таких организаций, как Союз равноправия женщин (1905), Женский политический клуб (1906), Российская лига равноправия женщин (1907) и других. Эти объединения сыграли важную роль в формировании женской общественной активности, а также в развитии периодической печати, включая издания «Женское дело» (с 1900 г.) и «Женский вестник» (1904–1918), закрытые большевиками в 1918 году⁶¹.

Интерес к вопросам социальной и половой динамики не ограничивался внутренним пространством Российской империи. На рубеже XIX–XX вв. внимание российских исследователей стало всё больше сосредотачиваться на изучении аналогичных процессов в других странах, включая Китай, где общество также переживало глубокие трансформации. Российские ориенталисты, работавшие в условиях реформ эпохи поздней династии Цин, усиления влияния западной культуры и нарастания предпосылок к Синьхайской революции (1911), изучали положение женщин в китайском обществе как важный элемент социальной модернизации. Харбин, ставший крупным центром российской востоковедческой мысли, сыграл важную роль в этих исследованиях. В 1908 году в этом городе было основано Общество русских ориенталистов (ОРО) (1908–1927)⁶², объединившее исследователей Северного Китая.

Значимым вкладом в распространение знаний о китайском женском вопросе стал перевод статьи французского востоковеда А. Мэйбона «Феминизм в Китае», выполненный Н.П. Мацокиным и опубликованный в 1910 году в журнале «Вестник

⁶⁰ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 56–57.

⁶¹ Пушкарева Н.Л. Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 20.

⁶² Хисамутдинов А.А. Как русские изучали Китай: Общество изучения Маньчжурского края. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2018. С. 8.

Азии»⁶³. В своей статье А. Мэйбон описывал ключевые аспекты женского движения в Китае, включая его зарождение, деятельность женских обществ, официальные инициативы, трансформацию социальных норм, влияние европейской литературы и развитие феминистской письменности. Перевод Мацокина сопровождался обширными комментариями, в которых он уточнял, пояснял и дополнял существенные положения оригинального текста, что свидетельствует о его глубоком понимании предмета исследования. Несмотря на то, что статья «Феминизм в Китае» представляла собой перевод, она оказала значительное влияние на развитие российской синологии начала XX века. Эта работа способствовала популяризации знаний о процессах социальной трансформации в Китае в российской научной среде. Комментарии и пояснения Мацокина, сопровождавшие перевод, сыграли важную роль в адаптации оригинального текста для российской академической аудитории, обеспечив его актуальность для сравнительного анализа гендерных трансформаций в различных социальных и культурных контекстах.

После образования в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР) советско-китайское сотрудничество, базировавшееся на общих идеологических принципах социализма, стало мощным катализатором для развития двусторонних отношений. В 1950-е годы СССР оказал Китаю масштабную поддержку в восстановлении промышленности, строительстве инфраструктуры и создании социальных институтов⁶⁴. Одной из ключевых сфер научного взаимодействия стало изучение правовой системы и политических преобразований в Китае. Находясь в КНР, советские юристы осуществляли глубокое исследование как политической ситуации, так и законодательных процессов страны, что предоставило им уникальную возможность систематически расширить знания о государственном устройстве Китайской Народной Республики, а также исследовать

⁶³ Мэйбон А. Феминизм в Китае (Пер. с англ. Мацокина Н.П.) // Вестник Азии. Харбин, 1910. № 8. С. 44-57.

⁶⁴ Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960) (Пер. с кит. А. А. Тагировой). М.: Наука-Восточная литература, 2015. 423 с.

особенности социалистических реформ и их влияние на общественные институты.

Особое внимание советских синологов привлёк Закон о браке 1950 года, ставший важным этапом социальной трансформации Китая. Этот закон, закрепивший принципы свободы брака, гендерного равенства и защиты прав женщин и детей, сыграл ключевую роль в разрушении традиционных патриархальных норм и внедрении новых социалистических ценностей. К.К. Яичков⁶⁵ и Н.Г. Сударинов⁶⁶ в своих работах анализировали Закон 1950 года о браке, рассматривая его как значимый инструмент государственной политики. Особое внимание они уделили интерпретации положений закона, связанных с регулированием брачно-семейных отношений, и отметили, что его принятие стало важным шагом к утверждению равноправия женщин на народно-демократической основе.

Вместе с тем, в данных исследованиях акцентировалась роль идеологического дискурса в конструировании представлений о семейных и брачных отношениях. В условиях исторического контекста того времени семейная политика нередко интерпретировалась через призму классовой борьбы, что обуславливало формирование идеологически детерминированных выводов. Несмотря на то, что указанные методологические ограничения затрудняли проведение объективного анализа, работы советских синологов, тем не менее, внесли существенный вклад в развитие российского китаеведения, заложив фундаментальную основу для последующего изучения социальных процессов, включая гендерные отношения, семейную политику и социальную модернизацию.

Однако, с ухудшением советско-китайских отношений в конце 1950-х — начале 1960-х годов, исследовательский интерес к проблематике брачно-семейных отношений в КНР среди советских ученых заметно снизился. Политическая нестабильность в Китае, в особенности события Культурной революции, а также

⁶⁵ Яичков К.К. Брачно-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1. С. 52-58.

⁶⁶ Сударинов Н.Г. Демократизация семейно-брачного законодательства Китайской Народной Республики // Советское государство и право. 1954. № 7. С. 33 - 40.

последовавшее нарастание идеологического противостояния между СССР и КНР обусловили переориентацию внимания исследователей на иные аспекты китайского социума. Вследствие этого, вопросы законодательного регулирования семейной политики на продолжительное время оказались вне фокуса советской научной мысли. Возобновление исследовательского интереса к данной проблематике произошло лишь в начале XXI века, когда социальные и правовые реформы в Китае вновь стали привлекать внимание российских ученых. Исследования Почагина О.В. и О.В. Протопоповой посвящены изучению эволюции семейного законодательства КНР, с особым вниманием к выявлению ключевых характеристик трансформационных процессов и оценке их динамики в контексте социально-правовых изменений⁶⁷.

Нормализация отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в конце 1980-х – начале 1990-х годов способствовала усилению интереса к изучению достижений Китая в реализации модернизационных реформ, начатых в конце 1970-х годов. Внимание российских исследователей было сосредоточено на анализе социально-экономических преобразований, включая переход к рыночной экономике, трансформацию социальной политики и её влияние на положение женщин. Эти исследования позволили глубже понять механизмы адаптации Китая к современным вызовам и его достижения в построении устойчивого общества.

Е.С. Баженова, сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (ранее — Института Дальнего Востока РАН), стала одной из первых российских исследователей, систематически изучавших проблемы народонаселения Китая. Её обучение в 1988–1989 годах в Институте экономики народонаселения Пекинского экономического института обеспечило доступ к уникальным статистическим данным и материалам китайской прессы, что позволило провести углублённый анализ социально-демографической динамики Китая. Её научный вклад

⁶⁷ Почагин О.В. Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 22-33; Протопопова О.В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 70-73.

впоследствии получил дальнейшее развитие в работах её коллеги Я.М. Бергера. Их исследования были посвящены анализу демографической динамики с акцентом на взаимосвязь государственной политики с изменением рождаемости, гендерным дисбалансом и влиянием социально-экономических факторов, выделяя сложность процессов, связанных с положением женщин в условиях демографической политики и социальной модернизации в Китае⁶⁸.

С начала 2000-х годов российская синология активно изучает положение женщин в современном китайском обществе, анализируя его в контексте трансформации института семьи, брака и гендерных отношений⁶⁹. Указанные исследования подчеркивают, что процессы модернизации, урбанизации и государственной политики способствуют улучшению статуса женщин, укреплению их роли в общественной и экономической сферах, а также постепенному изменению гендерного порядка в современном Китае. Для более глубокого понимания положения женщин в современном китайском обществе важно учитывать исторический контекст, включая правовые и культурные традиции, которые существенно формировали и продолжают формировать гендерный порядок. С начала XXI века российские исследователи активно изучают положение женщин в Древнем Китае, уделяя внимание историко-правовым и религиозным

⁶⁸ Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991. 235 с.; Бергер Я.М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 100-113; № 2. С. 76-91.

⁶⁹ Почагина О.В. Китайская молодёжь: отношение к семье и браку // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 109-124; Почагина О.В. Модернизация представлений о семье и браке в современном Китае // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.Л. Титаренко. М., 2004. С. 671-680; Почагина О.В. Семья: новые формы - иные ценности // Отечественные записки. 2008. № 3. С. 234-246; Почагина О.В. Изменение политики «Одна семья-один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 94-106; Попов А.Г. Трансформация традиционной городской семьи в Китае. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт востоковедения, Москва, 2005. 16 с.; Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007. 24 с.; Еремкина Т.А. Тенденции развития современной китайской семьи: философско-антропологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Читинский государственный университет, Чита, 2007. 24 с.; Дампилон Н.Б. Положение женщины в современной китайской семье // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 139-142; Цыпилова С.С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2(61). С. 158-163.

аспектам⁷⁰.

Интегрируя исторические, социологические и философские подходы, сотрудник Института востоковедения РАН Э.А. Синецкая в своей монографии «“Путешествие на Запад” китайской женщины, или феминизм в Китае» проводит комплексное исследование эволюции феминистских идей и женского движения в материковом Китае и на Тайване в XX веке. Автор подчеркивает уникальность китайского феминизма, обусловленную его тесной связью с национальной спецификой, а также акцентирует внимание на значении литературы как инструмента переосмысления гендерных стереотипов и реализации социальных изменений. Синецкая отмечает, что феминизм в Китае не является навязанной извне идеей, а представляет собой естественный результат не только определенного этапа экономического развития общества, но и, что более важно, эволюции коллективного сознания и ментальности определенной части общества, даже если эта часть является сравнительно небольшой⁷¹.

Несмотря на значительное количество проведённых исследований, проблема изучения китайских женщин остаётся недостаточно разработанной и требует более глубокого научного анализа. В российской историографии работы по данной теме, опираясь на нормативные документы, официальные отчёты и государственную политику, в основном рассматривают законодательные регулирования в области семейно-брачных отношений и реформы традиционного брачного института, что придает этим исследованиям преимущественно

⁷⁰ Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII-XIII века) СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.; Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 1: Пу-Ча Дао-Юань // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 2(8). С. 20-29; Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 2: Во-ле Шоу-цзянь // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 3(9). С. 16-23; Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 3: Ао-дунь Мяо-шань // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-1(10). С. 9-18; Уланов М.С. Религиозный статус женщины в китайской буддийской традиции // Вестник Калмыцкого университета. 2020. № 2(46). С. 101-109; Бельченко А.С, Новоселова М.Г. Гендерные аспекты саныцзяо (конфуцианство, даосизм, буддизм) // Modern oriental studies. 2021. № 3(4). С. 525-535.

⁷¹ Синецкая Э.А. "Путешествие на Запад" китайской женщины, или Феминизм в Китае. Москва, СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019. 612 с.

макроаналитический характер. Однако в этих работах недостаточно освещены микросоциальные аспекты, связанные с повседневной жизнью сельского населения. В частности, остаётся малоизученным религиозный мир женщин, их представления о семье, роли и обязанностях, а также то, как они воспринимали и адаптировались к изменениям в условиях социальной и культурной неопределённости.

Заключение к первой главе

Существующие исследования, посвященные эволюции положения женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, преимущественно описывают процесс женской эмансипации как закономерный результат реализации политической стратегии Коммунистической партии Китая. Несмотря на безусловную значимость данных работ для понимания общих тенденций, они зачастую обнаруживают определенные ограничения в применяемых подходах и охвате эмпирического материала. В большинстве случаев, анализ сводится к рассмотрению революционной мобилизации женского населения и оценке эффективности политических кампаний КПК, реализуемых посредством директивных мер, с акцентом на официальные партийные документы, нормативные акты и статистические отчеты.

При этом, ценнейшие источники, раскрывающие субъективное измерение происходящих перемен, такие как личные воспоминания женщин, образцы местного фольклора и народные песни, отражающие их надежды, разочарования и повседневные заботы, зачастую оказываются недостаточно изученными или вовсе игнорируются. Следствием подобного подхода является недооценка субъективного опыта сельских женщин, их индивидуальных эмоций, глубинных переживаний и уникального «мира чувств», формировавшегося под влиянием как традиционного уклада, так и новых социокультурных реалий. Это, в свою очередь, существенным образом ограничивает возможности комплексного осмысления их повседневных практик: способов адаптации к изменяющимся условиям, восприятия

трансформаций в сфере семейно-брачных отношений, стратегий преодоления возросшей нагрузки и т.д.

Кроме того, во многих исследованиях прослеживается редуционистский подход, упрощающий проблему до формулы: «классовое освобождение автоматически влечет за собой освобождение гендерное». Предполагается, что устранение классовой эксплуатации само по себе приводит к разрешению всех гендерных противоречий и проблем. Однако, такой подход не позволяет в полной мере учесть сложное и многогранное взаимодействие гендерного фактора с другими важными составляющими социальной идентичности, такими как религиозные убеждения, этническая принадлежность, культурные традиции и локальные особенности. Особенно недостаточно учитываются экстремальные социально-исторические условия: войны и вооруженные конфликты, масштабные природные катастрофы (засухи, наводнения, землетрясения) и эпидемии (например, голод, вызванный неурожаем, или эпидемии инфекционных заболеваний), – в которых женщины сталкиваются с дополнительными травмами, физическими и психологическими нагрузками, усугубляющими их уязвимость и усиливающими гендерное неравенство.

Глава 2. Семейная повседневность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)

В отечественной и зарубежной историографии вопросы брачно-семейных отношений в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся преимущественно анализируются через призму законодательных инициатив и административных преобразований, проведённых после установления в регионе особого политического режима. Центральное место в этих исследованиях занимают реформы, направленные на модернизацию семейного уклада и искоренение устоявшихся традиционных практик. Однако комплексный анализ историко-культурных особенностей брачных и семейных отношений, а также динамики повседневной жизни местного населения, встречается гораздо реже.

Особый интерес представляет тот факт, что в фокусе большинства научных публикаций остаются общие тенденции и нормативные изменения, в то время как индивидуальный опыт, в частности женское восприятие реформ, оказывается недостаточно раскрытым. Проблема оценки нововведений в сфере брачно-семейных отношений женщинами, а также их личные стратегии адаптации к быстро меняющимся социальным реалиям практически не получила системного осмысления, особенно в контексте периода с 1937 по 1949 годы в сельских районах провинций Шэньси, Ганьсу и Нинся.

Цель настоящей главы — восполнить этот пробел, используя широкий спектр источников: от архивных документов и прессы того времени до личных свидетельств и устных историй. Такое многоаспектное рассмотрение позволяет проследить, как реформы в области брака и семьи были восприняты женщинами на местах, как они осмыслили свой новый статус, какие эмоции и оценки вызывали у них проводимые изменения и как происходил процесс адаптации к новым условиям. Подобный подход открывает дополнительные возможности для переосмысления процессов трансформации семейных традиций в Китае сквозь призму индивидуального опыта и женских нарративов.

§ 1. Традиционная китайская семья и положение женщины до реформ второй половины 1930-х годов

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, являющийся одной из колыбелей китайской цивилизации, обладает важным историко-культурным наследием. Именно здесь в XII–XI вв. до н.э. возникла культура раннего Чжоу⁷², предшествовавшая созданию династии Чжоу. Культура Чжоу, основанная на патриархальной системе, установила строгую социальную иерархию. Центральное положение мужчин в этой системе, обеспеченное наследованием имущества и власти по отцовской линии, способствовало формированию гендерных установок, утвердивших идею превосходства мужчин. Эти принципы стали фундаментом для закрепления патриархальных норм, которые оказали длительное влияние на социальные и культурные структуры древнего Китая.

В начале XX века демографическая и социокультурная ситуация в северных провинциях Китая — Шэньси, Ганьсу и Нинся — характеризовалась доминированием патриархальных ценностей и гендерных стереотипов, укоренившихся под влиянием конфуцианства⁷³. В сельских семьях рождение сыновей воспринималось как гарантия продолжения рода и обеспечения благополучия семьи⁷⁴, тогда как рождение дочерей зачастую не считалось значимым событием. Народные поговорки, такие как «дочь — пролитая вода»⁷⁵, свидетельствовали о широко распространённом пренебрежительном отношении к женщинам.

Строгое разделение обязанностей и статусных ролей лишь усиливало эту ситуацию: мужчине отводилась ведущая роль в семье, а положение женщины

⁷² Объединенная археологическая экспедиция по ранней культуре Цинь. Путешествие в Жунди: археологические исследования во Внутренней Монголии, Шэньси, Нинся и Лундун // Археология и реликвии. 2012. № 1. С. 96-107 (на кит. яз.).

⁷³ Ду Фанцин, Ван Чжэнь. Женщины и гендер в истории Китая. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2004. С. 51-52 (на кит. яз.).

⁷⁴ Безбах В.В. и др. Гражданский процесс и гражданское законодательство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: РУДН, 2015. С. 132-137.

⁷⁵ См. Чернякова С. Культурный шок здесь неизбежен // Афиша Daily. 09.02.2018. <https://daily.afisha.ru/relationship/8131-zdes-kolyut-botoks-po-fenshuyu-neveroyatnaya-istoriya-rossiy-anki-perechavshey-v-kitay>.

всецело зависело от её способности родить сына — наследника фамилии⁷⁶. Семьи без сыновей подвергались общественному осуждению, а жёны, не родившие наследника, рисковали быть отвергнутыми своими мужьями и их семьями. Дискриминация проявлялась и в высокой смертности среди девочек: им зачастую отказывали в необходимом уходе, а случаи жестокого обращения и даже детоубийства были не редкостью.

Гендерный дисбаланс становился всё более заметным: к 1930-м годам в некоторых районах на 100 женщин приходилось почти 115 мужчин, что оказывало серьёзное влияние на социальную структуру⁷⁷. В сельской местности было принято заранее подбирать невест для мальчиков⁷⁸, а браки, основанные на купле-продаже и договорённости, сохраняли свою силу вплоть до середины века. Принудительные браки с несовершеннолетними невестами продолжали существовать, будучи проявлением глубоко укоренившихся традиций, препятствуя улучшению положения женщин и расширению их прав. Современные исследователи, анализируя источники того времени, отмечают, что подобные практики были неотъемлемой частью жизни северокитайской деревни столетней давности. Они являлись результатом сложного переплетения культурных норм, экономических обстоятельств и конфуцианских представлений о семейном устройстве.

В традиционных представлениях о браке союз между мужчиной и женщиной рассматривается как основной способ почитания предков и обеспечения продолжения рода. Поэтому заключение брака выходит за рамки личных интересов двух сторон, представляя собой объединение двух семей, а порой и родов, что имеет глубокое социальное и культурное значение. В рамках такого понимания браки детей воспринимаются как неотъемлемая обязанность родителей, а родители и сваты играют ключевую роль в брачном процессе, часто оказывая решающее

⁷⁶ Сюй Сюэцин. Рассмотрение уродливой практики мужского превосходства в сельской местности на современном этапе // Хэнань шэжуэй кэсюэ. 2001. № 1. С. 108 (на кит. яз.).

⁷⁷ Фэн Чэнцзе. Отзыв о пропорции полов в сельских районах в период Китайской Республики на примере деревень северных провинций в 1920–1930 годах // Жэньвэнь цзачжи. 2016. № 12. С. 93 (на кит. яз.).

⁷⁸ СМ. Сюй Фэнвэнь, Ван Куньцзян. Уродливые обычаи в Китае. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2001. С. 23 (на кит. яз.).

влияние на выбор партнёра. Такой подход к заключению брака зачастую подразумевает ограничение личного выбора в пользу интересов семьи и общественных норм.

Брачные практики, распространённые в северных провинциях Китая в первой половине XX века, демонстрируют значимость астрологической совместимости и соответствия физическим стандартам в системе социальных ожиданий, предъявляемых к будущим невестам. Выбор невесты для мальчиков, зачастую не достигших и совершеннолетия (12–16 лет), определялся прежде всего показателями ба цзы: несовместимость астрологических данных делала заключение брака невозможным⁷⁹. Ещё более значимым критерием выступал размер стопы, обусловленный культом «золотого лотоса»⁸⁰. Практика бинтования ног с раннего детства не только формировала представление об идеальной женской красоте, но и являлась индикатором принадлежности к уважаемой социальной группе. Несовпадение данному стандарту приводило к стигматизации девочки и существенному снижению её шансов на заключение брака.

В большинстве случаев потенциальные супруги были незнакомы друг с другом до самой свадьбы⁸¹. Эмоциональная и коммуникативная дистанция, как показывают воспоминания, часто сохранялась и после заключения брака, особенно если супруги были разного образовательного уровня. Одна из информанток вспоминала: *«Мой отец учился в частной школе, у него было образование. Всю свою жизнь он презирал мою мать, потому что она была неграмотной, и у них почти не было общего языка»*⁸².

Патриархальные семейные нормы обеспечивали мужчинам значительно

⁷⁹ См. Ян Цзинчжэнь (ред.) Местные хроники провинции Шэньси - Обычай. Сиань: Санцин, 2000. С. 178 (на кит. яз.).

⁸⁰ Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Ред. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск: Пропилеи, 2000. С. 7–29.

⁸¹ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НУЗ, 1937 г.р.).

⁸² ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: ЛУТ, 1950 г. р.)

большую свободу: они могли покинуть семью, не опасаясь существенных социальных последствий, тогда как женщина оказывалась в двойной зависимости – экономической и социальной, что практически исключало возможность повторного брака. От женщин ожидалось проявление покорности и сдержанности, выражающееся в том числе и в отсутствии права критиковать родителей за выбор супруга, даже в случае неудовлетворённости брачным союзом. В народной традиции, отражённой в местных пословицах, ответственность за неудачный брак возлагалась на свах, чьи мотивы и поступки становились объектом общественного порицания⁸³. Анализ нарративных источников и этнографических данных позволяет заключить, что ограничения, испытываемые сельскими женщинами в северных регионах Китая, имели системный характер. Контроль над их телом, личной жизнью и возможностью выбора являлся ключевым механизмом сохранения социальной стабильности и поддержания иерархической структуры традиционного общества.

Кроме того, заключение брака в традиционном китайском обществе было сложным и затратным процессом, сопряженным с обменом имуществом между семьями. В частности, при помолвке семья жениха выплачивала семье невесты «цай ли» (выкуп за невесту), обычай, берущий начало в эпоху Западной Чжоу (1046–771 гг. до н.э.) в брачных обрядах «на чжэн»⁸⁴. «На чжэн» представлял собой символический обмен шелком от семьи жениха к семье невесты в качестве запроса на разрешение заключить брак; принятие шелка семьей невесты означало согласие. Таким образом, первоначальная функция «цай ли» заключалась в соблюдении этикета и ритуальном регулировании брачных отношений⁸⁵. Помимо этого, выкуп рассматривался как компенсация семье невесты за потерю ее рабочей силы⁸⁶.

⁸³ См. Хэ Бинью и др.. Комментарии к хроникам уезда Хуанлин на 33-м году Китайской Республики. Том. 18, Обычаи, баллады и пословицы. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 209 (на кит. яз.).

⁸⁴ См. Ли Ся. Традиционный обряд цайли в народных обычаях и его эволюция. Миньсу яньцзю, 2008. № 3. С. 254 (на кит. яз.).

⁸⁵ Гу Тао. О традиционных свадьбах, основанных на человеческой природе и чувствах // Цинхуа дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2012. № 1. С. 86-95 (на кит. яз.).

⁸⁶ Фридман М. Линиджевая организация в Юго-Восточном Китае. Шанхай: Шанхай жэньминь

Приданое, как правило, было меньше выкупа и представляло собой добровольный акт, в отличие от обязательной выплаты “цай ли”⁸⁷.

С течением времени содержание, природа и функции выкупа претерпели значительные изменения, трансформировавшись из элемента традиционного ритуала и средства компенсации в инструмент экономического выживания. В конце династии Цин, когда восстание хуэйцев привело к разорению северо-западных провинций, таких как Шэньси и Ганьсу, и обнищанию населения, выплата выкупа невесты стала для многих крестьян единственной возможностью поправить своё материальное положение. Чем беднее была семья жениха, тем больший выкуп от них требовался⁸⁸. *«Бедным мужчинам было трудно найти жену, они не могли позволить себе лишних трат и испытаний. Поэтому в деревнях было много неженатых мужчин, и даже если у женщины были физические недостатки или проблемы с психическим здоровьем, она обычно находила себе мужа»*⁸⁹. До конца эпохи Цин (1912 г.) выкуп чаще всего платили серебром. В качестве альтернативы использовали пшеницу (один дань⁹⁰ пшеницы — за один год возраста⁹¹).

Тем не менее, стабильно низкая урожайность сельскохозяйственных культур в регионе ещё больше усугубляла ситуацию. Среднегодовой сбор пшеницы с одного му⁹² составлял всего около 2 доу⁹³ 5 шэнов, что значительно уступало показателям других регионов страны. При этом крестьяне вынуждены были

чубаньшэ, 2000 [1958]. С. 38 (на кит. яз.).

⁸⁷ Тао Цзысян. Высокая сумма выкупа за невесту: взгляд на понимание феномена сельской эксплуатации внутри поколений – размышления о ранних браках сельских женщин с гендерной точки зрения // Миньсу яньцзю. 2011. № 3. С. 266 (на кит. яз.).

⁸⁸ Юе Гофан. Исследование социальных и культурных изменений в сельских районах Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в период Яньань. Дис. ... канд. ист. наук. Шэньсийский педагогический университет, Сиань, 2017. С. 44 (на кит. яз.).

⁸⁹ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LPH, 1945 г.р.).

⁹⁰ Дань – единица измерения сухих грузов в Китае. В этих провинциях 1 дань был равен 180 кг.

⁹¹ См.: Серия местных хроник Шэньси. Хроники уезда Хэншань. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 131; Хроники провинции Шэньси и фольклорные хроники. Сиань: Саньцин, 2000. С. 179 (на кит. яз.).

⁹² Му – единица измерения площади, которая начала использоваться после 1930 года. 1 му = 666.7 метров квадратных.

⁹³ Доу – единица измерения объёма, которая используется с 1930 года. 1 доу = 10 литров.

отдавать до 40-50% урожая в качестве арендной платы за землю, что значительно увеличивало их экономическое бремя⁹⁴. В этих условиях малоимущие семьи в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся нередко прибегали к займам и кредитам, чтобы найти средства для выплаты выкупа за невесту своим сыновьям. *«Когда мой отец женился на моей матери, почти все деньги на выкуп были заняты у родственников. После замужества моя мать начала трудиться день и ночь, надеясь как можно скорее погасить семейные долги»*⁹⁵.

В традиционном китайском обществе существовал, хотя и недостаточно изученный в историографии, институт, известный как «приёмные невесты». Речь идёт о практике удочерения малолетних девочек с целью их последующего брака с сыном принимающей семьи. Эта практика позволяла не только избежать расходов на выплату выкупа за невесту⁹⁶, но и обеспечивала хозяйство семьи жениха рабочей силой, поскольку приёмная дочь с раннего возраста привлекалась к повседневным хозяйственным работам. Несмотря на очевидную экономическую выгоду, данная практика нередко сопровождалась негативными психологическими и социальными последствиями для девочек. Их повседневная жизнь характеризовалась необходимостью беспрекословного подчинения, изнурительным трудом и постоянным ощущением собственной неполноценности и незащищённости. Межличностные отношения в принимающей семье часто отличались эмоциональной отстранённостью и чрезмерной требовательностью, что усиливало чувство одиночества и вины. Как вспоминает одна из женщин, в прошлом — приёмная невеста, слова которой приводит Ли:

«Одежда не защищала от пронизывающего до костей ветра, от которого

⁹⁴ Син Гуан, Чжан Ян (ред.). История финансов и экономики понраничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в период сопротивления японским захватчикам. Сиань: Сибэй дасюэ чубаньшэ. 1988. С. 13-14 (на кит. яз.).

⁹⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: GFQ, 1953 г. р.)

⁹⁶ Вэнь Вэньфан. Семейное положение детей-невест в конце династии Цин и причины их распространённости // Ганьсу синчжэн сюэюань сюэбао. 2005. № 2. С. 128 (на кит. яз.).

дрожишь. Когда другим не нужно было выходить из дома в холод, мне приходилось идти на улицу, помогать в поле, собирать дрова. Свекровь постоянно выражала недовольство, и я чувствовала себя виноватой»⁹⁷. Эти слова созвучны с рассказом, который мы записали:

«Когда моей прабабушке было 12 лет, ее отправили жить в семью будущего мужа. Там она столкнулась с невероятно тяжелыми условиями: постоянные изнурительные сельскохозяйственные работы, а в оставшееся время – уход за мачехой своего будущего мужа. Ее постоянно ругали: если еда готовилась медленно, это было плохо, если быстро – тоже. Спустя четыре года, в возрасте 16 лет, она официально вышла замуж за моего прадеда. Им дали только одно одеяло на двоих, и муж часто забирал его себе, оставляя ее мерзнуть под шерстяным войлоком. Она сворачивалась калачиком, плача втихаря от ледяного ветра»⁹⁸.

В условиях традиционного сельского общества Северного Китая семейная иерархия определяла не только социальный статус женщины, но и все аспекты её повседневной жизни. С момента вступления в брак молодая жена становилась частью сложной системы подчинённости, где от неё требовали рождения сыновей, кропотливого исполнения домашних обязанностей и безоговорочного повиновения старшим. Индивидуальные желания и права не принимались во внимание, а возможность развода практически отсутствовала, что усугубляло её зависимость и уязвимость. *«Меня продали за тридцать таэлей. Рано встаю – воды наношу, до трех ночи пряду. Глаза закрыла – свекор зовет. Волосы расчесываю, ноги бинтую, к печи спешу. Семья большая! Быть невесткой тяжелее, чем девушкой! Лучше смерть, чем такая жизнь»⁹⁹.*

Фольклорный текст подтверждает рассказ 87-летнего жителя: *«Раньше так*

⁹⁷ Ли Вэньхай (ред.) Серия социальных исследований в Китайской Республике: Брак и семья. Фучжоу: Фуцзянь цзяюй чубаньшэ, 2005. С. 454 (на кит. яз.).

⁹⁸ ПМА. Экспедиция в район Сифэн, г. Цинъюань, пров. Ганьсу, КНР. Апрель 2023 г. (информант: LYU, 1989 г. р.).

⁹⁹ Ли Фаюань (ред.) Песни о любви северного Шэньси. Юйлин: Юйлинская газетно-полиграфическая фабрика, 2005. С. 275 (на кит. яз.).

было: женщины не имели права есть за столом, ели объедки. Молодая невестка была лишена прав, голодала. Свекрови должны были заботиться о беременных невестках, но обычно этого не делали: беременные много и тяжело работали, не получая должного ухода»¹⁰⁰. Мужья не возражали против власти своих матерей над невестками. За любую медлительность их могли «высмеять и обругать», когда «свекровь курила на кровати, а невестка ждала рядом, чтобы предложить огонек», наказание заключалось в ограничениях в еде¹⁰¹.

Тем не менее, несмотря на жёсткость патриархального уклада, женщины вырабатывали собственные стратегии адаптации и взаимопомощи. Неформальное общение, совместная работа, обмен опытом и поддержка друг друга становились важными ресурсами для сохранения внутренней устойчивости и чувства собственного достоинства. Эти практики женской солидарности позволяли хотя бы частично компенсировать тяжесть повседневной жизни и противостоять эмоциональным нагрузкам: *«Когда я не работала в поле, я занималась рукоделием, вырезая бумажные узоры, или собирала дрова с тетей в горах; мы обсуждали мужчин, их пьянство, азартные игры, и время пролетало быстрее, когда мы были вместе, – это поднимало настроение»¹⁰².*

Благодаря тесным личным связям и доверительным отношениям в традиционном сельском сообществе женское общение носило неформальный характер, выходя за рамки официальных институтов. Эти неформальные беседы выполняли множество важных функций: позволяли женщинам делиться личным опытом, обсуждать значимые события, обмениваться новостями (включая слухи) по семейным, бытовым и социальным вопросам. В этом неформальном пространстве происходила социализация женщин, заключавшаяся в передаче

¹⁰⁰ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г.р.).

¹⁰¹ Ли Вэньхай (ред.) Серия социальных исследований в Китайской Республике: Брак и семья. Фучжоу: Фуцзянь Цзяюй Чубаньшэ, 2005. С. 454 (на кит. яз.).

¹⁰² ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г.р.).

ключевых ценностей и моделей поведения, характерных для данной социальной группы, и в усвоении норм и традиций, сложившихся в конкретном историческом и культурном контексте. Однако значимость женского общения не ограничивалась лишь передачей культурных норм: обсуждение общих проблем и повседневных трудностей способствовало не только формированию чувства солидарности и осознанию принадлежности к единой социальной группе, но и помогало женщинам осознать общность своего подчинённого положения.

Подобное взаимодействие являлось важным источником эмоциональной поддержки и психологической устойчивости, снижая чувство изоляции и одиночества и укрепляя коллективную идентичность. Женское общение играло значительную роль и в адаптации к меняющимся социальным и экономическим условиям. Совместный поиск решений, обмен стратегиями выживания и обсуждение сложных ситуаций способствовали более эффективному преодолению экономических трудностей и социальных ограничений, с которыми женщины сталкивались в патриархальном обществе. Более того, неформальное женское общение нередко становилось основой для формирования критического отношения к существующему порядку и осознания несправедливости традиционных устоев, способствуя, в свою очередь, развитию готовности к различным формам сопротивления: от пассивного неповиновения и индивидуальных протестов до участия в социальных движениях, направленных на изменение своего положения.

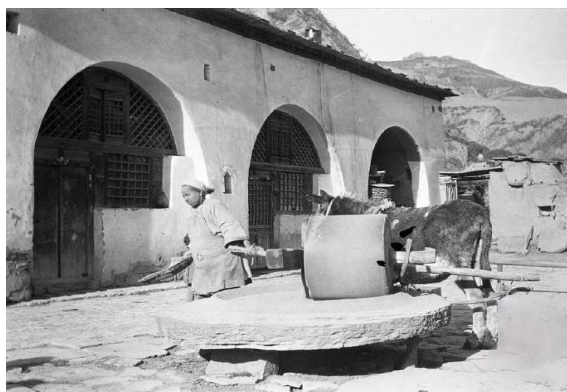

Фото № 2 Frederick G. Clapp¹⁰³

¹⁰³ Данная фотография была сделана американским нефтяным геологом Фредериком Г. Клэппом

§ 2. Истоки и начало изменений в социальном статусе женщин («Положение о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся»)

Трансформации в восприятии социального положения женщин в Китае начали проявляться во второй половине XIX века под воздействием западных идей и в контексте кризисных явлений, вызванных Опиумными войнами, что способствовало активизации реформаторских тенденций. В этот период видные китайские интеллектуалы, такие как Кан Ювэй¹⁰⁴ (1858–1927) и Лян Цичао¹⁰⁵ (1873–1929), подвергли критическому переосмыслению ряд традиционных практик, включая бинтование ног, институт наложниц и ограничения в сфере женского образования. В их трудах были введены новые для китайской культуры концепции, такие как индивидуальные права, социальная эволюция и значимость женского образования. Все чаще акцентировалось внимание на том, что физически развитая и образованная женщина способна воспитать достойное поколение граждан, а развитие женского образования рассматривалось как необходимое условие национального прогресса¹⁰⁶.

Несмотря на это, даже наиболее прогрессивные идеи оставались в плену патриархатного мировоззрения: эмансипация женщин трактовалась преимущественно как средство укрепления государства, а не как путь к их социальной или личностной автономии. Подобный подход демонстрирует дуалистичный характер модернизационных процессов: обновление ценностей и институтов происходило одновременно с консервацией традиционных представлений о роли женщины, которая по-прежнему рассматривалась, прежде всего, как мать и воспитательница будущих граждан, а не как полноправный

во время проведения нефтяной разведки в провинции Шэньси в начале периода Китайской Республики. См. https://k.sina.cn/article_1741794310_p67d1ac060010036pp.html?http=fromhttp

¹⁰⁴ См. Синецкая Э.А. Феминизм в Китае // Духовная культура Китая. 2006. Том. 4. С. 665–667.

¹⁰⁵ См. Там же.

¹⁰⁶ См. Лян Цичао. Обсуждение реформ. Рассуждения о женском образовании. Коллекция работ Иньбинши. Том. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. С. 37 (на кит. яз.). Лян Цичао. Инициатива создания женской учебной школы. Коллекция работ Иньбинши. Том. 2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. С. 19 (на кит. яз.).

субъект общества¹⁰⁷. Таким образом, ранние попытки трансформации женского статуса в Китае отражали сложный и противоречивый характер социокультурных изменений, характеризующихся постепенной адаптацией новых идей к устоявшимся культурным формам.

На рубеже XIX–XX веков в Китае формируется новое поколение женщин, отличающихся не только восприимчивостью к идеям философов-мужчин, но и готовностью к их практической реализации. Яркими представительницами этого поколения являются Цю Цзинь (1875–1907) — революционерка, публицист и поэтесса, и Хэ Сяннин (1878–1972), известная художница и общественная деятельница. Активная гражданская позиция и деятельное участие в социальных инициативах позволили этим женщинам вывести вопросы женского равноправия за пределы теоретических дискуссий, наполнив их конкретным содержанием. Основываясь на принципе «выполнять обязанности, пользоваться правами», они выдвигали требования о предоставлении женщинам равных с мужчинами гражданских прав, включая избирательное право, право на равные возможности в профессиональной сфере, право на наследование имущества, стремясь к достижению самостоятельности и независимости¹⁰⁸.

Анархистские идеи о положении женщин, разработанные Хэ Иньчжэнь, оказали существенное влияние на интеллектуальную среду и радикальные социальные движения в Китае начала XX века. Уже в 1907 году Хэ Иньчжэнь утверждала, что феминистское движение не должно подчиняться целям национализма, этноцентризма или капиталистической модернизации, поскольку они являются инструментами угнетения. По мнению Хэ Иньчжэнь, напротив, эта борьба являлась частью радикальной социальной революции, целью которой было упразднение государства и частной собственности, установление подлинного

¹⁰⁷ Ван Мэйсю. Китайское женское движение под влиянием распространения западных знаний на Восток в период новой истории // Бэйцзин дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 1995. № 4. С. 107 (на кит. яз.).

¹⁰⁸ Сун Шаопэн. Китай и женщины в зеркале Запада: гендерные стандарты цивилизации и рассуждение о феминизме в конце династии Цин. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. С. 105 (на кит. яз.).

социального равенства и ликвидация любых форм социальной иерархии¹⁰⁹.

В 1915 году передовые китайские интеллектуалы положили начало Движению за новую культуру. Одним из ключевых аспектов этого движения являлась критика феодальных ритуалов и моральных норм, обусловливавших духовное и физическое угнетение женщин, наряду с формированием женского самосознания. Чэнь Дусю в своей работе «Путь Конфуция и современная жизнь» подверг конфуцианство резкой критике. Он утверждал, что моральные нормы, ритуальные системы и политические идеалы, транслируемые Конфуцием, представляют собой, по сути, продукт феодальной эпохи. Эти нормы посредством многочисленных правил и ритуалов ограничивали свободу действий женщин в рамках семьи. Данные ограничения не только сковывали их физическую свободу, но и негативно сказывались на их психологическом состоянии, препятствуя самореализации. Чэнь Дусю также подчеркивал, что конфуцианские моральные, ритуальные и политические взгляды не должны препятствовать прогрессу современного общества. Он призывал к отказу от этих устаревших представлений и к открытому принятию достижений современной цивилизации, способствуя формированию более равноправного и свободного общества¹¹⁰.

Идеи, получившие распространение в период «Движения 4 мая», оказали определяющее воздействие на процесс формирования новой женской идентичности в Китае. Молодые образованные женщины не только подвергали критическому анализу традиционные нормы, но и целенаправленно стремились к расширению своих прав в общественной и семейно-бытовой сферах. Однако в 1920-х и 1930-х годах данные изменения коснулись преимущественно городского образованного населения и не достигли той глубины вовлеченности и преобразований, которые позднее произошли в сельских районах под руководством КПК. Более того, преобразование сельского социума происходило в принципиально иных социальных, географических и культурных условиях, где

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ См. Всекитайская федерация женщин (ред.) История китайского женского движения. Пекин: Чуньцю чубаньшэ, 1989. С. 65 (на кит. яз.).

брачно-семейные отношения подверглись радикальному переосмыслению в контексте революционной политики КПК.

В 1920-х годах, вместе с марксистскими идеями и влиянием движения за новую культуру 4 мая, ранние члены Китайской Коммунистической Партии проявили глубокий интерес к вопросам женщин. Такие интеллектуалы, как Ли Дачжао (1889-1927)¹¹¹ и Чэнь Дусю (1879-1942)¹¹², с учетом конкретного социального развития Китая, приняли и применили марксистскую теорию пролетарской революции, учение о государстве и партии, а также идеи о браке и семье, систематически исследуя пути к освобождению китайских женщин. Эти пионеры мысли не ограничивались критикой феодальных нравов, но также ставили под сомнение стратегии, основывающиеся исключительно на борьбе за политические права для достижения женского освобождения. Они полагали, что нормы морали, положение женщин в обществе и характер семейных отношений представляют собой отражение глубинных изменений в социально-экономической структуре страны. В их представлениях угнетение женщин не было вызвано только мужчинами, но имело более глубокую социально-экономическую причину — частную собственность. Исходя из этого, они утверждали, что освобождение женщин не может быть достигнуто лишь за счет получения политических прав, но должно быть осуществлено путем ликвидации частной собственности и создания социалистической системы.

На начальном этапе социальных преобразований процессы пересмотра традиционных патриархальных норм наиболее ярко проявились в городах, в то время как сельская местность в этот период оставалась относительно не затронутой новыми веяниями. Кардинальная трансформация семейно-брачных отношений, тесно связанных с существовавшей социально-экономической структурой, требовала не отдельных мероприятий, а системного революционного преобразования. Осознавая это, руководство Коммунистической партии Китая уже

¹¹¹ Сенин Н. Г. (ред.) Ли Дачжао. Избранные произведения. Пер. с кит. М.: Наука. 1989. С. 233.

¹¹² Лобова А. А. Женский вопрос в философской мысли Китая в начале XX в. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 7. С. 385.

на Втором всекитайском съезде уделило особое внимание вопросам эмансипации женщин, приняв специальную резолюцию, направленную на коренное преобразование социальных институтов¹¹³. Первоначально усилия реформаторов были сосредоточены на просветительской и организационной работе среди городского женского населения, однако после разгрома городских партийных организаций КПК в конце 1920-х годов и установления режима Чан Кайши стратегический акцент был перенесён в сельскую местность, где в новых условиях началось формирование альтернативных моделей социальной модернизации.

По мере расширения влияния коммунистов в сельских районах женщины всё чаще становились не только объектом политического воздействия, но и активными участниками социальных преобразований и важной опорой новой власти. В целях активизации женской мобилизации и институционализации социальных изменений в январе 1931 года в провинции Цзянси был принят декрет «Временные положения о браке»¹¹⁴. В его основу был положен опыт советского законодательства, в частности, Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года. Принятие данного документа открыло новые юридические возможности для китайских женщин, впервые предоставив им законное право самостоятельно вступать в брак и расторгать его. Этот шаг стал важной вехой в истории женской эмансипации в Китае. Однако уже в 1934 году, в связи с возникшими социально-политическими трудностями и особенностями революционной борьбы, в декрет были внесены коррективы, ограничивающие процедуру одностороннего расторжения брака для жён военнослужащих, сражавшихся на стороне новой власти¹¹⁵.

В процессе реализации масштабных социальных реформ в северных

¹¹³ См. Центральный архив (ред.) Декларация Второго национального съезда Коммунистической партии Китая. Избранные документы ЦК КПК. Том. 1. Пекин: Чжунгун чжунъян дансяо чубаньшэ, 1989. С. 116 (на кит. яз.).

¹¹⁴ См. Мао Цзэдун и др. Декрет первой сессии Центрального исполнительного комитета Китайской советской республики «Временные положения о браке» (28 января 1931 г.) // Maoism.ru. 21.11.2020. См. <http://maoism.ru/16048>.

¹¹⁵ Цун Сяопин. От «свободы брака» к «самоопределяемому браку»: реконструкция брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в 40-х годах XX в. // Кайфан шидай. 2015. № 5. С. 132 (на кит. яз.).

районах Китая правительство Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, сформированное в 1937 году, взяло курс на коренное обновление брачно-семейного законодательства. Принятое в апреле 1939 года «Положение о браке», опиравшееся на положительный опыт Китайской Советской Республики¹¹⁶, являлось одним из наиболее прогрессивных нормативно-правовых актов своего времени. Данный документ закреплял равноправие мужчин и женщин в вопросах заключения и расторжения брака, устанавливал запрет на полигамию, браки по договорённости, а также на браки с лицами, не достигшими брачного возраста. Были установлены чёткие возрастные ограничения для вступления в брак: не ранее 20 лет для мужчин и 18 лет для женщин; процедура заключения брака подлежала обязательной государственной регистрации. Также были подробно регламентированы основания для расторжения брака, в частности, случаи домашнего насилия, непримиримые разногласия между супругами, супружеская измена и другие обстоятельства, делающие невозможной дальнейшую совместную жизнь. Кроме того, данное положение регулировало вопросы выплаты алиментов и раздела совместно нажитого имущества при расторжении брака, обеспечивая дополнительную защиту экономических и социальных прав женщин и детей¹¹⁷.

Принимая «Положение о браке», правительство Пограничного района продемонстрировало твёрдую приверженность принципам освобождения женщин и гендерного равенства. Данный нормативный акт был направлен на разрушение и реформирование глубоко укоренившихся традиционных брачных практик, бытовавших в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. В частности, регулированию подлежали такие аспекты, как брак по договорённости, брак в форме купли-продажи, вынужденный брак с малолетней невестой, полигамия и

¹¹⁶ См. Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007. 24 с.

¹¹⁷ См. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Положение Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (4 апреля 1939 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй чубаньшэ, 1984. С. 804-807 (на кит. яз.).

ограничения свободы развода. Принятие данного указа создавало правовую основу для защиты права молодых людей на свободный выбор брачного партнёра, а также обеспечивало возможность обращения в государственные органы для защиты своих нарушенных прав. Тем не менее, регулирование брачно-семейных отношений представляло собой сложный социальный процесс, который не мог быть осуществлён исключительно посредством принятия законодательных актов. Без коренной трансформации социальных представлений и существенного улучшения экономического положения женщин одни лишь правовые нормы могли столкнуться с серьёзными трудностями при реализации.

Фото № 3 Гуюань «Регистрация брака»¹¹⁸

Фото № 4 Гуюань «Регистрация брака»¹¹⁹

¹¹⁸ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 31 (на кит. яз.).

¹¹⁹ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 41 (на кит. яз.).

Фото № 5 Свидетельство о браке Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся¹²⁰

§ 3. Конфликт традиционных и современных концепций брака и перемены в статусе женщин

Радикальные преобразования брачно-семейного законодательства, нацеленные на разрушение патриархальных устоев и утверждение принципов равенства, встретили в сельской местности заметное неприятие и сопротивление. Для большинства сельского населения подобные реформы воспринимались как внешнее вмешательство в привычный социальный порядок и нарушение устоявшихся традиций. Традиционные практики, такие как брак по договорённости, участие родителей в судьбе детей и обязательный выкуп за невесту, рассматривались как неотъемлемые элементы семейно-родственных связей и экономической организации сельской общины. В устных рассказах очевидцев не раз подчеркивалось:

«Многие не понимали нового положения против браков по договоренности, считая, что новые правила безответственны, так как родители не участвуют в принятии решения о создании семьи детьми, когда те еще молоды и неопытны...

¹²⁰ Личный архив автора.

Ведь ранее, если юная девушка начинала встречаться с кем-то самостоятельно, это считалось неприличным, и поэтому говорили: нет брака без свахи»¹²¹.

Особое недовольство у крестьян вызывали попытки властей упразднить институт выкупа за невесту, который на протяжении многих лет воспринимался как вполне законная компенсация родителям девушки за затраченные средства и усилия.¹²² Жительница провинции Ганьсу рассказала, что за её мать родители отца заплатили значительный выкуп: *«30 юаней серебром, 3 даня пшеницы и 2 штуки ткани»¹²³* – такой выкуп был равен семейному доходу за два-три года. *«Сверху есть политика, снизу – контрмеры!»* – комментировали информанты. – *Плата за брак разумна и логична, она существует с древних времен. Вопрос лишь в том, сколько платить и чем: юанями, зерном, тканью»¹²⁴.*

Кроме того, меры по защите женщин от семейного насилия и ограничению власти мужа часто воспринимались как чрезмерное вмешательство государства в частную жизнь: *«Раньше никто не удивлялся, если муж был строгим — такова жизнь, таков порядок»¹²⁵*, — отмечали старожилы. Даже после проведения законодательных реформ подобные взгляды сохранялись, а бытовые поговорки вроде *«человек рождается из-под палки»* продолжали определять отношение к семейной иерархии.

Для значительной части сельского женского населения новые права и

¹²¹ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г.р.).

¹²² ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г.р.).

¹²³ ПМА. Экспедиция в д. Баймамяо, пос. Наньлян, уезд Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Хуачи, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: HBQ, 1949 г.р.).

¹²⁴ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г.р.).

¹²⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LPH, 1945 г.р.).

свободы, закреплённые в брачно-семейном законодательстве, оставались абстрактными и труднореализуемыми в их повседневной жизни. Их повседневный выбор по-прежнему ограничивался узким кругом социальных контактов и дефицитом достоверной информации. Зачастую отсутствовали источники, способные разъяснить, что право на расторжение брака могло бы стать для них защитой от домашнего насилия или жестокого обращения со стороны свекрови и мужа. Распространение новых норм и представлений осуществлялось партийными агитаторами, которые представляли традиционные брачные устои как пережитки прошлого и призывали женщин к проявлению самостоятельности и активности.

Тем не менее, несмотря на сомнения и опасения относительно возможных последствий, сельские женщины постепенно начинали использовать новые возможности. К 1943 году в провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся число расторжений брака увеличилось более чем вдвое по сравнению с 1938 годом¹²⁶. Данная динамика свидетельствует о постепенном проникновении изменений в традиционные слои общества, открывая перед женщинами перспективы расширения самостоятельности и защиты своих прав в сельской местности.

Одна из наших респонденток из провинции Ганьсу вспоминала, что ее мать не могла решиться на развод, так как *«у нее не было выбора, все девушки слушались родителей <...> Моя мама и отец были помолвлены в 1945 году и поженились в 1946 году, папе было 16, маме 15 лет. Мама не хотела выходить замуж за отца – его семья была очень бедной, в ней было два неженатых дяди отца старше 40 лет, так что мама понимала, что выйти замуж означало бы для нее только больше работы»*¹²⁷.

¹²⁶ СМ. Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ «Вопросы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся».

¹²⁷ ПМА. Экспедиция в д. Баймамяо, пос. Наньлян, уезд Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Хуачи, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НВQ, 1949 г.р.).

Фото № 6 Гуюань «Иски о разводе»¹²⁸

В китайском сельском обществе в разрешении брачных конфликтов и противоречий часто отдается предпочтение неформальным методам, а обращение к правовым институтам является скорее исключением, чем правилом. Это явление укоренено в глубоких культурных традициях, где стремление к гармонии (хэ, 和) является основополагающим принципом социальных отношений. Конфликты и споры, особенно в сфере брака и семьи, рассматриваются как угроза этой гармонии, и их вынесение на публичное рассмотрение, например, в суд, может привести к нарушению социального порядка и потере лица для всех участников конфликта. В данном культурном контексте обращение к закону рассматривается как крайняя мера, способная нанести ущерб репутации вовлеченных сторон и нарушить общественное спокойствие. Это противоречит стремлению к гармонии и умеренности (Чжун юн, 中庸), а также традиционному представлению о поддержании социального порядка посредством ритуалов и морального убеждения, а не принуждения. Таким образом, при разрешении брачных споров в китайском сельском обществе предпочтение отдается неформальным методам, таким как частные переговоры, посредничество и поиск компромиссов, направленным на сохранение гармонии и стабильности социальных отношений.

¹²⁸ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 16 (на кит. яз.).

На протяжении столетий женщины в традиционном сельском обществе оказывались уязвимыми перед лицом принудительных браков, насилия и унижений, лишённые как юридических средств защиты, так и социальной поддержки для отстаивания своих интересов. Введение нового брачно-семейного законодательства вселило надежду в тех, кто ранее был лишён возможности выражать свою волю. Архивные документы того времени позволяют проиллюстрировать драматизм ситуаций, с которыми сталкивались молодые девушки и их семьи. Например, в 1941 году в редакцию одной из газет поступило письмо от одиннадцатилетней невесты из уезда Аньдин (подрайон Яньшу, ныне город Цзычан, провинция Шэньси), адресованное Женской ассоциации Пограничного района с просьбой оказать содействие в расторжении брака по причине жестокого обращения со стороны свёкра¹²⁹.

В подобных случаях инициаторами часто выступали родители, которые либо самостоятельно составляли прошения, либо оказывали помощь своим дочерям, большинство из которых были слишком юны или недостаточно образованы для самостоятельных действий. Примером может служить ситуация в семье Ли Чжилань из уезда Мичжи (подрайон Суйдэ, ныне город Юйлин, провинция Шэньси), где родители обратились в местные органы власти с требованием аннулировать брачный союз дочери, заключённый по сговору между семьями с больным глухонемым сверстником. Девушка, сбежавшая сразу после свадьбы, заявила о готовности к решительным действиям в случае игнорирования её просьбы¹³⁰.

¹²⁹ СМ. Жалобы на развод: уголок жизни сельских женщин. Цзефан Жибао. 16 июля 1941 г.

¹³⁰ СМ. Архив провинции Шэньси. Оп. 46, Д. 14. Документ «Проблемы женских браков в Мичжи».

Фото № 7 Гуюань «Иски о разводе»¹³¹

Легализация разводов в сельских районах Китая стала важным шагом в юридической эмансипации женщин, однако на практике это нововведение нередко сталкивалось со скрытыми препятствиями, обусловленными традиционным укладом жизни и общественным мнением. Даже спустя десятилетия после легализации развода многие женщины продолжали воспринимать семейные конфликты как часть повседневной жизни, не предполагающую кардинального решения. Одна из жительниц провинции Ганьсу вспоминала: *«У каждой семьи свои скрытые горести, какой брак без конфликтов? Это нормально: ссориться у изголовья кровати и мириться у ее изножья. В детстве я и не слышала о разводах, у женщин тогда не было такой идеи»*¹³².

Скрытые социальные ограничения зачастую превращали формально закреплённое право в недостижимую привилегию. Это особенно ярко проявлялось в спорах об опеке над детьми и разделе имущества, возникавших при попытках воспользоваться правом на расторжение брака. Примером может служить история сельской жительницы о её тёте, чья семейная жизнь была разрушена пагубной зависимостью мужа от азартных игр. Несмотря на тяжёлое положение, попытки добиться развода встречали активное сопротивление со стороны родственников

¹³¹ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 42 (на кит. яз.).

¹³² ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: МХQ, 1935 г.р.).

супруга, которые не только отказывались поддержать женщину, но и препятствовали её желанию получить опеку над ребёнком¹³³. В результате, опасаясь общественного осуждения и социальной изоляции, женщина отказалась от официального развода и осталась в семье мужа.

Вместе с тем, данные трудности усугубились в период масштабных социальных потрясений, вызванных военной мобилизацией в годы японо-китайской войны (1937–1945 гг.). Масштабная мобилизация мужского населения коренным образом трансформировала устоявшуюся структуру семейной жизни в Китае. В условиях отсутствия глав семей многие женщины оказались в социально и эмоционально уязвимом положении, что побудило их к более активному обращению в судебные инстанции с заявлениями о расторжении брака. На начальном этапе судебные органы, не усматривая в подобных обращениях значительных отклонений от типичных брачно-семейных споров, зачастую удовлетворяли прошения о расторжении брака.

Однако по мере возвращения демобилизованных военнослужащих, нередко сталкивавшихся с распадом семей и разрушением домашнего очага, в обществе стало нарастать социальное напряжение. Вернувшиеся с фронта мужчины воспринимали происходящее как нарушение справедливости и угрозу социальной стабильности. В ответ на возрастающую социальную напряжённость власти были вынуждены пересмотреть сложившуюся практику. Уже в 1943 году в семейное законодательство были внесены изменения: теперь женщина могла получить развод с военнослужащим лишь при отсутствии известий о нём в течение пяти лет, а в случае помолвки – трёх лет¹³⁴. С этого момента суды стали проявлять гораздо большую осторожность при рассмотрении подобных дел. Помимо формального анализа ситуации, судьи стремились к мирному урегулированию конфликта,

¹³³ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

¹³⁴ СМ. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Порядок рассмотрения развода супругов бойцов в период сопротивления японским захватчикам (1 января 1943 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 807-808 (на кит. яз.).

зачастую рекомендуя супругам отложить окончательное решение или попытаться примириться¹³⁵.

Таким образом, изменения в структуре семьи, обусловленные военным временем, обострили противоречия между традиционными представлениями и новыми законодательными нормами. В рамках традиционной модели помолвка сопровождалась выплатой выкупа и фактически приравнивалась к заключению брака. Расторжение помолвки автоматически расценивалось как развод, влекущий за собой имущественные и социальные последствия для обеих сторон. Введение нового брачно-семейного законодательства в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся изменило сложившийся порядок вещей: помолвка утратила официальную юридическую силу и перестала рассматриваться как полноценный брачный союз. Это привело к возникновению многочисленных конфликтов, связанных, главным образом, с возвратом выкупа и определением дальнейшей судьбы женщин. Сельские жители, оказавшись в ситуации правовой неопределённости, были вынуждены обращаться в судебные органы, стремясь защитить свои интересы.

Особого внимания заслуживают случаи, подобные произошедшему в уезде Аньсай (подрайон Яньшу, ныне район Аньсай, город Яньань, провинция Шэньси) в 1941 году, когда девушка по имени Жунь стала предметом спора между двумя семьями, каждая из которых претендовала на неё, ссылаясь на ранее заключённые помолвки и выплаченный выкуп. Отец девушки первоначально выдал её замуж за представителя одной семьи, однако после его смерти мать, вступив в повторный брак, обручила дочь с членом другой семьи, получив новый выкуп. Возникший имущественный конфликт был передан на рассмотрение в местные органы управления, что подтверждается архивными данными, однако окончательное решение по данному делу не было найдено¹³⁶. Этот и подобные случаи наглядно

¹³⁵ Cong X. P. *Marriage, law and gender in revolutionary China (1940–1960)*. N.Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 150-161.

¹³⁶ Цун Сяопин. От «свободы брака» к «самоопределяемому браку»: реконструкция брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в 40-х годах XX в. // Кайфан шидай. 2015. № 5. С. 138 (на кит. яз.).

демонстрируют, насколько затруднительной является имплементация новых правовых норм без учёта устоявшихся традиций и социокультурных особенностей.

Запрет на традиционную практику выплаты выкупа за невесту, введённый новым брачным законодательством в Пограничном районе, повлёк за собой существенные изменения в устоявшихся моделях семейно-имущественных отношений. Если ранее выплата выкупа являлась необходимым условием заключения брака и служила своеобразной гарантией обязательств сторон, то теперь мужчины, покинутые жёнами, оказались лишены законных оснований для возврата уплаченных средств. В большинстве случаев возврат выкупа полностью зависел от доброй воли родственников бывшей жены, и подобные проявления доброй воли были скорее исключением, чем правилом. Более того, возвращаемые суммы, если таковые имели место, почти всегда были значительно ниже первоначальной стоимости, что объяснялось не только инфляцией, но и переосмыслением самой сути выкупа.

Социальное недовольство и нарастание конфликтов по поводу брачных и имущественных вопросов побудили государственные и общественные институты пересмотреть свои подходы к реформам. В условиях растущего числа жалоб и открытого напряжения между мужчинами и женщинами председательница Комитета женщин при ЦК КПК Цай Чан открыто признала стратегические просчёты, отметив: *«Мы допустили ошибку, слишком усердно защищая права женщин. Недовольство и противоречия между мужчинами и женщинами, вызванные этой ошибкой, ослабили наши силы в борьбе с японскими захватчиками»*¹³⁷.

В условиях происходящих изменений в структуре семейной жизни и распространения практики расторжения браков были предприняты дальнейшие шаги по совершенствованию брачно-семейного законодательства. В 1944 году законодательство Пограничного района впервые закрепило правовой статус выкупа за невесту: в случае расторжения брака предусматривался обязательный возврат

¹³⁷ См. Стронг А.Л. Китайцы покоряют Китай (Пер. с англ. Л. Вэйнина). Пекин: Пекин чубаньшэ, 1984. С. 164. (на кит. яз.).

обеими сторонами всех «подарков, полученных при помолвке»¹³⁸. Вместе с тем, последующие поправки 1946 года ввели принципиальное различие между традиционной выплатой выкупа и браком, основанным на купле-продаже: если сумма выкупа являлась чрезмерной и существенно ухудшала экономическое положение одной из сторон, такая сделка признавалась судом неправомерной, что влекло за собой конфискацию большей части средств в пользу общины¹³⁹.

Важным этапом в развитии социальной политики Пограничного района стало начало обсуждения проблемы домашнего насилия. Впервые в истории Китая домашнее насилие было признано не только моральной, но и правовой категорией, требующей комплексного подхода и правового регулирования. Обсуждение данных вопросов позволило выйти за рамки исключительно имущественных и формально-юридических споров в сфере брачно-семейных отношений, переориентировав внимание на вопросы защиты личности и уважения человеческого достоинства. Новые механизмы разрешения семейных конфликтов на практике зачастую оказывались более действенными, нежели формальное право на расторжение брака или имущественные споры¹⁴⁰, что свидетельствует о значительных изменениях в социальных приоритетах и подходах к семейной политике в Пограничном районе.

Очевидно, что в обществе, глубоко пропитанном конфуцианской культурой, коллективистские ценности и дух сыновней почтительности составляли основу социальной этики. В этом культурном контексте на каждого члена семьи оказывалось сильное давление, требующее ставить интересы коллектива выше личных, а благополучие всей семьи рассматривалось как приоритетная задача. Несмотря на усилия государственной власти по продвижению идеи «свободного

¹³⁸ См. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Поправка к временным правилам Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (20 марта 1944 г.) // Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэжуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 809 (на кит. яз.).

¹³⁹ Цун Сяопин. От «свободы брака» к «самоопределяемому браку»: реконструкция брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в 40-х годах XX в. // Кайфан шидай. 2015. № 5. С. 142 (на кит. яз.).

¹⁴⁰ Cong X. P. Marriage, law and gender in revolutionary China (1940–1960). N.Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 150-161.

брака» в сельских районах, большинство людей по-прежнему испытывали сильное влияние семейных ожиданий и социальных норм, что часто приводило к предпочтению традиционных моделей брака и семейных ролей, как из-за глубоко укоренившихся убеждений, так и из-за стремления избежать конфликтов и сохранить социальную стабильность. Это явление отражало как устойчивость традиционной культуры в меняющемся обществе, так и стремление индивидов адаптироваться к давлению семьи и общества, находя компромисс между личными желаниями и требованиями коллектива. Такой выбор являлся не только поддержанием традиционных ценностей, но и сохранением семейного и социального порядка.

Более того, приверженность традиционным моделям брака и семьи могла быть обусловлена влиянием коллективного бессознательного, в котором конфуцианские принципы сыновней почтительности, коллективизма и стремления к гармонии закрепились в качестве архетипов, определяющих поведение и выбор индивидов на глубинном, неосознанном уровне. В этом контексте нарушение традиционных норм воспринималось не только как дестабилизация социального порядка, но и как отказ от фундаментальных, общепринятых ценностей.

Тем не менее, при продвижении «Положения о браке» женские организации в сельских районах Китая активно использовали лозунг «Свобода брака». Этот лозунг постепенно проникал в сельское общество, находя отклик в сердцах простых людей, о чем свидетельствуют местные народные песни. Как поется в одной из народных песен того времени: *«Старинные обычаи слишком древние, женитьба и замужество были делом стариков, что было мне тяжело... Свобода брака не имеет изъянов, супруги наслаждаются жизнью вместе».*

Вдохновленные этим лозунгом, прогрессивные молодые женщины начали активно выступать против традиционных браков по договорённости. Своим примером, отказываясь от навязанных браков и самостоятельно выбирая партнеров, они вносили новый импульс в изменение брачных взглядов в сельском обществе. В 1943 году в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся произошел брачный

конфликт, который получил широкую огласку и привлек всеобщее внимание, став важным прецедентом в борьбе за свободу брака. По воспоминаниям жительницы Фэн Чжицинь из поселка Юелэ уезда Хуачи провинции Ганьсу:

«Моя девичья фамилия была Фэн. Когда мне было 4 года, отец обручил меня с Чжан Бо из деревни Чжанвань. Так как моя мать была четвёртой тёткой Чжан Бо, я часто ходила с бабушкой в деревню Чжанвань, чтобы навестить родственников, поэтому часто видела Чжан Бо и со временем у нас появились чувства друг к другу. В 18 лет отец, недовольный бедностью семьи Чжанов, обручил меня с землевладельцем Чжу Шоучаном. Однако, согласно местному обычаю «похищения невесты», семья Чжанов похитила меня и увезла к себе домой. Отец обвинил семью Чжанов в «похищении женщины» и подал на них в суд Хуачийского уезда. Судья, не проведя глубокого расследования, тут же объявил брак с Чжан Бо недействительным, а всех участников похищения арестовали. Чтобы восстановить справедливость и стать женой своего возлюбленного, 4 апреля того же года я пешком прошла более 80 ли¹⁴¹ до города Циньян, где нашла комиссара подрайона Лундун Ма Сиву и попросила его о помощи. Проведя расследование, Ма Сиву 29 мая на собрании в посёлке Юэлэ публично рассмотрел дело и объявил мой брак с Чжан Бо действительным»¹⁴².

Этот случай получил широкое освещение в ведущих СМИ, таких как «Цзефан жибао» в Яньани и «Синьхуа жибао» в Чунцине, что подчёркивало его значимость как символа социальных перемен и расширения прав женщин в тот период. Основываясь на истории Фэн Чжицинь, учитель Юань Цзин из школы Лундун написал сценарий для оперы циньцян¹⁴³ под названием «Жалоба Лю Цяоэр», художественно воссоздав эти события на сцене. Впоследствии народный артист Хань Цисян из провинции Шэньси адаптировал эту историю в форму

¹⁴¹ Ли: мера длины, равная 0,5 км.

¹⁴² Фэн Чжицинь. Воспоминания о Ма Сиву. Избранное собрание литературно-исторических материалов Ганьсу // Под ред. Комитета по исследованию литературно-исторических материалов. № 12. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1982. С. 145-148 (на кит. яз.).

¹⁴³ Опера Циньцян - одна из древнейших китайских ханьских опер, возникшая в эпоху Западной Чжоу (1046-771 гг. до н.э.), созрела при династии Цинь и распространяется в основном в провинциях Ганьсу и Шэньси.

шэньбэйского шушу (жанр народного сказания) под названием «Воссоединение Лю Цяо», что способствовало её популяризации в народной культуре.

В начале 1950-х годов, в преддверии принятия Закона о браке, пекинские литераторы адаптировали историю Фэн Чжицин для оперы пинцзюй¹⁴⁴ под названием «Лю Цяоэр», которая получила широкую известность на севере страны. В 1956 году этот сюжет был вновь экранизирован в фильме «Лю Цяоэр», который демонстрировался по всей стране, что ещё больше способствовало росту его популярности. Можно утверждать, что в 1950-е и 1960-е годы этот фильм оказал значительное влияние не только на искусство, но и на формирование ценностных ориентиров молодёжи того времени, отражая государственную политику в области свободы брака и расширения прав женщин, а также демонстрируя роль искусства как инструмента преобразования общественного сознания.

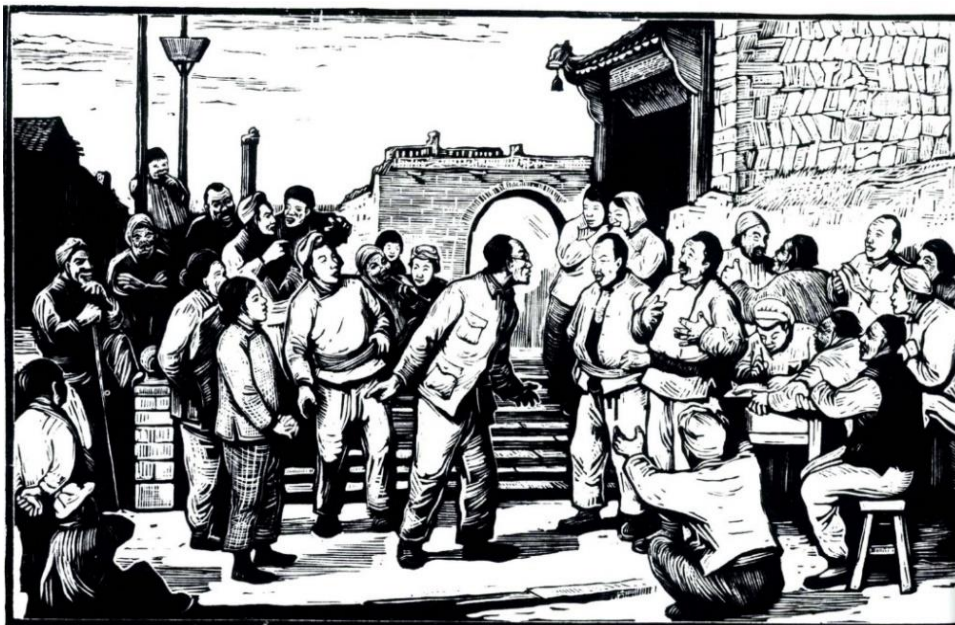

Фото № 8 Гуюань «Медиаторство Ма Сиву в бракоразводных процессах»¹⁴⁵

¹⁴⁴ Опера Пинцзюй - один из традиционных жанров китайских ханьских опер, которая возникла в конце XIX века и распространяется в основном в провинции Хэбэй.

¹⁴⁵ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 46 (на кит. яз.).

Фото № 9 Цяо Ванган «Фэн Чжицин и ее муж»¹⁴⁶

Фото № 10 Афиша фильма «Лю Цяоэр» в жанре пинцзюй¹⁴⁷

¹⁴⁶ Личный архив автора.

¹⁴⁷ Афиша фильма «Лю Цяоэр» в жанре пинцзюй. В главных ролях: Синь Фэнся, Чжан Дэфу. Чанчуньская киностудия, 1956 год.

Заключение ко второй главе

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, являясь одной из колыбелей китайской цивилизации, обладает значительным историко-культурным наследием. Именно здесь в XII–XI вв. до н.э. сформировалась культура раннего Чжоу, ставшая важным этапом на пути к созданию династии Чжоу. Культура Чжоу, для которой были характерны элементы патриархальной социальной организации, установила сложную социальную иерархию. Утвердившиеся традиции наследования имущества и власти по отцовской линии способствовали закреплению доминирующего положения мужчин в социальной структуре, что оказало влияние на формирование гендерных представлений, акцентирующих внимание на различии социальных ролей мужчин и женщин. Эти принципы сыграли определенную роль в закреплении патриархальных норм, оказавших длительное влияние на социальные и культурные структуры в последующей истории Китая.

В начале XX века в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся, где семейно-брачные отношения определялись конфуцианскими нормами, отдававшими приоритет рождению мальчиков, женщины уже испытывали полное бесправие. Они рассматривались как средство продолжения рода, становились объектами экономических сделок, сталкивались с дискриминацией, тяжелым трудом и принудительными браками. Такое положение, усугубленное тяжелыми экономическими условиями и военными конфликтами, лишало женщин права выбора, возможности участвовать в общественной жизни и распоряжаться своим трудом, полностью подчиняя их воле мужчин.

Начиная с конца 1930-х годов, реформы брачно-семейного законодательства представляли собой попытку одномоментно изменить вековые традиции. Важным шагом стало принятие «Положения о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся», которое предоставило женщинам новые права, включая свободу выбора брачного партнера и возможность развода, что способствовало росту их самосознания и уверенности в своих правах. В 1940-е годы эти изменения были углублены в северных провинциях Китая, существенно изменив положение

женщины в обществе. Однако эти радикальные преобразования, поддержанные частью китайского общества, ориентированной на социалистические идеалы, сталкивались с сильным сопротивлением, особенно в сельских районах, где патриархальные нормы оставались глубоко укорененными.

Преодоление устоявшихся традиций браков по договоренности и выкупа невесты представляло собой одну из наиболее сложных задач, сопутствовавших реформам семейно-брачного законодательства. Крестьянам было сложно принять отказ от многовековой практики распоряжения дочерьми посредством продажи, поскольку они рассматривали это как компенсацию за значительные средства и усилия, вложенные в их воспитание. В связи с этим, поправка 1946 года к «Положению о браке» отразила компромиссный подход: выкуп был признан допустимым обычаем, но установлены ограничения, согласно которым чрезмерно высокая сумма выплат, способная существенно изменить экономическое положение семьи получателя, квалифицировалась как брак в форме купли-продажи. Восприятие новых правовых норм как нежелательного вмешательства в частную жизнь семьи было широко распространено в сельских районах.

Об этом свидетельствуют воспоминания уроженца деревни 1936 года рождения, согласно которым многие считали безответственными нововведения, лишаящие родителей возможности контролировать выбор брачного партнера для своих детей. Данное убеждение о недопустимости самостоятельного выбора брачного партнера молодежью и необходимости родительского контроля над этим процессом сохранялось в сельской местности на протяжении длительного времени. В частности, социологические исследования, проведенные в провинции Ганьсу в конце XX века, демонстрируют, что до 1980-х годов свыше 70% браков заключались по инициативе родителей и при участии свах. Подобная ситуация обуславливалась преобладанием сельского населения с низкой мобильностью, что, в свою очередь, являлось следствием государственной политики, направленной на усиление контроля над сельскими общинами посредством внедрения системы коллективного земледелия и ограничения свободы передвижения, что закономерно

приводило к сокращению миграционных потоков¹⁴⁸. Более того, имплементация новых правовых норм, предусматривающих разрешение спорных вопросов в судебном порядке, вступала в противоречие с многовековой традицией «гармонии» и «доктрины середины», предполагавшей урегулирование конфликтов мирным путем посредством частных переговоров и достижения компромисса, без обращения к формальным посредникам и судебным инстанциям. Даже спустя десятилетия после начала реформ, практика выкупа невесты продолжала сохраняться, что свидетельствует об устойчивости традиционных представлений в сельском обществе.

В сельских районах северного Китая, в том числе в провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся, несмотря на существующие сложности, активно продвигался идеал «свободного брака», поддерживаемый новыми властями. Одним из важнейших шагов в реализации реформ стало принятие «Положения о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся», которое коренным образом изменило положение женщин в китайском обществе. Данная законодательная инициатива, развернувшаяся в 1930-е годы, не только разрушала устаревшие моральные нормы и социальные стереотипы, но и открывала перед женщинами новые перспективы – от свободы выбора брачного партнера до защиты их прав в случае расторжения брака, что, как предполагалось, должно было повысить уровень удовлетворённости семейной жизнью¹⁴⁹. Одним из заметных последствий указанных изменений стало значительное увеличение числа расторжений брака: к 1943 году в провинциях Шэньси, Ганьсу и Нинся количество расторжений брака увеличилось в 2,25 раза по сравнению с 1938 годом. В то же время, в 1940-е годы практически исчезла практика продажи девочек в качестве будущих жён, что было обусловлено улучшением социально-экономических условий жизни крестьян, получивших земельные наделы. Данные изменения имели особое значение,

¹⁴⁸ Фэн Шипин. Выбор партнера: процесс, пронизанный волей родителей. Краткий анализ влияния сельских родителей на выбор партнера детьми в провинции Ганьсу // Ганьсу шэсюэй кэсюэ. 1998. № 2. С. 47 (на кит. яз.).

¹⁴⁹ Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C. H. Attitudes to marriage and sexual behaviors: A survey of gender and culture differences in China and United Kingdom // Sex Roles. 2002. Vol. 46. № 3. P. 75-89.

поскольку они знаменовали собой завершение периода голода и крайней нищеты¹⁵⁰. Как следствие, к 1940-м годам подобные случаи стали чрезвычайно редкими.

Семейно-правовые реформы, проведённые в Китае, оказали значительное влияние на трансформацию гендерных отношений и переосмысление традиционных ролевых моделей в обществе. Новые законодательные инициативы способствовали постепенному ослаблению патриархальных устоев, традиционно определявших доминирующую роль мужчин в семье, а также создали условия для личностного и правового развития женщин. Внедрение новых правовых норм не только предоставило женщинам возможность законно защищать свои интересы, но и способствовало глубоким изменениям в их мировоззрении, трансформируя чувство зависимости в устойчивое самосознание и стремление к независимости. Исторически укоренившиеся конфуцианские ценности, основанные на коллективизме и приоритете интересов семьи над личными интересами, на протяжении длительного времени ограничивали социальную активность женщин и сдерживали проявление их личной инициативы. В новых социально-правовых условиях женщины стали более критически оценивать прежние ритуалы и обряды, всё более осознавая свои права и возможности. Этот процесс сопровождался не только изменениями в правовой сфере, но и внутренней трансформацией, связанной с переосмыслением собственной идентичности как субъекта права. Необходимо отметить, что процесс эмансипации женщин в Китае носил сложный и многоэтапный характер: несмотря на то, что на начальном этапе лишь немногие представительницы старшего поколения смогли реализовать предоставленные возможности, их опыт послужил важным ориентиром для молодых женщин. На примере первых участниц реформ формировались новые модели поведения и ценностные ориентиры, которые передавались следующим поколениям – дочерям и внукам, выросшим в условиях большей социальной свободы.

¹⁵⁰ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цюйцзы, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: МХQ, 1935 г.р.).

Глава 3. Трудовая деятельность сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)

Вопрос о том, насколько социалистический путь развития действительно изменил качество жизни в Китае, давно занимает важное место в международной академической дискуссии. В частности, в 2007 году профессор-синолог из Японии (Университет Рицумейкан) поставил под сомнение однозначность итогов китайских социалистических преобразований, задаваясь вопросом: привели ли десятилетия следования марксистским теориям и их адаптации под национальные реалии к реальному освобождению народа, особенно крестьянства ¹⁵¹ ? Современные западные исследователи предлагают рассматривать этот исторический опыт с позиции гендерного анализа, акцентируя внимание на так называемом «женском вопросе»: стали ли осуществлённые революционные преобразования и последующие реформы подлинной основой для эмансипации женщин, обеспечили ли они равные права и свободы, или же большинство изменений осталось декларативным и не преодолело глубоко укоренившиеся традиционные ограничения¹⁵²?

Проблематика трансформации женского опыта и повседневности в ходе реформ в Китае занимает значительное место в отечественной и зарубежной историографии. В научных работах сложились разные исследовательские подходы: одни авторы сосредотачивались на институциональных и нормативных аспектах, изучая, как государственная политика реализовывалась на местах¹⁵³ и в какой мере

¹⁵¹ Китакура Минору. Принес ли социализм счастье Китаю? Тайбэй: юаньлю, 2007. С. 140-154 (на кит. яз.).

¹⁵² Cheng L. Women and class analysis in the Chinese land revolution // Berkeley Women's Law Journal. 1988. Vol. 4. № 1. P. 62.

¹⁵³ Хуан Чжэнлинь. Сельские женщины в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся во время антияпонской войны // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2004. № 2. С. 75-99 (на кит. яз.); Чжоу Лэй. Создание нового направления женского движения — обсуждение «Решения КПК от 3 апреля» во время антияпонской войны // Шаньси шида сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2015. Том. 42. № 4. С. 14-19 (на кит. яз.); Ван Яли. Исследование супружеской жизни женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся — с точки зрения отношений между женщинами, браком и революцией. Дис. ... канд. ист. наук. Шаньсийский университет, Тайюань, 2016. С. 207-256 (на кит. яз.); Ван Ин. Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипации женщин в Пограничном районе

декларируемые цели соответствовали реальной практике в женских сообществах; другие, находясь под влиянием западной либеральной мысли и дуалистических схем, критиковали реформы как проявление государственного контроля и формальное ограничение прав женщин¹⁵⁴. Подобная бинарность и приверженность анализу документов зачастую приводили к односторонним и схематичным выводам, оставляя в тени живое многообразие индивидуальных стратегий, практик и смыслов, возникавших среди женщин в условиях масштабных социокультурных преобразований¹⁵⁵.

Современный научный дискурс требует выхода за пределы этих устоявшихся парадигм и обращения к непосредственным свидетельствам — воспоминаниям участниц, устным историям и локальным источникам, позволяющим реконструировать повседневную жизнь и внутренний мир сельских женщин как активных субъектов перемен. Такой междисциплинарный подход открывает новые перспективы для анализа социальной динамики, эмоциональных и ценностных аспектов восприятия реформ, а также долгосрочных последствий политики для женского статуса и повседневности.

В данной главе ставится задача рассмотреть условия жизни и модели поведения сельских женщин Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся в ключевые периоды – от становления Китайской Республики до начала реформирования брачно-семейного законодательства. Особое внимание уделяется тому, как женщины реагировали на перемены, какими были их индивидуальные и коллективные стратегии адаптации, какие чувства и переживания определяли их отношение к реформам, и как трансформировался их социально-правовой статус на протяжении рассматриваемого периода.

Шэньси-Ганьсу-Нинся в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) // Кайфан шидай. 2018. № 4. С. 31-35 (на кит. яз.).

¹⁵⁴ Kay A. J. Women, the family and peasant revolution in China. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 282 p.; Stacey J. Patriarchy and socialist revolution in China. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 250-253.; Stranahan P. Yan'an women and the Communist Party. Berkeley, 1983. 130 p.

¹⁵⁵ Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. Серия История. 2019. Том 18. № 2. С. 214-245.

Аналитическая база главы опирается на материалы глубинных интервью, собранных автором в ходе полевых исследований в сельских районах Шэньси, Ганьсу и Нинся летом 2023 года, а также на данные из региональных архивов, местной прессы и краеведческих записей. Такой эмпирический материал позволяет комплексно оценить восприятие реформ сельскими женщинами и показать, что традиционный институт семьи нередко сохранял ключевую роль в механизмах выживания и адаптации к новым социальным вызовам в условиях постоянных перемен¹⁵⁶.

§ 1. Труд крестьянок в дореволюционном Китае: недооценка экономического вклада женщин и ограниченные права в семье

Китай, будучи преимущественно аграрной страной с преобладанием сельского населения, уделял особое внимание роли крестьянства, в том числе и женщин, в социально-экономической жизни. Однако, реальная жизнь сельских женщин, составлявших значительную часть населения, включая рассматриваемую нами область трёх северных провинций (Шэньси, Ганьсу и Нинся), согласно данным специализированных исследований по аграрной истории и результатам наших полевых исследований, существенно отличалась от представлений, сформированных в работах многих ученых¹⁵⁷ и официальных документах. Традиционные взгляды на роль женщины в обществе были закреплены в устоявшихся формулах, таких как «мужчины пахут, женщины ткут» (нань гэн нюй чжи) и «мужчины — снаружи, женщины — внутри» (наньвай нюйнэй), которые определяли жёсткое разделение сфер деятельности по половому признаку.

В условиях экономической нестабильности для женщин из малообеспеченных слоёв общества традиционное разделение на «мужскую»

¹⁵⁶ Вошилина Е.В. Семейно-клановые отношения в китайском обществе // Культурологические опыты / Отв. ред. М.В. Амгаланова, Е.С. Манзырева. Улан-Удэ, 2017. С. 27-30.

¹⁵⁷ Мэн Юэ, Дай Цзиньхуа. Выход из поверхности истории. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1989. С. 5 (на кит. яз.). Чжоу Лэй. Конфликт и слияние — изменения в семейной политике КПК во время антияпонской войны // Фунюй яньцзю луныцун. 2017. № 3. С. 40-48 (на кит. яз.).

внешнюю и «женскую» внутреннюю сферы было весьма условным и определялось прежде всего объёмом физической работы, необходимой для обеспечения жизнедеятельности семьи. Работа в поле, особенно на участках, расположенных непосредственно у дома, зачастую воспринималась как продолжение домашних обязанностей женщины, что обуславливало ее активное вовлечение в сельскохозяйственный труд даже при строгом соблюдении. Лишь немногие зажиточные семьи могли позволить себе наёмный труд; в то время как большинство сельских женщин трудились наравне с мужчинами, внося сопоставимый вклад в поддержание семейного благосостояния. При этом на женщинах лежало основное бремя по ведению домашнего хозяйства, включая приготовление пищи, стирку, поддержание чистоты, уход за детьми и пожилыми родственниками. Подобная многозадачность приводила к постоянному переутомлению и чувству непосильной нагрузки.

Согласно местным хроникам, в уезде Юлинь, помимо традиционного обучения шитью и вышиванию, женщины активно занимались земледелием, проявляя исключительное трудолюбие, что позволяло им вносить существенный вклад в семейное хозяйство. В соседнем уезде Фугу, где обширные земельные угодья и малочисленное население создавали дефицит рабочей силы, сельские женщины наравне с мужчинами трудились на полях. В уезде Хуайюань, где неплодородные земли и бедность населения обуславливали зависимость от земледелия и скотоводства, как весной, так и осенью, все жители, независимо от пола, были вынуждены участвовать в сельскохозяйственных работах. В уезде Цзячжоу, наряду с обучением рукоделию, женщины активно участвовали в полевых работах, трудясь бок о бок с мужьями; в то время как мужчина обрабатывал два-три му земли с помощью быка, женщина занималась прополкой, посевом или сбором урожая¹⁵⁸.

¹⁵⁸ Редкие местные хроники Северо-Запада. Том 11. Ланьчжоу: Ланьчжоу гуцзи шудянь, 1990. С. 46-47 (на кит. яз.).

Фото № 11 Гу Юань «Старые и новые времена»¹⁵⁹

«Я старшая в нашей семье, и с пяти-шести лет начала помогать родителям в поле, — рассказывала одна пожилая крестьянка. — Моя мама, несмотря на свои маленькие ножки, очень умело трудилась. Отец занимался вспашкой и посевом, работая в одиночку, а когда приходило время прополки и сбора урожая, они трудились вместе. Во время прополки мама опиралась на мотыгу, а когда жали пшеницу — передвигалась на коленях с привязанными наколенниками. Все овощи в нашей семье выращивала только мама. Вернувшись домой, ей приходилось готовить еду, кормить скот и заботиться о младшем брате, а отец просто отдыхал и курил»¹⁶⁰.

В ходе проведенных интервью, при обсуждении жизни до начала реформ, практически все опрошенные женщины выразили единое мнение о том, что традиционная практика бинтования ног, несмотря на кажущуюся ограниченность, не являлась существенным препятствием для выполнения их матерями большинства необходимых задач. Некоторые из опрошенных¹⁶¹ отмечали, что, хотя

¹⁵⁹ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 29 (на кит. яз.) .

¹⁶⁰ ПМА. Экспедиция в д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LXQ, 1936 г. р.)

¹⁶¹ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель

бинтованные ноги, безусловно, создавали определенные неудобства, их матери, привыкшие к этому с детства, выработали собственные стратегии адаптации и оптимизации движений, позволявшие им эффективно выполнять свою работу.

В семьях, лишённых мужской поддержки, женщины становились главными участниками сельскохозяйственного производства, обеспечивая выживание своих близких. *«Мой отец был слаб здоровьем, у него часто болела поясница и ноги, он не мог выполнять тяжёлую работу. Моя мама одна управляла 40 му земли и заботилась о 8 членах семьи. Она делала всё: носила воду, готовила еду, кормила скот, рубила дрова, занималась посевом, жатвой, перевозкой навоза, удобрением почвы»*¹⁶².

Фото № 12 Гу Юань «Старые и новые времена»¹⁶³

В начале XX века провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся являлись одними из ключевых регионов Китая по производству опиума¹⁶⁴. Среди наиболее уязвимых слоев населения, особенно среди мужчин, курение опиума получило широкое

2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

¹⁶² ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: HYZ, 1937 г. р.)

¹⁶³ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.) Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 31 (на кит. яз.).

¹⁶⁴ СМ. Хуан Чжэнлинь. Сельские социальные преобразования в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся с 1937 по 1945 год // Канжи чжаньяжэн яньцзю, 2006. № 2. С. 51 (на кит. яз.).

распространение как способ справиться с тяжелыми условиями жизни. В этих трагических обстоятельствах, когда мужчины становились зависимыми от опиума, женщины вынуждены были нести на себе двойное бремя: заботу о доме и детях, а также поиск средств к существованию, часто работая непосильным трудом, чтобы прокормить семью и хоть как-то компенсировать утрату дохода из-за зависимости мужа. *«Мой дядя много курил, и после этого бродил повсюду, совершенно не заботясь о жизни моей тётки и её детей. Поэтому тётка была вынуждена каждый день привязывать двух детей к печке-лежанке (кану) и уходить работать в гору, стараясь забыть о том, что оставленные дома дети целыми днями голодали и плакали»*¹⁶⁵.

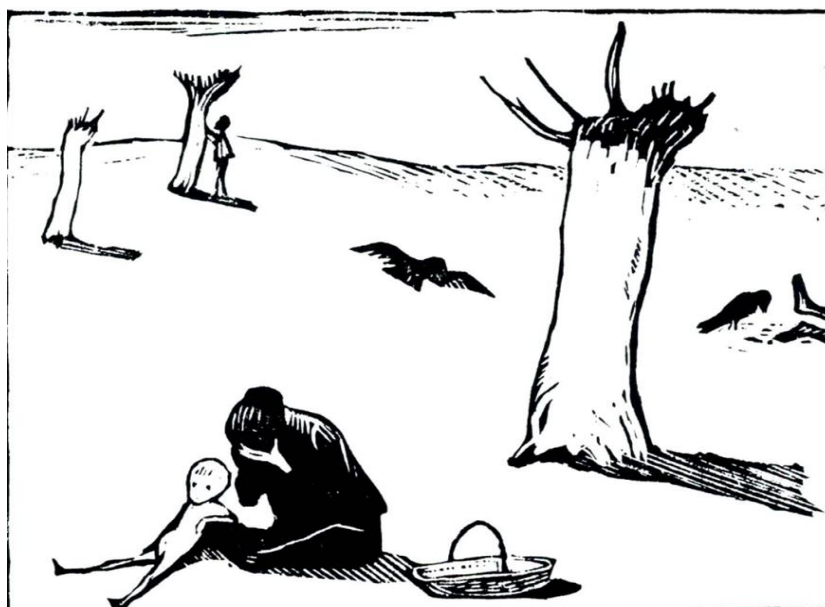

Фото № 13 Гу Юань «Старые и новые времена»¹⁶⁶

Традиционные представления о гендерных ролях в семье обеспечивали мужчинам более привилегированное положение: по возвращении с полевых работ они освобождались от большей части физической работы по дому и могли проводить время, предаваясь, например, курению. В то время как на женщинах лежало двойное бремя: они были обязаны трудиться в поле наравне с мужчинами и,

¹⁶⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

¹⁶⁶ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.) Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 32 (на кит. яз.).

одновременно, выполнять весь спектр домашних обязанностей. Домашние обязанности включали в себя прядение, ткачество, шитье, вышивку и изготовление тканых туфель – виды деятельности, которые не только обеспечивали семью необходимыми вещами, но и служили важным источником дополнительного дохода¹⁶⁷:

«У нас холодный климат, не подходящий для выращивания хлопка. Принято было обменивать зерно на хлопок из провинции Шэньси, затем сами пряли и ткали. Вся одежда и обувь для нашей семьи из семи человек делалась моей мамой. С самого детства я не помню, чтобы мама когда-либо спала. Когда я просыпалась утром, она уже была в поле, а вечером всегда занималась шитьем»¹⁶⁸.

Трагический парадокс заключался в том, что даже упорный труд в течение всего года не гарантировал бедным крестьянам избавления от голода. Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, раскинувшийся на Лёссовом плато и издавна считавшийся одним из центров китайского земледелия и ранней цивилизации, уже к началу XX века оказался в условиях острого истощения почв. Причиной тому стало столетиями продолжавшееся интенсивное земледелие без восстановления плодородия. Дальнейшему ухудшению ситуации способствовали как ограниченность технических средств — крестьяне по-прежнему были вынуждены использовать архаичные орудия труда, — так и постоянные бедствия: засухи, вооружённые конфликты и социальные потрясения лишь усугубляли хозяйственный кризис региона:

«В республиканский период жизнь людей была невыносимой, особенно в 1920-е годы. Сначала произошло землетрясение, затем последовала десятилетняя засуха, эпидемии и голод, люди ели кору деревьев. У моей мамы было семь братьев и сестер, но выжила только она. Отец тоже был тогда ребенком, его семья жила

¹⁶⁷ В Европе обувь изготавливалась из кожи, и сапожное дело стало мужской специальностью. В Китае подошвы обуви изготавливались из сшитых вместе слоев хлопка, поэтому именно женщины обеспечивали обувью свои семьи.

¹⁶⁸ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

немного лучше, но после уплаты арендной платы средств почти не оставалось. Круглый год его семья питалась солеными овощами и картофелем, иногда что-то готовилось из муки гаоляна. Когда я родилась, было много беженцев из провинций Хэнань и Сычуань, спасавшихся от голода»¹⁶⁹.

Анализ воспоминаний опрошенных крестьянок, живших в Китае в начале XX века, раскрывает картину жизни, отмеченную непрекращающейся чередой тяжелых испытаний. Повсеместная бедность и нехватка продовольствия приводили к хроническому недоеданию и периодическим вспышкам голода, особенно болезненно отражавшимся на детях и стариках. Тяжелый физический труд, антисанитарные условия и отсутствие доступа к медицинской помощи обуславливали высокую заболеваемость и смертность, а частые эпидемии становились настоящим бедствием для крестьянских семей. Долгие годы войн и гражданских конфликтов, неурожай и стихийные бедствия приводили к вынужденным разлукам с близкими, миграциям в поисках пропитания и крова, а также к преждевременной смерти родных и близких, оставив глубокий след в душах этих женщин. В рассказах многих из них с горечью упоминаются страшные катастрофы, унесшие жизни сотен тысяч людей: разрушительное землетрясение в уезде Хайюань 1920 года¹⁷⁰, опустошительная засуха на северо-западе Китая в 1928 году¹⁷¹, смертоносная эпидемия холеры 1932 года¹⁷² и ужасающий голод в

¹⁶⁹ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г. р.)

¹⁷⁰ Хайюаньское землетрясение – 16 декабря 1920 года в провинции Ганьсу, Китай, произошло одно из самых разрушительных землетрясений в истории, известное как Хайюаньское землетрясение, с магнитудой 8.5. Эпицентр находился в уезде Хайюань. Землетрясение охватило огромную территорию, включая провинции Ганьсу, Нинся и Шэньси, и привело к гибели около 200 000 человек, что делает его одним из самых смертоносных землетрясений 20 века. Стихийное бедствие вызвало обширные разломы, оползни и сели, изменив местный ландшафт и гидрологию.

¹⁷¹ Засуха восемнадцатого года Китайской Республики – В период Китайской Республики провинции Шэньси и Ганьсу неоднократно подвергались стихийным бедствиям, наиболее тяжелым из которых была засуха 1928-1930 годов, известная как «Засуха восемнадцатого года Китайской Республики». Эта засуха продолжалась до 1932 года, что составило четыре года. Засуха привела к экономическому краху сельской местности в Шэньси и Ганьсу и крайнему обнищанию крестьян, в результате чего сельское общество этих провинций перестало быть властью, сосредоточенной вокруг местных Шэньши, и оказалось под контролем местных

провинции Хэнань в 1942 году¹⁷³, ставшие символами невероятных страданий и лишений, выпавших на долю китайского крестьянства в тот трагический период.

Фото № 14 Гу Юань «Старые и новые времена»¹⁷⁴

Крестьянское население остро ощущало на себе последствия стихийных бедствий и социально-политических потрясений: традиционный уклад жизни разрушался, семьи повсеместно оказывались в тяжёлом материальном положении, а наиболее уязвимые категории населения, в первую очередь женщины, сталкивались с усилением социальной изоляции и правовой незащищённости¹⁷⁵.

сильных личностей, в том числе группировок войск.

¹⁷² Эпидемия холеры 1932 года – одна из самых серьезных эпидемий в истории Китая. Эта эпидемия охватила большинство провинций Китая, причем провинция Шэньси пострадала наиболее сильно. Согласно данным, холера быстро распространилась с юга на север, затронув 23 провинции и города, а число умерших в провинции Шэньси составило около 200 тысяч человек.

¹⁷³ Голод в провинции Хэнань в 1942 году – В 1942 году в провинции Хэнань, Китай, во время антияпонской войны произошел серьезный голод. Эта катастрофа началась летом 1942 года и продолжалась до весны 1943 года, в результате чего около 30 миллионов человек пострадали, а 3 миллиона умерли от голода. Основными причинами голода были природные бедствия и неэффективные меры правительства Гоминьдан по оказанию помощи. Война и чрезмерная реквизиция со стороны армии также были важными причинами голода. Чтобы выжить, пострадавшие были вынуждены массово бежать в такие регионы, как Шэньси, Хубэй и Шаньси. Во время этих массовых миграций многие люди прибегали к крайним мерам для поддержания жизни, включая такие трагические случаи, как обмен детей на еду.

¹⁷⁴ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 32 (на кит. яз.).

¹⁷⁵ Пушкарева Н.Л., Ли Илэй. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Том. 16. № 2. С. 404-416.

Утрата источников дохода и традиционной патриархальной поддержки ставили их в положение экономической зависимости, повышая риск недоедания, болезней и различных форм эксплуатации. В условиях экономического кризиса мужчины нередко прибегали к трудовой миграции, покидая родные места в поисках заработка, что, однако, не улучшало, а лишь усугубляло социально-экономическое положение остающихся жён и детей. В критической ситуации, вызванной угрозой голода, доведённые до отчаяния семьи вынуждены были прибегать к крайней мере – продаже дочерей в другие семьи в качестве будущих жён, что являлось трагическим проявлением социально-экономической незащищённости и крайней степени депривации, свойственных крестьянскому населению в рассматриваемый период. *«Когда моей матери было шесть лет, отец продал её одному торговцу людьми. На новом месте она заболела туберкулёзом, и торговец людьми поспешил избавиться от неё, отправив её к католикам-испанцам, которые в итоге её спасли»*¹⁷⁶.

Несмотря на существенный вклад женщин в поддержание благосостояния семьи, проявлявшийся в тяжёлом труде и стойкости (в частности, болезненной практике бинтования ног и других социальных ограничениях), конфуцианские патриархальные установки приводили к недооценке их роли в семейном хозяйстве. Вопреки очевидной трудоёмкости, женский труд в сельском хозяйстве зачастую воспринимался как «лёгкий», а доходы от реализации продукции женского рукоделия (в частности, обуви) поступали в общий семейный бюджет. При этом женщины были лишены права распоряжаться заработанными средствами, что ещё больше усиливало их экономическую зависимость и ограничивало возможности для повышения собственного благосостояния:

«Тогда у женщин не было собственных денег, и для покупки вещей им требовалось согласие мужа. Многие страдали от женских заболеваний, но не имели средств на лечение. Даже если у мужа были деньги, он мог отказать в

¹⁷⁶ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LPH, 1945 г. р.)

выделении средств на лечение. Женщины с раком шейки матки зачастую были вынуждены просто ждать смерти»¹⁷⁷.

Однако преодоление глубоко укоренившихся социокультурных норм, регламентировавших гендерные роли и ограничивавших общественную активность женщин, оказалось ещё более сложной задачей. Нарушение традиционных норм, основанных на конфуцианских принципах, и выход женщин в общественную сферу за пределы дома нередко вызывали общественное осуждение. В условиях экономического кризиса и роста вынужденной занятости женщины были вынуждены искать источники дохода за пределами домашнего хозяйства. Спектр их деятельности варьировался от маргинальных занятий, таких как сводничество и содержание притонов, до традиционных женских промыслов и профессий, включая свах, целительниц и повитух. Повышенная мобильность, вызванная необходимостью поиска средств к существованию в сельской местности, часто сопровождалась социальным отчуждением, предрассудками и дискриминацией, обусловленными гендерными стереотипами, даже в отношении женщин, занимавшихся социально одобряемыми традиционными профессиями:

«Жители сёл каждый месяц посещали ярмарки, покупали или обменивали зерно на бытовые товары, причём покупателями обычно были мужчины. Как только какая-нибудь женщина начинала часто появляться на ярмарках, её начинали осуждать, утверждая, что она нарушает приличия. Незамужним и молодым невестам вообще полагалось оставаться дома»¹⁷⁸.

Анализ биографических нарративов, собранных в ходе исследования, посвященного эволюции гендерных отношений в Китае в XX веке, позволил выявить существенные изменения в восприятии роли женщины в обществе. Респонденты, анализируя жизненный опыт своих матерей, отмечали значительный

¹⁷⁷ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

¹⁷⁸ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: NYZ, 1937 г. р.)

контраст между тяжелыми условиями жизни женщин в традиционном патриархальном обществе и современным положением, характеризующимся расширением прав и возможностей. *«Тогда женщины работали, как лошади или быки, мужчины относились к ним как к низшим существам, и о каком достоинстве могла идти речь! Однако благодаря правильной политике КПК женщины у нас обрели статус»*¹⁷⁹.

В рамках исследования, посвященного изучению представлений о гендерных ролях в китайском обществе XX века, респонденты, анализируя жизненный опыт своих матерей, неоднократно отмечали значимость традиции молчаливого и терпеливого поведения женщин. Подчеркивалось, что следование данной социокультурной норме рассматривалось как необходимое условие для поддержания стабильности семейных отношений, предотвращения конфликтов и обеспечения гармоничного взаимодействия между членами семьи. *«Раньше считали, что хорошая жена должна быть послушной, терпеливой и уступчивой к желаниям мужа»*¹⁸⁰, — это подтверждают и поговорки, часто произносимые женщинами (*«Сдержи гнев на мгновение, избежишь беспокойства на сто дней»*, *«Чем меньше дел, тем лучше»*, *«Если нужно — смирись»*). Эти высказывания, с одной стороны, отражали принятую в патриархальном обществе систему ценностей, предписывающую определённые модели поведения для женщин, а с другой — являлись следствием общего социального давления, оказываемого на всех членов общества с целью сохранения социального порядка и стабильности.

Как следует интерпретировать крестьянские жалобы на пережитые страдания (诉苦, суку)? Согласно одной точке зрения, суку представляет собой инструмент политической дисциплины, используемый государством для преобразования болезненных воспоминаний крестьян в классовое сознание и для

¹⁷⁹ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MXQ, 1935 г. р.)

¹⁸⁰ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

интеграции опыта социальных лишений в систему координат, объясняющую экономическую эксплуатацию и политическое угнетение¹⁸¹. Другие исследователи рассматривают *суку* как способ политической мобилизации, направленный на формирование лояльности к власти и на переориентацию национального самосознания населения в соответствии с официальной идеологией¹⁸². Есть также ученые, утверждающие, что государство, формализовав представление об освобождении женщин от страданий, лишило их возможности выразить собственный, независимый взгляд на свой опыт¹⁸³.

Вместе с тем, представляется, что при деконструкции феномена *суку* исследователи зачастую фокусируются на анализе «жалоб» (*су*), в то время как фундаментальный аспект «страдания» (*ку*) как объективной реальности, переживаемой широкими слоями населения, остается недостаточно изученным. Данный подход особенно проблематичен при анализе положения сельских женщин, находящихся в условиях двойной маргинализации, обусловленной их классовой и гендерной принадлежностью. Несмотря на их ключевую роль в обеспечении функционирования семейного хозяйства, женщины испытывали значительные трудности в реализации своего потенциала и обретении должного уважения к своей личности. В условиях доминирования патриархатных социальных структур жизненное пространство женщин оказывалось жестко регламентированным системой мужского родства, что существенно ограничивало их возможности для самореализации и достижения чувства собственного достоинства. Даже в тех случаях, когда женщинам удавалось преодолеть структурные ограничения и проявить агентность, они сталкивались с экзистенциальным кризисом, связанным с

¹⁸¹ Rofel L. *Other modernities: Gendered yearnings in China after socialism*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 137-149.

¹⁸² Го Юйхуа, Сунь Липин. Жалобы: посреднический механизм формирования национальных концепций крестьян // Китайская академия. Пекин: Шанву иньшугуань. 2002. № 4. С. 130-157 (на кит. яз.); Ли Лифэн. Жалобы на земельную реформу: микроанализ техник народной мобилизации // Наньцзин дасюэ сюэбао (Чжэсюэ жэньвэнь кэсюэ шэхуэй кэсюэ), 2007. № 5. С. 97-109 (на кит. яз.).

¹⁸³ Hershatter G. *The gender of memory: Rural women and China's collective past*. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 61-63.

поиском смысла жизни и утратой духовной опоры.

§ 2. Баланс между идеалом и реальностью: «женская проблема» в первых законодательных актах КПК

В китайской деревне до 1930-х годов, в период, предшествовавший полномасштабной Второй гражданской войне, государственное присутствие ограничивалось в основном фискальными и военно-мобилизационными функциями. Крестьянское население было обязано выплачивать земельный налог, часто непомерный и взимаемый коррумпированными чиновниками, и поставлять рекрутов в армию, что воспринималось как тяжелая повинность. В остальном же сельская жизнь регулировалась неформальными институтами, игравшими ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и порядка. Система родственных связей (кланы и семьи) обеспечивала взаимопомощь, распределение земли и защиту. Обычное право регулировало земельные споры и наследственные отношения. Религиозные практики поддерживали моральные нормы и общественный порядок. Местная элита, шэньши (紳士), выступала посредниками между государством и крестьянами. Таким образом, сельская жизнь характеризовалась высокой степенью саморегуляции и ограниченным вмешательством государства, которое проявлялось в основном через изъятие ресурсов и поддержание военной силы.

К концу правления династии Цин Китай столкнулся с глубоким социально-экономическим кризисом, усугубленным внутренними распрями и иностранным вмешательством. Традиционные институты – клановые связи, гильдии, сельские общины - не могли более эффективно регулировать общество, обеспечивать социальную защиту и поддерживать стабильность перед лицом растущей бедности, неравенства и политической нестабильности. Эта ситуация породила потребность в новых подходах к социальной консолидации. Различные политические силы – от реформаторов при дворе до революционных движений – и интеллектуалы, осознавая несостоятельность старых порядков, выдвигали

альтернативные стратегии, направленные на восстановление социального единства и интеграцию разрозненного китайского общества, предлагая разные модели модернизации, социальной справедливости и национального возрождения.

Одной из таких стратегий стало задействование ресурсов традиционных низовых организаций, таких как хуэй (互助会, общества взаимопомощи) – добровольные объединения крестьян, ремесленников и торговцев, оказывавшие помощь при стихийных бедствиях и финансовых затруднениях, и шэ (社, сельские общины) – традиционные формы организации крестьянского труда и религиозных обрядов. Предполагалось, что эти организации, обладающие опытом самоорганизации и взаимной поддержки, могут стать основой для создания новых форм социального взаимодействия и интеграции. Ключевую роль в этом процессе отводили *шэньши* (绅士) – местной элите, состоящей из отставных чиновников, крупных землевладельцев и образованных людей, обладавших авторитетом и влиянием в сельской местности. Как утверждал Лян Цичао, один из ведущих китайских интеллектуалов начала XX века, «Чтобы развить народные права, следует сперва развить права шэньши; чтобы развить права шэньши, следует начинать с учёных обществ»¹⁸⁴. Лян Цичао полагал, что именно *шэньши*, обладающие знаниями и опытом управления, способны стать проводниками демократических реформ и вовлечь крестьянство в процесс политической модернизации. С этой целью предполагалось создание «нового типа деревенских лидерских организаций» под контролем государства, которые должны были осуществлять сбор налогов, поддерживать порядок и проводить политическую агитацию.

Другой подход к решению проблемы социальной интеграции подчеркивал необходимость активизации человеческого капитала в сельской местности путем развития образования и повышения уровня самосознания крестьянства. Видным представителем этого направления был Ян Янчу, основатель движения за сельское

¹⁸⁴ См. Лян Цичао. Обсуждение реформ. Рассуждения о учёных обществах. Коллекция работ Иньбинши. Т. 1. Пекин: Китайское книжное бюро, 2015. С. 31 (на кит. яз.).

строительство (乡村建设运动), который считал, что основной задачей являлось устранение четырех главных проблем китайской деревни: «невежества, бедности, слабости и эгоизма». Для решения этих проблем Ян Янчу предлагал комплексную программу сельского строительства, включающую четыре вида образования: культурное (повышение грамотности и распространение научных знаний), экономическое (развитие сельского хозяйства и ремесел), гражданское (формирование чувства гражданской ответственности и участие в местном самоуправлении) и санитарное (улучшение гигиены и здоровья). По мнению Ян Янчу, только «всесторонне развитый человек», обладающий знаниями, производительностью, физической силой и способностью к сотрудничеству, сможет стать активным участником процесса возрождения китайской нации¹⁸⁵.

В отличие от Ян Янчу, делавшего ставку на всестороннее развитие крестьянства, некоторые ученые и интеллектуалы, обеспокоенные влиянием западной цивилизации, видели решение проблем китайской деревни в возрождении традиционных ценностей и институтов. Лян Шумин, один из видных представителей этого направления, отмечал, что неудачи различных национальных спасательных движений со времен конца династии Цин объясняются попытками механически перенести западную модель развития на китайскую почву. По его мнению, западный путь развития предполагает переход от «жизненной позиции» (сосредоточенности на духовных и моральных ценностях) к «экономической базе» (развитию производства и торговли) и далее к «политической цивилизации» (формированию демократических институтов), в то время как в Китае необходимо начинать с восстановления духовного и морального здоровья общества. Лян Шумин считал, что корень проблем сельской местности заключается в «культурном дисбалансе», вызванном утратой традиционных ценностей и распространением западного индивидуализма и материализма. Поэтому он предлагал оживить китайскую деревню путем социального улучшения, основанного на принципах конфуцианской этики, таких как уважение к старшим, почитание традиций,

¹⁸⁵ См. Янь Янчу. Образование для народа и движение за строительство деревни. Пекин: Шанву иньшугуань, 2017. 547 с. (на кит. яз.)

стремление к гармонии и коллективизм. При этом Лян Шумин подчеркивал необходимость сохранения существующих социальных отношений, считая, что резкие социальные перемены могут разрушить традиционный уклад жизни и привести к хаосу и дестабилизации. Его целью было не создание капиталистического государства, а построение гармоничного и справедливого общества, основанного на уникальном сочетании традиционных китайских ценностей и современных достижений¹⁸⁶.

Несмотря на то, что ряд реформаторских предложений, таких как движение за сельское строительство, достигли определенного прогресса в области образования и здравоохранения в сельской местности, с началом полномасштабной войны с Японией в 1930-х годах стало очевидно, что в условиях недостаточной готовности по ключевым аспектам, таким как наличие квалифицированных кадров, финансовые ресурсы и время, необходимое для реализации долгосрочных проектов, ожидать всестороннего возрождения деревни путем преобразования «культуры» (то есть изменения традиционных ценностей и обычаев) и «субъекта» (то есть формирования нового типа крестьянина) было нереалистично. Кроме того, эти предложения часто игнорировали наиболее насущную и критическую проблему для большинства крестьян – обеспечение средств к существованию, поскольку многие крестьяне находились в состоянии крайней бедности и нуждались в немедленной помощи.

В отличие от этого, Китайская Коммунистическая Партия (КПК), возглавляя базу сопротивления японской агрессии в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся, в условиях огромного внутреннего и внешнего давления, разработала и реализовала уникальную модель социальной интеграции, которую Марк Селден (Mark Selden) назвал «яньваньским путём». Эта модель, сочетавшая экономическое развитие (посредством движения за увеличение производства), социальные реформы (включая реформу брака и земельную реформу) и народную войну (мобилизацию масс для сопротивления японской агрессии),

¹⁸⁶ См. Лян Шумин. Теория строительства деревни. Пекин: Шанву иньшугуань. 2015. 495 с. (на кит. яз.)

характеризовалась активным вовлечением крестьян и рабочих в политические процессы (через систему народных собраний и конференций), оптимизацией функционирования государственного аппарата и гибким распределением полномочий в рамках единой партийной линии (путём передачи управленческих функций местным органам), а также расширением прав общественных организаций и крестьянских союзов, действовавших под руководством партии. Она основывалась на вере в то, что при правильном руководстве и организации люди способны преодолевать классовые, опытные и идеологические ограничения и совместно строить новый, справедливый Китай¹⁸⁷. Эта концепция, сделавшая акцент на мобилизации крестьянства, справедливом распределении земли и ресурсов и создании сильной армии, считается важной основой для победы КПК во второй гражданской войне.

В 1939 году Коммунистическая партия Китая приняла ряд законов и постановлений, направленных на улучшение положения женщин и защиту их прав¹⁸⁸. Эти законы предусматривали юридическое равенство мужчин и женщин, запрет на бинтование ног, насилие, ранние браки, брак в форме купли-продажи и давали женщинам право владеть имуществом, получать образование и расторгать брак по собственному желанию. Целью этих мер было уменьшение физического и психологического страдания женщин, расширение их участия в общественной жизни и производстве, а также повышение их статуса в семье и обществе. Однако свобода расторжения брака, провозглашенная новой властью, вызывала опасения по поводу нарушения традиционной отцовской власти, укоренившихся мужских взглядов и экономических последствий для женщин¹⁸⁹. В сельских районах возникли серьезные проблемы из-за стремительного внедрения новых правил. Женщины, освобожденные от прежних обычаев и зависимого положения, часто

¹⁸⁷ СМ. Марк Селден впервые ввел термин «Яньаньский путь». Марк Селден. Китай в революции: Яньаньский путь. Пекин:Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002. С. 202 (на кит. яз.).

¹⁸⁸ Ли Илэй, Пушкарева Н.Л. Правовые аспекты семейной жизни китайок в первой половине XX в.: эрозия патриархальности, последствия модернизации // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 190-205.

¹⁸⁹ Краткое обсуждение стиля работы женщин. Цзефан жибао, 26 октября 1941 г.

сталкивались с трудностями в самостоятельном обеспечении себя средствами к существованию, поскольку традиционное общество не было готово предоставить им возможности для получения работы и независимой жизни. Свобода расторжения брака в сельских условиях многими была признана преждевременной и потенциально опасной мерой, поскольку женщины еще не достигли экономической независимости и их вклад в семейную экономику не был полностью признан.

Социально-политическим импульсом, способствовавшим обсуждению на высшем государственном уровне вопросов, связанных с женским вкладом в экономику страны, стали события начала 1940-х годов, в частности, начавшаяся в январе 1941 года военная блокада и экономическая изоляция Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся, инициированная правительством Гоминьдана в условиях китайско-японской войны. Эта блокада, известная как Инцидент в южной части провинции Аньхой, привела к серьезным финансово-экономическим трудностям в подконтрольных КПК районах. В этих условиях, когда многие мужчины были мобилизованы на фронт, женщины стали выполнять широкий спектр функций, ранее выполнявшихся мужчинами: работа в промышленности, сельском хозяйстве, медицинская помощь, логистика и даже участие в боевых действиях. Это, в свою очередь, способствовало переоценке роли женщин в обществе и осознанию необходимости более активного вовлечения женщин в экономическое и политическое строительство.

Осознав крайнюю необходимость задействования женской рабочей силы в условиях острой нехватки мужчин, мобилизованных на фронт, и экономической блокады со стороны Гоминьдана, 26 февраля 1943 года Центральный комитет Коммунистической партии Китая принял «Постановление о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах». В данном постановлении признавалась важность участия женщин в сельскохозяйственном производстве, которое рассматривалось как «важная часть борьбы и равноценная боевым действиям мужчин на передовой». Признание новых прав женщин было

обозначено как путь к «повышению их политического статуса, улучшению уровня культуры и условий их жизни». Улучшение экономического положения женщин должно было «позволить их семьям жить достойно, оказать значительное влияние не только на экономическое развитие района, но и способствовать преодолению феодальных пережитков». Эти изменения были не только в интересах женщин сельских поселений, но и являлись необходимым условием для выживания региона в условиях войны и экономической блокады, и стали новым направлением работы среди женщин в антияпонских базовых районах¹⁹⁰.

С этого момента изменился акцент в работе Коммунистической партии Китая среди женщин в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся: от прежних попыток мобилизации женского населения для непосредственного участия в военных действиях, оказавшихся малоэффективными из-за недостаточной подготовки женщин и сопротивления консервативно настроенной части общества, к активной работе, ориентированной на ценность семейного благополучия и вовлечение женщин в общественное производство. Один из видных китайских генералов середины XX века, Пэн Дэхуай, отметил в своем выступлении перед активистками женских комитетов: «Право на развод – это всего лишь возможность для определенной категории молодых женщин, в то время как совместный труд ради экономического благополучия семьи является общей мечтой подавляющего большинства женщин»¹⁹¹. Это заявление отражало стремление КПК сбалансировать интересы женщин и общества, подчеркивая, что участие женщин в производстве должно способствовать укреплению семьи, а не подрывать ее.

В идеологической матрице Коммунистической партии Китая (КПК) периода ее становления, как и в теоретических построениях раннего женского движения в

¹⁹⁰ Исследовательский отдел истории женского движения Всекитайской федерации женщин (ред.) Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах. Исторические материалы о китайском женском движении (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ. 1991. С. 648 (на кит. яз.).

¹⁹¹ Пэн Дэхуай. Выступление на закрытии совместного заседания партийных комитетов и женкомов четырех районов Шаньси, Хэбэя, Шаньдуна и Хэнани. Под ред. Исследовательского отдела истории женского движения Всекитайской федерации женщин. Исторические материалы движения китайских женщин (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 1991. С. 680 (на кит. яз.).

Китае, отчетливо прослеживалась идея о неразрывной взаимосвязи между освобождением женщин и их экономической независимостью¹⁹². Этот подход, восходящий к марксистскому пониманию истории и общества, рассматривал экономическую зависимость женщин от мужчин как корень их угнетения и неравноправия. Соответственно, достижение экономической самостоятельности – через вовлечение в оплачиваемый труд, получение образования и доступ к ресурсам – представлялось ключевым условием для эмансипации женщин и их полноценного участия в общественной жизни. Однако, значение «Постановления о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах» 1943 года заключается в том, что оно, не отказываясь формально от принципа женского освобождения, фактически переосмыслило его в контексте насущных экономических потребностей региона, охваченного войной и экономическим кризисом. Тем самым идеи о всестороннем женском освобождении, характерные для интеллектуального дискурса Китая 1920–30-х годов и подразумевавшие не только борьбу за политические и гражданские права, но и стремление к культурному равенству и разрушению гендерных стереотипов, постепенно уступили место прагматичному подходу, в котором главенствующую роль начали играть вопросы экономической пользы женщин для общества в условиях кризиса.

§ 3. Консенсус и разногласия: экономическое вовлечение женщин в Китае в 1940-х годах

На протяжении многих поколений население региона Шэньси-Ганьсу-Нинся проживало в гористой местности, отделяющей Лёссовое плато от других регионов страны, что ограничивало их взаимодействие с внешним миром и способствовало сохранению традиционного образа жизни. Хотя эти местности не подвергались прямым нападениям японских войск в период войны, они испытывали косвенное влияние войны, в частности, в связи с экономическими

¹⁹² Фань Хунся. Ранние исследования КПК по китаизации марксистской теории о женщинах — на основе интерпретации классических произведений и документальных текстов // Чжунхуаньюйцзы сюэюань сюэбао. 2022. № 3. С. 32-37 (на кит. яз.).

трудностями и притоком беженцев. Несмотря на это, крестьяне, в силу географической изоляции и отсутствия масштабных военных действий, в большей степени сохраняли семейные связи, основываясь на традициях и обычном праве. Однако, ограниченность контактов с внешним миром и приверженность традиционному укладу жизни в этих регионах создавали дополнительные трудности для проведения политики экономической мобилизации женщин через их вовлечение в прядильно-ткацкое производство.

Данные, полученные в ходе социологического исследования, проведённого на юге Яньаня, показали, что лишь немногие женщины из более чем двух тысяч опрошенных выразили заинтересованность в работе на прядильно-ткацких производствах. Как отмечалось в итоговом докладе, несмотря на официальные усилия властей по созданию женских трудовых коллективов, инициативы эти наталкивались на пассивное сопротивление: большинство женщин избегали участия, а некоторые даже скрывали свои навыки, чтобы не быть вовлечёнными в работу¹⁹³. Анализ ответов женщин показал, что основные их опасения вызывали внеэкономические методы принуждения к труду (например, административное давление, угроза лишения льгот) и неопределённость сроков мобилизации. Как свидетельствуют источники информации того времени, женщин беспокоили такие вопросы, как: *«независимо от нашей занятости, нам придется прясть в будущем»*, *«это станет обязательным заданием»*¹⁹⁴. Это свидетельствовало о том, что женщины воспринимали участие в «прядильно-ткацких группах» как обременительную и принудительную повинность, которой они старались избежать.

В древней китайской литературе, хотя воля низших слоев общества редко выражалась напрямую, через обсуждения правящего класса и интеллигенции можно увидеть укоренившуюся концепцию: стремление к удовлетворению базовых потребностей рассматривалось как фундаментальная потребность человека. Эта идея была полностью осознана и объяснена уже в период до Цинь. В «Ичжоушу·Вэньцзинцзе» (逸周书·文徽解) (древнем трактате) упоминается

¹⁹³ Страница истории развития женского текстиля. Цзефан жибао, 28 февраля 1943 г.

¹⁹⁴ Там же.

наставление Вэнь-вана своему наследнику: *«Будь почтительным! Народ подвержен множеству изменений, но чего бы ни желали люди, они стремятся к выгоде»*. В книге «Шанцзюньшу·Цзюньчэнь» (商君书·君臣) (древнем трактате) стремление народа к выгоде образно сравнивается с течением воды, которая естественно и неизбежно направляется во все стороны.

Концепция «выгоды» становится важным принципом в политической философии для управления народом. В «Ичжоушу·Дацзюйцзе» (逸周书·大聚解) отмечается: *«Вода течет вниз, а крестьянин стремится к выгоде. Если правитель желает управлять миром, он должен сначала создать выгоду, и народ соберется сам»*. Подобно созданию благоприятных условий, правитель может привлечь народ без принуждения. Это называется возвращением добродетели. «Ицзин·Сицы» (易经·系辞) (классический текст “Книги Перемен”) также подчеркивает важность богатства в объединении народа: *«Как объединить людей? С помощью богатства»*.

Хотя конфуцианство акцентирует внимание на управлении через добродетель и гуманное правление, его одним из основных принципов также является совместное с народом стремление к выгоде. Нестяжательство, умеренность, приоритет морального долга над личной выгодой - эти этические нормы сдерживали стремление к выгоде, но внимание к ней проникло в социальные структуры, став неотъемлемой частью общественной жизни. Это стремление и использование выгоды проявляется не только в экономической деятельности, но также оказывает глубокое влияние на управление обществом и развитие культуры.

Опираясь на укоренившееся в китайской культуре представление о стремлении к выгоде и апеллируя к традиционным ценностям общественного блага, таким как концепции «идеального общества единения» (大同, датун), «уравнивания богатых и бедных» (均贫富, цзюнь пинь фу) и «народа как основы» (民本, минь бэнь), власти и КПК пытались легитимизировать обязательное участие

женщин в мобилизационных мероприятиях. Предполагалось, что участие в общем деле, направленном на благо всего общества, компенсирует временные трудности. Однако яньаньская практика показала, что идеологических аргументов оказалось недостаточно для формирования устойчивой мотивации у женщин.

Для достижения ощутимых результатов руководство было вынуждено разрабатывать политику, сочетающую культурные установки с конкретными материальными стимулами. Особое внимание уделялось обеспечению равной оплаты труда, предоставлению льгот и социальной поддержке крестьянских семей, а также созданию благоприятных условий для профессионального роста и повышения квалификации. Сочетание моральных и материальных стимулов позволило не только повысить вовлечённость женщин, занятых преимущественно в крестьянском хозяйстве, в производственную деятельность, в частности, в прядильно-ткацкое производство, но и обеспечить ощутимые социально-экономические выгоды, что сыграло решающую роль в успешной мобилизации женского населения в период военных действий.

Респондентки рассказывали: *«Мама стремилась соткать как можно больше, чтобы заработать деньги, необходимые для покупки хлопка для одежды. Она решила присоединиться к прядильно-ткацкому кооперативу, организованному властями, так как за вложенный труд участницам предоставлялось несколько цзиней [цзинь = 500 гр. – Авт.] хлопка»*¹⁹⁵. Присоединение к кооперативу могло значительно улучшить благосостояние семьи, поскольку *«из 1 цзиня хлопка можно было получить до 16 лянов [1 лян = 1/16 цзиня – Авт.] нити, из которых половина оставалась в кооперативе, а другую половину можно было обменять на готовую ткань или зерно»*¹⁹⁶. *«Каждые 4 дня можно было напрясть один цзинь нити, получить зарплату от 10 до 20 юаней и заработать таким образом 10 цзиней*

¹⁹⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

¹⁹⁶ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MXQ, 1935 г. р.)

зерна»¹⁹⁷. Участие в прядильно-ткацких группах привлекало женщин не только материальными стимулами, но и более комфортными условиями труда, позволявшими избежать тяжелого физического труда в поле. Как отмечала одна из участниц: «Можно было прясть нить прямо на печке (кане), не ходя в поле»¹⁹⁸.

В отличие от принудительных методов, применявшихся в период организации «народных коммун» в КНР, когда крестьянское население, включая женщин, практически лишалось права самостоятельно распоряжаться своим временем и результатами труда в условиях строгой коллективизации, администрация Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся реализовывала более гибкую и адаптивную политику. Вместо того, чтобы насильственно загонять женщин в коллективные текстильные мастерские с жестким графиком работы и централизованным управлением, местные власти поощряли домашнее производство, предоставляя женщинам возможность заниматься прядением и ткачеством у себя дома, в привычной обстановке и в удобное для них время. Это позволяло женщинам сохранять контроль над своим распорядком дня, самостоятельно определять объем работы и совмещать прядильно-ткацкое производство с выполнением домашних обязанностей, уходом за детьми и другими важными делами, что обеспечивало им большую свободу выбора и позволяло избежать чрезмерной эксплуатации.

Примеры семей, которые, благодаря участию женщин в прядильно-ткацких группах, смогли улучшить свое финансовое положение, стали для соседей мощным стимулом к подражанию. В результате с 1943 по 1946 год количество женщин, занятых в данной сфере, выросло с 137 до более чем 160 тысяч, а число занятых ткачеством достигло 70 тысяч. Примечательно, что ежегодное производство тканей в женских кооперативах к этому периоду обеспечивало примерно треть спроса как среди военных, так и гражданского населения региона¹⁹⁹.

¹⁹⁷ Как Ян, глава 1-ого сяна 1-ого цюя уезда Чуньяо, мобилизовал женщин на текстиль? Цзефан жибао, 5 ноября 1943 г.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Женские федерации провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся (ред). Отчет об основных событиях женского движения в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутреннее материалы, 1987.

Фото № 15 Цзи Гуйсэнь «Прядильно-ткацкая группа»²⁰⁰

Фото № 16 Гу Юань «Кооператив»²⁰¹

С. 148 (на кит. яз.).

²⁰⁰ Музей изобразительных искусств Китая (ред.). Коллекция ксилографий за восьмилетний период сопротивления японским захватчикам. Наньнин: Гуанси мэйшу чубаньшэ, 2005. С. 95 (на кит. яз.).

²⁰¹ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 55 (на кит. яз.).

Политика КПК изначально была направлена на прорыв японской экономической блокады и преодоление трудностей военного времени, приведших к нищете и бедности. Однако реализация программы создания женских прядильно-ткацких групп продемонстрировала мобилизационный потенциал, основанный на апелляции к традиционным ценностям долга перед семьей и общиной, а также о важности взаимопомощи. Эти ценности, нашедшие отражение в концепциях «идеального общества единения» (大同, датун), «уравнивания богатых и бедных» (均贫富, цзюнь пинь фу) и «народа как основы» (民本, минь бэнь), были подкреплены стремлением женщин к улучшению своего экономического положения. Фактически, это стало переосмыслением значимости домашнего прядильно-ткацкого труда, который ранее часто считался второстепенным по сравнению с полевыми работами. Женщины, стремясь улучшить благосостояние семьи в условиях ограниченных экономических возможностей, продолжали выполнять домашние обязанности, работать в поле и трудиться в прядильно-ткацкой группе для заработка, что предоставляло им определенную автономию в управлении своим временем и ресурсами.

Участие женщин в производственной деятельности кооператива не всегда отвечало критериям индивидуальной экономической рациональности²⁰², поскольку альтернативные способы использования рабочего времени зачастую могли обеспечивать больший материальный доход. Однако подобное вовлечение не ограничивалось исключительно экономическими стимулами: значительную роль играли ценности коллективизма, стремление к взаимопомощи, а также потребность в признании личной значимости и общественной полезности. Для значительной части сельских женщин участие в кооперативах открывало новые возможности для самореализации, способствовало формированию чувства сопричастности к общественно значимым задачам и предоставляло шанс выйти за рамки традиционных гендерных ролей, свойственных патриархальному сельскому

²⁰² См. Popkin, S. L. *The rational peasant: The political economy of rural society in Vietnam*. Berkeley: University of California Press, 1979. 306 p.

обществу:

«Когда я была маленькой, наша семья жила в бедности - мы носили поношенную одежду, которая была зашита и переделана от старших, и носили её долгие годы. Частые засухи и неурожай... Часто мы питались только дикими травами, жизнь была очень тяжёлой. Но потом моя мама за год напярла столько, что наша жизнь улучшилась. У братьев и сестёр появились новые вещи, мы стали питаться лучше, буквально выпрямили спины. Люди в деревне стали говорить, что в семье Хэ жена трудолюбивая, сильнее многих мужчин! Мама гордилась тем, что о ней так говорили. "Дерево живет корой, а человек - лицом". Что же такое это лицо? Это достоинство!»²⁰³

Фото № 17 Гу Юань «Старые и новые времена»²⁰⁴

В традиционной культуре Китая понятие «мяньцзы» («лицо») занимает центральное место в системе межличностных отношений и социальных норм. Оно охватывает как восприятие человека в глазах других, так и его собственное чувство достоинства, умение держать себя и уровень общественного признания. Утрата «лица» воспринимается как значительное снижение социального статуса и уважения, что зачастую приводит к ослаблению поддержки со стороны коллектива и ограничению жизненных перспектив. Напротив, сохранение или обретение

²⁰³ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НУЗ, 1937 г. р.)

²⁰⁴ Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. С. 36 (на кит. яз.).

«лица» связано с ростом репутации, укреплением общественного авторитета и признанием личной ценности. В данном контексте преобразования, происходившие в ходе революционных изменений в отношении женщин, могут рассматриваться как особая форма «политики достоинства» — этап, на котором формировались новые представления о женском самоуважении, социальной значимости и субъективном статусе. Осознание собственной ценности и востребованности как полноправных участниц общественной жизни способствовало тому, что женщины стали активнее защищать свои интересы и требовать равноправного отношения, что, в свою очередь, стало важным стимулом к развитию женского правосознания и трансформации гендерных ролей в современном китайском обществе.

Кроме того, важным фактором, побуждавшим женщин к участию в прядильно-ткацких группах, была благодарность Коммунистической партии за проведенную земельную реформу, в результате которой крестьянские семьи, веками работавшие на чужой земле, впервые получили возможность стать ее собственниками: *«Нужно же быть благодарным, Коммунистическая партия дала тебе землю, улучшила твою жизнь. Поэтому мы обязаны вместе преодолевать трудности»*.²⁰⁵ Эта реформа кардинально изменила социальный ландшафт, укрепив доверие крестьян к партии и породив чувство взаимной ответственности. Теперь, когда крестьяне ощущали себя хозяевами на своей земле и связывали свое благополучие с политикой КПК, они проявляли особую готовность участвовать в общественных работах и поддерживать партийные инициативы, видя в этом не только вклад в общее дело, но и способ отплатить за оказанную им поддержку.

В процессе агитационно-просветительской работы, ориентированной главным образом на сельских женщин рассматриваемого региона, Коммунистическая партия Китая целенаправленно формировала новые эмоциональные и нормативные установки, акцентируя внимание на ценностях

²⁰⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси–Ганьсу–Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НУЗ, 1937 г.р.).

гендерного равенства и экономической самостоятельности. Постепенное внедрение этих принципов в сознание сельских жительниц способствовало переосмыслению ими своей социальной роли: женщины, традиционно ограниченные домашним хозяйством, стали активнее вовлекаться в общественную и профессиональную деятельность, расширяя возможности для самореализации за пределами семейно-бытовой сферы. Говоря о своих матерях, современные информантки отмечали:

«Мужчины и женщины равны! Ничего плохого нет в том, что женщина сама зарабатывает, не рассчитывая на то, что её будет содержать муж, тогда её не смогут дискриминировать другие люди»²⁰⁶. «В прошлом женщины даже стеснялись разговаривать с мужчинами, когда работали в поле, и прятались при приближении мужчин. В прядильно-ткацких группах и кооперативах они начали свободно общаться с представителями противоположного пола»²⁰⁷. Они даже могли изменить социальные слои, представив себя героями страны. «Женщины тогда поняли: трудись - и заслужишь уважение властей. В старом обществе, сколько бы ты ни трудилась, никто бы тебя героиней не назвал!»²⁰⁸

Формирование у женщин чувства собственного достоинства, укрепление их социального статуса и благодарность за предоставленную землю стали важными эмоциональными ресурсами, оказавшими существенное влияние на успешную реализацию социальных реформ, проводимых Коммунистической партией Китая. Этот эмоциональный капитал послужил своего рода катализатором, позволившим преобразовать радикальные идеологические установки и образы, в частности, перспективы коммунистического будущего, в последовательные и результативные практические действия. Как отмечается в ряде западных исследований, массовое

²⁰⁶ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

²⁰⁷ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MXQ, 1935 г. р.)

²⁰⁸ ПМА. Экспедиция в д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LXQ, 1936 г. р.)

принятие новых ценностей и высокая степень эмоциональной заинтересованности женщин обеспечили широкую общественную поддержку политики КПК и способствовали эффективности классовой мобилизации²⁰⁹. Именно обретение уверенности в себе, осознание собственной значимости и готовность активно отстаивать свои права и интересы стали ключевыми факторами, способствовавшими включению женщин в процессы трансформации и их существенному вкладу в реализацию революционных преобразований.

Заключение к третьей главе

В период военных действий Коммунистическая партия Китая провела значительную переоценку роли женщин в экономической и социальной жизни, признавая их труд в домашнем производстве, особенно в прядении и ткачестве, важным фактором обеспечения потребностей военной экономики и жизнедеятельности местных сообществ. Данное признание способствовало укреплению экономической самостоятельности женщин, повышению их авторитета в семье и увеличению их вклада в семейный бюджет. Одновременно с этим КПК активно продвигала в обществе принципы женской эмансипации, гендерного равенства и независимости, используя широкий арсенал средств – от пропагандистских и образовательных кампаний до законодательных реформ. В результате крестьянки, ранее находившиеся в социально-правовом угнетении, получили возможность не только участвовать в общественной жизни, но и реализовывать свои права, повышать самооценку, а также самостоятельно принимать решения, что свидетельствует о существенной трансформации их социального положения и степени независимости в новом обществе.

Западные обществоведы, анализируя неудачи многих попыток построить идеальное общество, часто отмечают такие факторы, как нереалистичные планы,

²⁰⁹ Элизабет Дж. Перри. Повторное посещение китайской революции: эмоциональная модель // Китайская академия. Пекин: Шань иньшугуань. 2001. № 4. С. 97-121 (на кит. яз.).

авторитаризм, элитарный подход и пассивность граждан²¹⁰. Эти трудности рассматриваются не как неизбежные, а как проявление глубоких структурных проблем в социальной организации, требующих учета исторического контекста и социокультурных традиций. В отличие от многих утопических проектов, которые потерпели крах из-за этих недостатков, Коммунистическая партия Китая в 1930-1940-х годах, в условиях японской интервенции и отчуждения части интеллигенции от крестьянства, продемонстрировала гибкость и прагматизм, что позволило ей заручиться широкой поддержкой населения и избежать многих ошибок, свойственных другим социальным экспериментам.

Одним из примеров такой гибкости стал подход к вовлечению женщин в экономическую деятельность. Вместо насильственной мобилизации, характерной для периода «народных коммун», КПК поощряла домашнее прядильно-ткацкое производство. Это позволяло женщинам зарабатывать, не покидая дом, сохранять контроль над своим временем и совмещать труд с семейными обязанностями. Такой подход учитывал культурные и социальные ограничения, такие как практика бинтования ног, которая, несмотря на усилия КПК по ее искоренению, оставалась распространенной и ограничивала мобильность женщин. Предложение домашнего производства оказалось более реалистичным решением, способствовавшим экономической самореализации женщин и повышению уровня благосостояния их семей.

Кроме того, программа по созданию женских прядильно-ткацких кооперативов продемонстрировала высокий мобилизационный потенциал, основанный на переосмыслении традиционных ценностей коллективной ответственности и взаимопомощи. Эти ценности, активно продвигаемые КПК в своей интерпретации, находили свое отражение в конфуцианских концепциях, таких как «идеальное общество единения» (大同, датун), «уравнивание богатых и бедных» (均贫富, цзюнь пинь фу) и «народ как основа» (民本, минь бэнь). Это

²¹⁰ Scott J. C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 1-6.

способствовало социальной легитимации нового экономического курса, несмотря на критику со стороны некоторых социалистических активистов, видевших в нем отказ от радикального реформирования семейных отношений и ускоренной эмансипации женщин.

В западной научной литературе анализ китайских революционных преобразований нередко сопровождается концепцией «социалистического патриархата»²¹¹. Данный термин отражает тенденцию интерпретировать китайский исторический опыт через призму западных моделей эмансипации, представляемых в качестве универсального стандарта. Однако следует учитывать, что подобная перспектива ограничивает понимание сложной динамики, свойственной китайскому обществу в период войны и острой нехватки ресурсов. Эмоциональная поддержка женщинами инициатив КПК зачастую либо недооценивается, либо сводится исключительно к результату идеологической обработки. Между тем, именно интеграция конфуцианских ценностей с необходимостью обеспечения экономической независимости женщин сформировала уникальный идеологический синтез, позволивший осуществить массовую мобилизацию и обеспечить выживание общества в условиях оккупации, разрухи и национально-освободительной борьбы.

Проведенные интервью выявили поразительное единодушие среди респондентов: все они отмечали существенное улучшение условий жизни и повышение статуса женщин благодаря политике Коммунистической партии Китая, а также активно делились воспоминаниями о тяготах жизни до революции. Анализируя причины подобной согласованности, необходимо учитывать различные интерпретации крестьянских жалоб на пережитые страдания (诉苦, суку). Как отмечают исследователи, суку может рассматриваться как инструмент политической дисциплины, используемый государством для формирования классового сознания и интеграции опыта социальных лишений в идеологическую

²¹¹ Stacy J. Patriarchy and Socialist Revolution in China. University of California Press 1983. P. 250-253.

систему координат. Другие ученые видят в суку способ мобилизации лояльности к власти и переориентации национального самосознания. Наконец, существует точка зрения, согласно которой формализация государством представлений об освобождении женщин от страданий лишает их возможности выразить собственный, независимый взгляд на пережитый опыт. Однако подобные интерпретации, фокусируясь на анализе «жалоб» (су), могут упускать из виду фундаментальный аспект «страдания» (ку) как объективной реальности, в особенности применительно к положению сельских женщин, испытывающих двойной гнет социальной и гендерной маргинализации.

С образованием Китайской Народной Республики в 1949 году сельское кустарное производство значительно утратило свою ценность. Политика централизованных закупок и сбыта продукции, направленная на развитие крупной промышленности, привела к структурному ослаблению домашнего прядильно-ткацкого производства, которое, как мы видели ранее, было важным источником дохода и независимости для крестьянок. Это стало ударом для китайского крестьянства, особенно для женщин²¹², ограничив их экономическую независимость и влияние в семье. Однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашего хронологического исследования.

²¹² Ли Цзиньжэн. Затруднения между разрушением и возрождением: споры о будущем китайской сельской кустарной промышленности в 1930-1940-е годы // Цзянхай сюэкань. 2015. № 1. С. 169-177 (на кит. яз.).

Глава 4. Религиозный мир сельских жительниц в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1900-1950-е гг.)

В начале XX века китайское общество вступило в этап формирования современного национального государства, и в этом процессе система общественных верований претерпела значительные изменения и трансформации. Движение против суеверий стало не только культурной реформой, но и важной частью большого нарратива построения современного государства, глубоко интегрировав реконструкцию народных верований. Как один из важных признаков модерности, это движение широко проникло во все слои общества. Оно не только отражало стремление общества того времени к рациональности, науке и прогрессу, но и выявило идеологические вызовы и культурные конфликты, связанные с противостоянием научного мировоззрения религиозным представлениям и столкновением традиционных ценностей с новыми моральными нормами.

В последние годы в китайской академической среде наблюдается повышенный интерес к гендерной истории, в частности, к изучению положения женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период с 1937 по 1949 год²¹³. Однако, несмотря на расширение исследовательского поля в данной области, взаимодействие женщин с религиозными практиками остаётся недостаточно изученным. В большинстве исследований, посвящённых антирелигиозной политике и борьбе с суевериями, эти процессы рассматриваются преимущественно с социально-идеологической точки зрения²¹⁴, в то время как специфический религиозный опыт женщин и их роль в сохранении и трансляции сакральных

²¹³ Cong X. P. Marriage, law, and gender in revolutionary China, 1940–1960. Cambridge: Cambridge University Press. 2016.; Ван Ин. Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипации женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) // Кайфан шидай, 2018. № 4. С. 31-35 (на кит. яз.).

²¹⁴ СМ. Ву Чэнван. Движение против колдунов и преобразование сельского общества в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Кэсюэ юй вушэньлунь, 2022. № 4. С. 51-60 (на кит. яз.).

традиций остаются на периферии научного внимания. Между тем, именно женщины часто являлись ключевыми носителями локальных культов и повседневных ритуалов, что обуславливает особую значимость их участия в религиозной жизни.

Важно подчеркнуть, что марксистские идеалы, продвигавшиеся КПК в сельской местности в 1930–1940-е годы, способствовали критическому переосмыслению религиозных предрассудков и стимулировали переход к научному миропониманию. Однако процессы изменения массового сознания и повседневных практик отличались значительной инерцией и сложностью. Сопротивление преобразованиям, обусловленное глубоко укоренившимися традициями, местными культами и родовыми обычаями, было особенно сильным на низовом уровне, где религиозные практики женщин зачастую сохранялись в семейном кругу и домашнем быту.

В данной главе рассматривается политика Коммунистической партии Китая в отношении религиозных практик и положения женщин в революционном Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. На основе комплексного подхода, включающего интервью с местными жительницами, проведённые летом 2023 года, а также анализ архивных документов и местной прессы, автор исследует изменения в религиозных представлениях и поведении женщин, а также их адаптацию к антирелигиозной политике партии. Данное исследование позволит углубить понимание гендерных аспектов религиозной жизни в сельских районах Китая в указанный исторический период и выявить роль женщин в социокультурных трансформациях.

§ 1. Почитание божеств и повседневная жизнь: вероисповедная деятельность сельских жительниц до революции

В 1930-е годы в сельских поселениях региона Шэньси-Ганьсу-Нинся, являющегося предметом настоящего исследования, существовала развитая сеть культовых сооружений, где регулярно проводились ритуальные практики,

посвящённые почитанию многочисленных божеств и духов. Это свидетельствует не только о глубокой интеграции традиционных религиозных верований в повседневную жизнь, но и о разнообразии местных суеверий, определявших поведение и мировоззрение крестьянского населения. Регулярное обращение к сверхъестественным силам – будь то гадание при выборе даты свадьбы, использование лечебных трав и молитв во время болезни, выполнение сложных похоронных ритуалов с жертвоприношениями предкам или проведение аграрных празднеств в честь божеств плодородия – представляло собой устоявшуюся модель взаимодействия с окружающим миром, направленную на обеспечение материального благополучия, сохранение здоровья и поддержание стабильности семьи. Данные религиозно-магические практики, укоренённые в коллективном опыте и повседневных традициях, выполняли функцию своеобразного адаптационного механизма к социальным и природным вызовам. С их помощью сельские жители стремились не только получить защиту и поддержку высших сил, но и укрепить уверенность в будущем, что являлось особенно важным в условиях неопределённости и рисков, свойственных традиционному аграрному обществу:

«Люди часто сжигали благовония и поклонялись богам, выполняли обряды в честь предков и участвовали в различных храмовых торжествах. В ключевые моменты жизни, такие как свадьбы и похороны, обычно проводились ритуалы для изгнания злых духов и привлечения благополучия через религиозных посредников; при строительстве домов или выборе мест для захоронений обязательно приглашали мастера фэншуй для определения благоприятных условий; медицинские и другие жизненные вопросы в большинстве случаев решались колдунами и ведьмами»²¹⁵.

Китайские народные верования отличаются от классических западных религий прежде всего отсутствием строгой иерархии и чётко сформулированных догматов. Эти верования носят децентрализованный характер и представляют

²¹⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

собой сложный комплекс древних обрядов, традиций и моральных установлений, тесно переплетённых с традиционной китайской культурой²¹⁶. В отличие от западных религий, акцентирующих внимание на личном спасении и индивидуальном искуплении грехов, китайские религиозные практики ориентированы на достижение более практических целей, таких как здоровье, удача, благосостояние, а также защита семьи и общины от бедствий и несчастий.

Отличительной чертой данных верований является их ярко выраженный эклектизм: объекты поклонения варьируются от сил природы и духов предков до буддийских, даосских и исторических персонажей. В одном храме могут одновременно сочетаться конфуцианские, буддийские и даосские элементы, что отражает типичную для китайской религиозности гибкость и отсутствие жёсткой конфессиональной привязанности. Повседневная религиозная практика основывается не столько на следовании определённой доктрине, сколько на прагматичном подходе: люди возжигают благовония и обращаются за помощью к различным божествам и духам, надеясь получить желаемое – исцеление, удачу или гармонию в семейных отношениях.

Для крестьян региона практики возжигания благовоний и совершения ритуальных поклонений божествам являлись неотъемлемой частью повседневного быта, выполняя не только сакральную, но и важную социокультурную роль. Посредством подобных действий осуществлялось не только обращение к сверхъестественным силам с целью преодоления жизненных трудностей, но и закрепление базовых мировоззренческих категорий, таких как *«добро и зло»*, *«жизнь и смерть»*, *«радость и горе»*. Данные ценностные установки формировались под воздействием сложного комплекса социальных и культурных факторов и находили своё отражение в обширном своде народных пословиц, например: *«не совершай зла — и не страшны призраки в полночь»*, *«доброму —*

²¹⁶ В китайском научном сообществе до сих пор ведутся споры о том, можно ли считать народные верования религией. См. Чэнь Бинь, Чэнь Дэцян. Пересмотр определения народной веры // Цзинганшань дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2010, № 4. С. 55-62 (на кит. яз.).

добро возвращается, злему — зло», «расплата за проступки неизбежна, просто время еще не пришло».

Подобные изречения выполняли не только отражательную, но и нормативную функцию, способствуя формированию и передаче этических норм в сельском обществе. Механизм их воспроизводства базировался преимущественно на устной традиции: моральные смыслы закреплялись через семейное воспитание, участие в обрядах, праздничные ритуалы и рассказы старших поколений. Это обеспечивало межпоколенческую преемственность и устойчивость системы ценностей, способствовало сохранению коллективной идентичности и поддержанию морального порядка в сообществе.

Самобытность народных верований в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся обусловлена синкретическим характером местной культуры, где тесно переплелись элементы буддизма, даосизма, ислама, шаманизма, культа предков, почитания местных божеств и сезонных праздников. В результате сформировался религиозный ландшафт, отличающийся терпимостью и разнообразием. Именно здесь, в одной из колыбелей китайской цивилизации, регион Шэньси-Ганьсу-Нинся на протяжении долгого времени был свидетелем глубокой интеграции и культурного обмена между различными этносами, включая ханьцев и хуэйцев. Исторически в регионе сосуществовали как конфликты, так и периоды мирного сотрудничества между разными этносами, что привело к формированию многообразной и самобытной культуры, в которой религиозные и этнические традиции тесно переплетены. Начиная с эпохи Мин и Цин, влияние буддизма и даосизма на народную культуру в этом регионе постепенно усиливалось²¹⁷.

В этом историческом процессе конфуцианская моральная философия, буддийское учение о сострадании и даосские законы природы взаимодействовали друг с другом, формируя уникальный культурный ландшафт слияния трёх учений — конфуцианства, буддизма и даосизма. Такое культурное смешение не только обогатило пантеон народных верований и увеличило их многообразие, но и

²¹⁷ Коу Лэй. Развитие и эволюция идеи «слияние трёх учений» в эпоху Мин: взгляд через призму общения конфуцианцев, даосов и буддистов // Лаоцзы сюэкань. 2019. № 2. С. 157-165.

способствовало глубокой интеграции и взаимодействию народных верований с буддизмом и даосизмом. Это религиозное и культурное слияние создало плодородную почву для процветания народных верований, сделав их неотъемлемой частью культурной традиции региона Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Дефицит медицинских ресурсов являлся важным фактором, способствовавшим широкому распространению народных верований в регионе. *«В сельских районах население часто не осознавало необходимость ранней диагностики и своевременного лечения заболеваний, и только при ухудшении состояния искало медицинскую помощь. Качественное медицинское обслуживание традиционной китайской медицины, как правило, было дорогостоящим и доступным только экономически благополучным слоям общества, включая политиков и бизнесменов»*²¹⁸. Ограниченность медицинских ресурсов и затруднённый доступ к квалифицированной медицинской помощи обуславливали обращение крестьян к народным верованиям и религиозным практикам в надежде на выздоровление. Крестьяне верили, что болезни могут быть спровоцированы духами, проклятиями или дисбалансом энергетических потоков в организме, и поэтому обращались за помощью к шаманам, предсказателям и другим служителям культа.

Для сельских женщин, находившихся в двойной зависимости – гендерной (обусловленной патриархальными нормами и неравенством) и социальной (вызванной бедностью, отсутствием образования и ограниченным доступом к ресурсам), обращение к сверхъестественным силам становилось важным средством улучшения своего положения. Это позволяло укрепить социальный статус, обеспечить экономическую стабильность семьи и защиту от болезней и несчастий, а также улучшить условия жизни. При господстве традиционных представлений о браке, семье и вере в духов, молодые женщины стремились повлиять на свою судьбу, особенно учитывая ограниченные возможности для

²¹⁸ ПМА. Экспедиция в д. Лиюаньпу, пос. Наньян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: HGJ, 1947 г. р.)

самореализации в традиционном обществе, где их роль ограничивалась рождением и воспитанием детей. В частности, они искали действенные методы влияния на процесс деторождения, превращая его в значимое социальное и магическое событие, поскольку возможность контролировать количество и пол детей имела важное значение для социального статуса женщины и экономической устойчивости её семьи, особенно в условиях доминирования мужского труда в сельском хозяйстве.

В народной культуре широкий спектр ритуалов и магических практик сопровождал процесс деторождения на всех этапах: от зачатия и сохранения беременности до влияния на пол будущего ребёнка, облегчения родов и ухода за новорождённым. Эти обряды играли важную роль в жизни женщин, обеспечивая им психологическое утешение и внутреннюю опору в периоды неопределенности и тревоги. Участие в этих практиках укрепляло веру будущих матерей в благополучный исход родов, дарило надежду на успешное и безопасное материнство, способствовало снижению эмоционального напряжения и формированию уверенности в собственных силах. Например, считалось, что «Храм Нянян (娘娘庙) обладает особой силой. Чтобы родить мальчика, необходимо посетить этот храм и зажечь благовония»²¹⁹.

²¹⁹ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

Фото № 18 Ли Илэй «Храм Нянян Дарующей Детей на горе Ваньцзышань в уезде Хуаньсянь»

Фото № 19 Ли Илэй «Храм Нянян Зрения в уезде Хуаньсянь»

Более того, в традиционном аграрном обществе пожилые женщины занимали особое место, выступая в качестве духовных наставниц и хранительниц семейных обрядов. Их повседневная практика включала широкий спектр религиозных и магических ритуалов: от участия в почитании предков, проведения

гаданий и благословения молодых членов семьи до совершения молитв и принесения жертв богам с просьбами о здоровье, удаче, защите от болезней и благосостоянии всего рода. Благодаря своему участию старшие женщины не только укрепляли свой авторитет и повышали самооценку, но и играли ключевую роль в поддержании сакрального равновесия и морального порядка внутри семьи.

Несмотря на ограничения, препятствовавшие участию женщин в публичных религиозных церемониях, выполнение домашних обрядов и ритуалов традиционно являлось их прерогативой. Мужчины редко вмешивались в эту сферу, поскольку она воспринималась как продолжение традиционной женской заботы о семье. Женские молитвы и обряды, будь то просьбы о потомстве, здоровье, благополучии или защите от стихий, были направлены на достижение конкретных, жизненно важных целей. В итоге вокруг этих практик сформировалась устойчивая система религиозных обычаев, выполнявшая не только прагматическую функцию, но и способствовавшая формированию женской идентичности, развитию горизонтальных связей и укреплению солидарности между женщинами в сельских общинах.

В условиях ограниченных возможностей для социальной самореализации и недостатка личного пространства, посещение храмов приобретало для женщин особую значимость. Храмовые празднества становились одним из немногих доступных способов расширения социальных контактов, получения эмоциональной поддержки и обмена важной информацией. Здесь женщины могли не только возносить молитвы и участвовать в гаданиях, но и делиться жизненным опытом, обсуждать насущные проблемы и находить взаимопонимание среди других верующих. Значительное число женщин в религиозных пространствах объясняется не только давлением со стороны общества и их подчинённым социальным положением, но и особенностями гендерного разделения в общественной жизни. В то время как традиционно мужские места, такие как родовые храмы и чайные²²⁰, оставались для женщин недоступными, культовые

²²⁰ Wang D. The teahouse: small business, everyday culture, and public politics in Chengdu, 1900-1950.

комплексы были открыты для представителей обоих полов. Примечательно, что в храмах женщины чувствовали себя более свободно: их присутствие и участие в ритуалах не вызывали осуждения, даже в присутствии мужчин²²¹. Таким образом, храм становился для многих женщин не только местом совершения религиозных обрядов, но и пространством для социальной реализации, где они могли обрести независимость, солидарность и душевное равновесие, выходя за рамки своей семейной роли.

В социальной структуре сельских общин храмовые ярмарки служили важными центрами религиозной и культурной жизни, предоставляя возможности для отдыха, развлечений и социальной интеграции. Эти мероприятия, непременно сопровождавшиеся ритуальными обрядами в честь таких божеств, как Тудигун (дух-покровитель земли) и богиня-покровительница Няннян, укрепляли коллективную идентичность и служили площадкой для выражения общих ценностей. Ярмарочная культура была особенно значима для женщин: в условиях строгой сезонности сельскохозяйственного труда именно эти праздники позволяли им на время отвлечься от повседневных забот и принять участие не только в религиозных церемониях, но и в разнообразных культурных мероприятиях. Театральные представления – от традиционной оперы циньцян до теневого театра – становились для них источником духовного и эстетического опыта, открывая доступ к коллективным переживаниям, обычно недоступным в повседневной жизни. Таким образом, храмовые ярмарки представляли собой уникальный феномен, где религиозные, гендерные и культурные аспекты тесно переплетались, предоставляя сельским женщинам редкую возможность для самовыражения и духовного обогащения в рамках местного сообщества:

«Когда в деревне проводились храмовые ярмарки, ставились спектакли оперы Циньцян, и вся деревня оживлялась: мельницы и печи работали на полную

Stanford: Stanford University Press, 2008. 376 p.

²²¹ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MXQ, 1935 г. р.)

мощность, приглашали женщин из соседних домов на представления, угощения и ночлег, а везде царила радость и веселье. На площади храма Цзушиэ²²² (祖师爷) чётко размечались линии, которые разделяли мужскую и женскую аудитории: мужчины стояли впереди, а женщины располагались позади на скамейках. Вдоль старой улицы за храмом располагались торговые палатки с едой, и гул голосов продавцов и покупателей наполнял воздух. Опера Циньцян обычно длилась три дня, и показывались как дневные, так и ночные представления»²²³.

Фото № 20 Ли Илэй «Гора Дунлаоэ в уезде Хуаньсянь»

В сельских общинах храмовые ярмарки служили не только местом отправления религиозных обрядов и проведения культурных мероприятий, но и играли важную роль в экономической и социальной жизни деревни. Особенно значимыми эти события были для женщин: ярмарочная атмосфера позволяла им на время отвлечься от привычных домашних забот и полевых работ, предоставляя

²²² Люди обычно молятся Цзушиэ за безопасность и здоровье, надеясь на его божественную защиту от бедствий. Кроме того, поклонение Цзушиэ символизирует стремление к долголетию и благополучию, поскольку он связан с Амитаюсом Буддой.

²²³ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: МХQ, 1935 г. р.)

легитимную возможность для торговли и обмена продукцией собственного производства:

«Множество женщин приносили свои изделия ручной работы, используя храмовую ярмарку как возможность не только продать свои товары, но и пообщаться с другими покупателями и продавцами»²²⁴.

«На ярмарке можно было купить всё — от сельскохозяйственных инструментов и семян до тканей, одежды, сладостей и игрушек. Женщины часто приобретали косметику, украшения и благовония, а дети с удовольствием смотрели спектакли теней и ели лакомства»²²⁵.

Таким образом, в традиционном китайском обществе храмовые ярмарки выступали в качестве многофункциональных социокультурных институтов, где религиозные обряды, коммерческие интересы и элементы массовой культуры тесно переплетались в единое общественное пространство. Будучи местом массового скопления людей, эти ярмарки способствовали временному размыванию привычных социальных границ: здесь происходил интенсивный обмен не только товарами, но и культурными ценностями, обычаями и моделями поведения. Важную роль в структуре ярмарок играли театрализованные представления, часто основанные на религиозно-мифологических сюжетах, что способствовало формированию и трансляции коллективной идентичности и нравственных ориентиров.

Для женщин, чьё участие в общественной и экономической жизни зачастую ограничивалось патриархальными устоями, храмовые ярмарки представляли собой важную возможность для социализации и самореализации. Эти мероприятия не только позволяли расширить круг социальных контактов, но и давали возможность ощутить свою принадлежность к более широкому сообществу, выйдя за рамки

²²⁴ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: NYZ, 1937 г. р.)

²²⁵ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в уезд Цинъян, подрайон Лундун, Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RYZ, 1937 г. р.)

семейных обязанностей. Открытость ярмарок способствовала размыванию границ между этническими группами, социальными слоями и профессиональными категориями, превращая эти события в пространство культурного обмена и социальной интеграции:

«Храмовая ярмарка была одним из редких событий, когда вся семья собиралась для развлечений, а также одним из немногих мест, где можно было увидеть множество женщин. На ярмарке смягчались строгие повседневные ограничения на общение между мужчинами и женщинами, что давало женщинам возможность разговаривать с мужчинами — в обычной жизни, с её строгими правилами, это было практически невозможно»²²⁶.

§ 2. Эволюция политики в отношении народных верований:

исполнительницы незаконных ритуалов и суеверных практик

В то время как официальные религиозные учения в Китае опирались на поддержку властей и интеллектуальной элиты, народная вера формировалась «снизу» и отличалась восприимчивостью к местным обычаям и культам. Именно эта адаптивность позволяла сакральному проникать в повседневную жизнь, делая религиозные нормы и ценности неотъемлемой частью общественной жизни. Эта система верований проявлялась не только в почитании божеств, культовых сооружениях и обрядах, но и в регулировании повседневной жизни, обеспечивая устойчивость традиционного уклада и способствуя гармоничной интеграции человека в общество и природный мир.

В отличие от нормативных, институционализированных религиозных доктрин, разрабатываемых государственными и интеллектуальными кругами, народная вера функционировала как открытая и гибкая система, органично включавшая местные особенности, мифологические представления и обряды, формируя тем самым уникальный тип культурной памяти и коллективной

²²⁶ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: YSL, 1936 г. р.)

идентичности. На протяжении истории китайские народные верования неоднократно подвергались политическому давлению, запретам и попыткам государственного контроля. Эти процессы, инициированные, как правило, «сверху», отражали не только борьбу за идеологическое господство, но и стремление к централизации власти и унификации культурного пространства.

В традиционной китайской цивилизации процесс легитимации или дискредитации религиозных и ритуальных практик основывался на противопоставлении одобряемых государством «правомерных обычаев» (正俗 чжэн су) и «официального ритуального канона» (祀典 сы дянь), с одной стороны, и осуждаемых как «суеверные» (愚迷 юй ми) или «избыточные» (淫祀 инь сы) проявлений народной религиозности, с другой. Эти дихотомии являлись неотъемлемой частью ортодоксального дискурса, служившего важным инструментом культурной селекции и поддержания социального порядка.

Правящая элита не стремилась к полному отрицанию или искоренению народной религиозности, напротив, происходила целенаправленная инкорпорация отдельных аспектов народных верований в легитимную ритуальную сферу при условии их соответствия нормативным и административным требованиям²²⁷. Этот подход позволял не только контролировать религиозные убеждения масс, но и использовать их для укрепления имперской власти, мобилизации и дисциплинирования населения. Критика и регулирование народных культов, осуществляемые в рамках конфуцианской и бюрократической практики, носили систематический характер и не являлись исключительно продуктом новейшей истории или националистических реформ. Речь шла не о простом вытеснении традиционных верований, а о сложном процессе институционализации, адаптации и системной трансформации народных практик в соответствии с идеалами и интересами элиты.

²²⁷ Пи Циншэн. Концепция о чжэнси и иньси в династии Сун // Дунюэ луныцун, 2005. № 4. С. 25-35 (на кит. яз.).

На рубеже династии Цин и периода становления Китайской республики страна оказалась в эпицентре масштабных модернизационных преобразований, охвативших все сферы общественной жизни, включая религиозную сферу. Новые административные органы и интеллектуальная элита, рассматривавшие реформирование верований как необходимое условие общественного прогресса, инициировали системную трансформацию традиционной религиозности. Одним из ключевых инструментов этой политики стало чёткое концептуальное разграничение между понятиями «религия» и «суеверие». В рамках этого дискурса конфуцианство, буддизм и даосизм подвергались секуляризации и институциональной реорганизации, приобретая социально приемлемые формы, соответствующие задачам просвещения и государственного строительства²²⁸.

В то же время широкий спектр народных практик, от гадания и экзорцизма до культа духов и сжигания благовоний и ритуальной бумаги, подвергался критике и маргинализации как проявление «суеверия», воспринимаемого в новых условиях как пережиток архаичного, иррационального мировоззрения²²⁹. Если прежде подобные обычаи трактовались главным образом как отклонение от ритуального канона и конфуцианских норм, то теперь они квалифицировались как любые практики, не совместимые с требованиями научного знания и рационального мышления. Это сопровождалось развёртыванием идеологических кампаний и распространением просветительских нарративов, направленных на искоренение «суеверия» как символа невежества и препятствия для модернизации.

С 1928 года, в ходе масштабной антисуеверной кампании, развернутой Национальным правительством в Нанкине, проблема суеверий в бассейне нижнего течения Янцзы приобрела не только административный, но и отчётливо выраженный гендерный характер. Официальная стратегия борьбы с суевериями была тесно связана с конструированием и распространением специфических

²²⁸ Nedostup R. *Superstitious regimes: Religion and the politics of Chinese modernity*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009. P. 3.

²²⁹ Huang K. W. The origin and evolution of the concept of mixin (superstition): A review of May Fourth scientific views // *Chinese Studies in History*. 2016. № 2. P. 64-65.

гендерных образов. Несмотря на значительную роль мужчин в распространении и поддержании народных религиозных традиций, в антисуеверной политике государство акцентировало внимание на женском аспекте. В официальных текстах и публичных выступлениях ритуальные практики всё чаще представлялись через призму традиционных гендерных стереотипов, а участники ритуалов описывались как обладающие чертами, традиционно ассоциирующимися с «уязвимостью» и «слабостью», приписываемыми женщинам²³⁰. Такое избирательное освещение не только способствовало стигматизации суеверия как явления, противоречащего рационалистическому и модернизационному курсу, но и укрепляло патриархальные стереотипы, маргинализируя женщин и ассоциируя иррациональное с женской природой. В результате подобная государственная риторика формировала новые нормативные представления о допустимом социальном поведении и усиливала существующие гендерные стереотипы.

Антисуеверные кампании, развернувшиеся с конца 1920-х годов, все больше преподносились как важная составляющая женского «освободительного» проекта, направленного на борьбу с неграмотностью, искоренение устаревших обычаев и утверждение новых социальных норм, особенно в сельской местности. Однако за риторикой борьбы с невежеством скрывался процесс целенаправленной маргинализации и стигматизации традиционных форм деятельности, свойственных женщинам. Дискурсивное противостояние было сосредоточено на фигурах так называемых «матушек» и «бабок» — собирательных образах женщин, занятых в сфере народной религиозности и обрядовой практики: монахинь, гадалок, целительниц, травниц, свах, проституток и повитух²³¹. Эти категории, уже дискредитированные конфуцианской бюрократией в позднеимперский период и подвергавшиеся резкой критике со стороны христианских миссионеров с XIX века, в модернистском антисуеверном дискурсе окончательно приобретали статус

²³⁰ Nedostup R. *Superstitious regimes: Religion and the politics of Chinese modernity*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009. P. 191-195.

²³¹ И Жолань. *Матушки и бабки: исследование положения женщин и общества во времена династии Мин*. Шанхай: Чжунси шуцзюй, 2002. 211 с (на кит. яз.).

маргинальных и даже опасных для «просвещённого» общества. Необходимо отметить, что миссионеры сыграли важную роль в распространении медицинских знаний. Они не только активно продвигали медицинскую грамотность, но и разоблачали «обманную» природу колдовских практик. Миссионеры особенно подчеркивали важность образования для молодого поколения, считая это ключевым средством борьбы с суевериями и продвижения здорового образа жизни в семьях. Они надеялись, что образованная молодёжь сможет повлиять на своих родственников, особенно на матерей, и убедить их обращаться к профессиональной медицинской помощи, а не к сверхъестественным силам²³².

В рамках модернизационных реформ просвещение женщин стало одним из приоритетных направлений государственной политики, рассматриваемым не только как средство искоренения суеверий, но и как фундаментальная предпосылка социокультурных преобразований. Национальные элиты исходили из того, что повышение образовательного уровня женщин расширяет возможности для реализации их особых качеств, таких как эмпатия, аккуратность, практическая рассудительность и житейская мудрость²³³, что, в свою очередь, может способствовать развитию медицинской и фармацевтической отраслей. Подчеркивалось, что участие женщин в сфере здравоохранения и ухода за больными является ключевым ресурсом, необходимым для успешной реализации модернизационных проектов и укрепления общественного здоровья. Таким образом, образование и профессиональная подготовка женщин позиционировались не как второстепенный, а как стратегически важный фактор, способный обеспечить устойчивый социальный прогресс и преодоление традиционных ограничений.

Религиозная политика Коммунистической партии Китая формировалась под влиянием просветительских идей Движения четвёртого мая и антирелигиозных парадигм, заимствованных из советской практики государственного управления. В

²³² Xu G. Medical missionaries in Guangzhou: The initiators of the modern women's rights movement in China // *Asian Journal of Women's Studies*, 2016. №. 4. P. 443-461.

²³³ Nedostup R. *Superstitious regimes: Religion and the politics of Chinese modernity*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009. P. 222.

партийной идеологии особое место заняло марксистское понимание религии как механизма, возникшего в ходе исторического развития для закрепления социального неравенства и воспроизводства отчуждения. Именно это предопределило критическое отношение не только к официальным религиозным институтам, но и к различным формам народных верований и суеверий, которые рассматривались как препятствия на пути общественного прогресса и модернизации. Как следствие, в государственной идеологии закрепилось бинарное противопоставление «религии» и «суеверия», обе составляющие которого рассматривались как препятствия на пути национального развития, модернизации и укрепления государственности. Вплоть до выдвижения в 1990-х годах концепции «религии, совместимой с социалистической системой», партийная политика была направлена на регламентацию, маргинализацию и даже искоренение любых сверхъестественных практик. Лишь в конце XX века подход начал смягчаться: постепенный пересмотр установок способствовал формированию более гибкой модели управления религиозной сферой, отвечающей новым стратегическим задачам государства в условиях ускоренной модернизации и социальной трансформации.

В период формирования антияпонского фронта в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся Коммунистическая партия Китая проявила стратегическую гибкость в вопросах религиозной политики. Стремясь обеспечить социальную стабильность и сплотить различные слои населения, руководство КПК прибегло к тактике терпимости и даже поддержки по отношению к основным традиционным религиям — буддизму, даосизму, исламу, католицизму и протестантизму, рассматривая их как важный инструмент укрепления национального единства²³⁴. В то же время партийная идеология сохраняла чёткое разграничение между институционализированной религией и «суевериями», которые ассоциировались с

²³⁴ Бай Юйшуай, Тан Сижуй. Религиозная работа партии в период Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся: исследование на основе сообщений партийных газет // Чжунго цзунцзяо, 2022. № 6. С. 52-53 (на кит. яз.).

архаичным сельским укладом, антисанитарией и низким уровнем образования. На фоне популяризации научных знаний, медицины и новых санитарных норм КПК инициировала целенаправленные кампании против суеверных практик, объектами критики и административных мер в которых выступали гадалки, знахари, шаманы и медиумы²³⁵ — представители полуправовых профессий, обвиняемые в эксплуатации доверчивости населения и нанесении вреда здоровью и общественному порядку.

Модернизационные инициативы, направленные на искоренение традиционных практик и формирование новых общественных норм, неизбежно сталкивались с различными формами сопротивления, укоренившимися в социокультурной среде китайского общества. Уже на ранних этапах антисуеверных кампаний проявилась сложность проведения реформ, обусловленная не только устойчивостью традиционного мировоззрения, но и пассивным сопротивлением местных сообществ, выразившимся в защите шаманов и народных целителей, обладавших не только религиозным, но и значительным влиянием в сфере здравоохранения. Власти сталкивались с критикой, указывавшей на недостаточный учёт локальных особенностей и жизненного опыта населения при реализации административных мер. Анализ собранных эмпирических данных показал, что одностороннее использование пропагандистских методов не позволяет эффективно искоренить у населения традиционные представления о сверхъестественном, так как эти верования тесно связаны с механизмами самоидентификации и социальной организацией сельской жизни.

Как вспомнила одна из наших информанток: *«хотя народ внешне соглашался на совещаниях, после их завершения открыто высказывал против»*²³⁶. Многие считали: *«Болезнь — это результат небесного промысла, если небеса*

²³⁵ Бай Юйшуай, Тан Сижуй. Религиозная работа партии в период Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся: исследование на основе сообщений партийных газет // Чжунго цзунцзяо, 2022. № 6. С. 52-53 (на кит. яз.).

²³⁶ ПМА. Экспедиция в д. баймамяо, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: HZQ, 1938 г. р.)

*решили, что кто-то заболевает, то избежать этого невозможно, поэтому лечение не требуется, только полагаться на судьбу»²³⁷. Некоторые полностью отвергали современную медицину, считая «колдовство и магию» более эффективным средством лечения. Эти убеждения разделяли, в том числе, и представители местной власти низового уровня. Один из жителей рассказывал: «*Наш деревенский староста рассказывал, что когда его семья долгое время страдала от болезни, и лекарства не приносили облегчения, после посещения шамана их состояние значительно улучшилось*»²³⁸.*

Устойчивость веры в духов и божеств в Пограничном районе заставляет задуматься о неэффективности простого навешивания ярлыка «суеверия» на шаманские практики и их насильственного подавления. Такой подход игнорирует не только глубокие социальные и культурные корни, но и психологические аспекты шаманизма как культурного феномена. Анализируя роль сельских «целителей» в системе народных верований, Мао Цзэдун выделил три потенциальных преимущества их практик: во-первых, «чудодейственные средства» считаются безопасными и не имеющими побочных эффектов; во-вторых, лечение доступно по цене – достаточно небольшой суммы медных монет; и в-третьих, оно дарит пациентам душевный комфорт, что может положительно влиять на их состояние²³⁹.

Кроме того, врач Цуй Юэжуй, работавший в Пограничном районе, высказал более инклюзивный подход к шаманизму. Он предложил, чтобы местные медицинские исследовательские общества проводили аттестацию шаманов. Шаманы, доказавшие свою эффективность, должны быть допущены к практике, в то время как те, чьи навыки оказались недостаточными, должны получить помощь

²³⁷ ПМА. Экспедиция в д. Ляньчи, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: ZYZ, 1937 г. р.)

²³⁸ ПМА. Экспедиция в д. Ляньчи, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: ZYZ, 1937 г. р.)

²³⁹ Ян Няньцун. Воссоздание «большого»: пространственная политика в контексте конфликта между китайской и западной медициной (1932-1985). Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. С. 371 (на кит. яз.).

в повышении квалификации²⁴⁰. Эта точка зрения отражает смену политики в отношении шаманизма, свидетельствующую о признании различий среди шаманов и стремлении к повышению общего уровня медицинского обслуживания.

Осознав, что простое запрещение шаманизма не приносит желаемых результатов, власти перешли к более тонкой стратегии формирования общественного мнения. В последующем распространении знаний предпринимались целенаправленные попытки объединить антисуеверное движение с решением задач в области здравоохранения. Это привело к формированию нового дискурса социальных реформ, который не просто осуждал «суеверия», а предлагал альтернативный, научно обоснованный взгляд на мир. Этот дискурс, посредством образования и распространения научных знаний, стремился побудить население к рациональному отношению к народным верованиям, убеждая людей в том, что современная медицина и научные методы более эффективны в борьбе с болезнями, чем традиционные ритуалы и верования. Цель состояла в том, чтобы постепенно, через просвещение и убеждение, изменить социальные представления и вытеснить «суеверия» научным мировоззрением.

В ноябре 1944 года на конференции по вопросам культуры и образования в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся была принята «Резолюция о проведении народной санитарно-медицинской работы»²⁴¹. В резолюции проанализировали социальные корни шаманизма в районе, связав его возникновение с нехваткой медицинских ресурсов и недостаточным распространением санитарного просвещения. Для эффективного преодоления шаманизма в резолюции особое внимание уделялось проведению санитарных кампаний и расширению медицинских услуг. Кроме того, женское движение было призвано сыграть ключевую роль в культурном образовании, популяризации санитарных знаний и продвижении научного образования, что должно было способствовать повышению уровня медицинского обслуживания и укреплению

²⁴⁰ Цуй Юэжуй и движение Цуй Юэжуя. Цзефан жибао, 21 октября 1944 г.

²⁴¹ Резолюция по проведению народной санитарно-медицинской работы. Цзефан жибао, 8 января 1945 г.

осознания здоровья.

Сельские храмовые ярмарки, как ключевой канал массовой коммуникации, сыграли решающую роль в распространении санитарных и медицинских знаний. Федерация женщин Пограничного района стратегически использовала популярность местных ярмарок, организуя медицинские пункты, где население могло получить консультации и пройти осмотры. Они организовывали временные выставочные павильоны, демонстрируя современные медицинские принадлежности и научные инструменты, такие как родовые наборы, модели для демонстрации правильной перевязки пуповины и микроскопы, вызывающие особый интерес у посетителей. С помощью этих наглядных пособий они активно повышали уровень санитарной культуры и научного просвещения населения. Чтобы сделать ярмарки более привлекательными и донести знания в доступной форме, Федерация женщин тщательно разрабатывала развлекательные программы, интегрированные в культурную программу ярмарок. Используя популярные формы народного искусства, такие как танцы «Янгэ»²⁴² и передвижные кинотеатры «Лаянпянь»²⁴³, они умело вплетали санитарные знания в развлекательные представления, что не только оживляло ярмарки, но и делало просвещение более эффективным и запоминающимся²⁴⁴. Такая интеграция современной медицины в традиционные ярмарки не только обогащала последние новым содержанием, но и

²⁴² Янгэ (秧歌) — это традиционный китайский народный танец, который зародился в сельских районах Китая. Он исполняется во время различных праздников и фестивалей, особенно в период китайского Нового года. Танец обычно сопровождается яркими костюмами и акробатическими движениями, а также характерной музыкой, исполняемой на традиционных инструментах. Янгэ символизирует радость и процветание, и является важной частью культурного наследия Китая.

²⁴³ Лаянпянь (拉洋片) — это традиционная китайская форма народного развлечения, которая была особенно популярна в конце династии Цин и в начале периода Китайской Республики. Этот вид представления заключался в демонстрации картинок через деревянный или бамбуковый ящик, который носил с собой артист. Артист показывал изображения, рассказывая истории и двигая картинки внутри ящика, а зрители могли смотреть через небольшие отверстия на ящике.

²⁴⁴ Организации, включая федерацию женщин, использовали храмовые ярмарки в районе Бэйгоу Люлина для распространения санитарии. Цзефан жибао, 5 мая 1945 года; На храмовой ярмарке Байяншувань в Ансай была поставлена танцевальная драма «Янгэ» о воспитании детей, а акушерская бригада передала беременным женщинам гигиенические наборы для пуповины. Цзефан жибао, 17 мая 1945 г.; На храмовой ярмарке в Янцзяюаньцзы, Цзычан санитария распространялась в форме культурных павильонов, медицинских консультаций и представлений «Янгэ». Цзефан жибао, 20 мая 1945 г.

демонстрировала новаторский подход к трансформации традиционной культуры. Этот подход способствовал развенчанию суеверий и формированию рационального мышления, переводя борьбу с невежеством из области запретов в плоскость глубоких культурных и идеологических преобразований.

Фото № 21 Го Цзюе «Объяснение новых методов родовспоможения»²⁴⁵

§ 3. Прагматизм как главный принцип рационального выбора: трансформация восприятия женщинами народных убеждений

Объяснение устойчивости народных верований в условиях жёсткой антирелигиозной политики КПК требует пересмотра традиционных представлений о централизованном подавлении. На примере Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в 1940-е годы можно увидеть своеобразную синергию между государственной идеологией и местной культурной адаптацией, которая не предполагала прямого подавления религиозных практик, а предлагала иной, более гибкий подход. Относительная стабильность в балансе между установками центрального руководства и многообразием локальных социальных структур была достигнута благодаря гибкости административной системы, позволявшей корректировать жёсткие идеологические установки и адаптировать их к

²⁴⁵ Музей изобразительных искусств Китая (ред.). Коллекция ксилографий за восьмилетний период сопротивления японским захватчикам. Наньнин: Гуанси Мэйшу Чубаньшэ, 2005. С 118.

повседневной жизни населения. В отличие от формального искоренения «суеверий», в рамках «Яньаньской модели» местные власти не только следовали указаниям центра, но и создавали условия для практик, адаптированных к местной специфике. Такая локальная адаптация была тесно связана с китайскими культурными традициями, прежде всего с конфуцианским принципом «золотой середины», который на уровне общин мог служить оправданием «прощения» незначительных нарушений ради поддержания гармонии и общественного порядка. Это позволяло местным властям применять стратегию «незамечания» незначительных отклонений от официальных предписаний, что являлось скорее проявлением культурной адаптации, чем прямым нарушением государственной политики.

Эта практика, тесно связанная с конфуцианскими представлениями об общественной гармонии, отражает более глубокое философское понимание приоритета интересов общества над строгими идеологическими догмами. Эти практики можно рассматривать не только как проявление гибкости местных властей, но и как пример социальной адаптации, когда народные верования не отвергают официальные запреты, а интегрируют их в социокультурный контекст местных общин:

«Такие практики, как поклонение богам, гадание, фэншуй, никогда полностью не прекращались, ярмарки у храмов также разрешались, хотя их масштаб и частота были уменьшены. Во время Культурной революции контроль был строгим, некоторые храмы были превращены в школы. Тем не менее, некоторые смельчаки тайно поклонялись и сжигали благовония у себя дома»²⁴⁶.

«Сельские кадры, в конечном счете, избираются самими жителями деревни, и, в определенной степени, они также выступают в качестве представителей интересов сельского населения. Подавляющее большинство сельских кадров сами участвуют в ритуалах, таких как сжигание бумажных денег в честь предков, а

²⁴⁶ ПМА. Экспедиция в д. Баймамяо, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НВQ, 1949 г. р.)

также иногда иницируют строительство храмов и храмов предков. Поэтому они вряд ли захотят помочь правительству испортить отношения с односельчанами. Таким образом, если не возникает особых ситуаций, таких как сухой сезон, требующих введения запрета на огонь, на местах может проводиться только ограниченное увещание. Пока сжигание бумажных денег не приводит к лесным пожарам, подобные действия могут быть восприняты с определенной долей терпимости»²⁴⁷.

В традиционном китайском обществе вера в сверхъестественное являлась не просто религиозной практикой, а основой формирования социальных связей и воспроизводства культурных традиций, пронизывая все сферы повседневной жизни. Эти представления формировали систему ценностей, определяли интерпретацию природных и социальных явлений, регулировали поведение посредством моральных норм и ритуальных практик, обеспечивая социальную стабильность и гармонию. В отличие от западного понимания религии как преимущественно духовной сферы, в китайском контексте вера в божества была тесно связана с практической необходимостью, обеспечивая понимание универсальных правил, регулирующих поведение и взаимодействие с окружающим миром.

Реалистичный подход к вере определялся прагматизмом китайской культуры: *«Почему бы не верить в богов? Боги действительно действенны, это проверенный опыт, и есть вещи, которые наука не может объяснить»²⁴⁸*. Эта логика соответствовала общему контексту китайской философии, где вера и практика неразделимы и представляют собой единое целое. Вера не только объясняла происходящие события, но и обеспечивала практическую поддержку в сложных жизненных обстоятельствах. Таким образом, народные верования

²⁴⁷ ПМА. Экспедиция в д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: NZT, 1949 г. р.)

²⁴⁸ ПМА. Экспедиция в д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: LXQ, 1936 г. р.)

являлись важным механизмом поддержания социальной сплочённости и внутренней гармонии, регулируя повседневные действия и отношения внутри общины.

Неудивительно, что столкновение с личными трудностями, такими как болезни или неудачи, приводило крестьян к обращению за помощью к сверхъестественным силам, связывая несчастья с нарушением моральных или ритуальных норм. *«В нашей деревне был мужчина, который плохо обращался со своей матерью. После её смерти он сильно заболел, и никто не мог его вылечить. Жители деревни говорили, что это кара, что его мать наказывает его»*²⁴⁹. Пример с мужчиной, понесшим наказание от духа матери, служит не просто повествованием о мести, а иллюстрацией того, как верования выполняют функцию социального контроля. Эти истории о чудесах и божественном возмездии не только объясняли мир, но и закрепляли нравственные ценности, демонстрируя взаимосвязь между индивидуальными действиями и коллективными верованиями.

Можно сказать, что эмоциональное восприятие жизненных трудностей и несчастий в традиционном китайском обществе не только отражало духовные ценности крестьянства, но и служило важным фактором психологической адаптации. В условиях ограниченности научных знаний и возможностей современной медицины, когда этиология многих заболеваний оставалась невыясненной, интерпретация болезни как следствия нарушения духовных законов или проявления неуважения к божествам представлялась логичной и приемлемой. Мистическое мировосприятие пронизывало повседневную жизнь крестьян, укрепляя их веру в сверхъестественное и поддерживая значимость традиционных обрядов, которые, в свою очередь, способствовали моральной устойчивости общества. Подобная интерпретация жизненных испытаний играла важную роль в поддержании моральных устоев и формировании механизмов социального

²⁴⁹ ПМА. Экспедиция в д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Цинъян, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: RLL, 1933 г. р.)

регулирования. В данном контексте вера в сверхъестественное выполняла не только религиозную функцию, но и способствовала поддержанию социальной гармонии, предлагая объяснение бедствиям и страданиям, а также обеспечивая защиту наиболее уязвимым группам населения, в частности, женщинам. Воспринимая свои проблемы как следствие духовных нарушений, люди находили моральное оправдание для страданий, что способствовало укреплению коллективных ценностей и поддержанию социального порядка в общине.

Традиционное китайское общество, всегда отличавшееся прагматизмом, демонстрировало способность к интеграции новых медицинских методов с сохранением традиционных религиозных практик. Например, когда традиционные верования оказывались неэффективными в вопросах деторождения, крестьяне, не отказываясь от духовных ориентиров, проявляли готовность использовать современные медицинские методы, демонстрируя тем самым способность адаптировать свои убеждения к меняющимся условиям. Этот прагматичный подход демонстрирует, что, несмотря на глубокую приверженность традиционным верованиям и магическим практикам, население было готово интегрировать научные достижения, если они предлагали более эффективные способы решения насущных проблем. Со временем магические практики, связанные с деторождением, постепенно уступали место методам, чья практическая эффективность была подтверждена эмпирическим опытом:

«Люди, которые пришли на ярмарку, чтобы распространять знания о гигиене для женщин и детей, объяснили моей матери, что смерть моих двух братьев, вероятно, не была вызвана проделками духов, а инфекцией, возникшей из-за того, что она перерезала пуповину осколком керамики. Впоследствии, когда она рожала, то использовала прокипячённые ножницы, и мы с моими братьями и сестрами выжили»²⁵⁰.

«Вот тогда крестьяне в большинстве своём считали, что рожать лёжа

²⁵⁰ ПМА. Экспедиция в д. Баймамяо, пос. Наньлян, у. Хуачи, пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуачи, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: НВQ, 1949 г. р.)

было более рискованно и могло вызвать обильное кровотечение. Например, моя тётя с пятнадцати до двадцати семи лет родила семерых детей, но ни один из них не выжил. Каждый раз она рожала сидя, что приводило к болям в пояснице и последующему кровотечению, а также к болезням матери, из-за чего у неё не было молока, и через несколько дней ребёнок умирал. Приехавшие специалисты использовали бутылки с лекарственными растворами, чтобы смоделировать процесс рождения ребёнка, и объяснили посетителям, что сидячие роды требуют больше усилий от женщины и могут привести к кровотечению. Они рекомендовали рожать лёжа, чтобы избежать подобных проблем в будущем»²⁵¹.

«На ярмарке можно было получить много знаний. Моя мама узнала, что во время родов нельзя непосредственно сидеть на золе или жёлтой глине; необходимо предварительно прожарить золу или глину, положить их в тканевый мешочек и использовать как подкладку, либо подстелить тщательно вымытую старую ткань, меняя её по мере загрязнения, что снижает вероятность инфекции. Благодаря этому, в послеродовом периоде у неё было меньше кровотечений, не кружилась голова, не затуманивалось зрение, не было слабости, и её здоровье оставалось крепким»²⁵².

Преодоление традиций в процессе модернизации следует рассматривать не как полное отрицание, а скорее как сложный диалектический процесс «снятия», подразумевающий как отказ от устаревших элементов, так и сохранение и адаптацию ценных культурных составляющих. Подобно тому, как постмодернизм, критикуя модерн, наследует некоторые его идеи, между современностью и традиционной культурой сохраняется определённая непрерывность и преемственность. В процессе перехода от традиционного общества к современному национальному государству, несмотря на активное навешивание

²⁵¹ ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MDW, 1952 г. р.)

²⁵² ПМА. Экспедиция в д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь пров. Ганьсу, КНР (В 40-е годы входила в у. Хуаньсянь, подр-н Лундун, Пограничный р-н Шэньси-Ганьсу-Нинся). Апрель 2023 г. (информант: MGF, 1957 г. р.)

ярлыков «суеверий» и «отсталости» на народные верования и противопоставление их «цивилизации» и «прогрессу», важно учитывать разнообразие форм и практик в историческом контексте, и особенно устойчивость традиционных верований в повседневной жизни китайского народа. Эта приверженность традиционным верованиям демонстрирует не только уважение к культурному наследию, но и способность к адаптации и интеграции в современный мир.

Кампания Коммунистической партии Китая против суеверий, направленная на модернизацию общества, оказала заметное влияние на общественное мнение, однако не привела к радикальному изменению древних верований, являвшихся неотъемлемой частью китайской культуры. Несмотря на усилия по искоренению суеверий, традиционное мировоззрение продолжало играть важную роль, особенно для женщин в сельских районах. Для них вера в богов, участие в ритуалах почитания предков, проведение свадебных и похоронных обрядов, гадания и целительство не поддавались классификации в категориях «религия» или «суеверие». Эти практики являлись частью повседневной жизни и не требовали осмысления или оправдания с точки зрения идеологии, науки или городского дискурса.

Характерной чертой крестьянского мировоззрения являлось отсутствие внутреннего конфликта между религиозными представлениями и научным знанием, между уважением к традициям и восприимчивостью к элементам модернизации. Крестьян не заботил вопрос о «правильности» той или иной практики с точки зрения научного дискурса или официальной идеологии. Обряды и верования не только органично интегрировались в структуру повседневных социальных отношений, но и выполняли важную функцию нормативного регулирования, обеспечивая стабильность и согласованность социальной организации деревни. Крестьяне не видели необходимости в обосновании легитимности своих обычаев с помощью официальных или интеллектуальных доктрин: эти практики не требовали формальной институциональной легитимации и воспринимались как органичная составляющая коллективной жизни.

Таким образом, проблемы, волновавшие официальные органы и городскую интеллигенцию, оставались чуждыми крестьянству, продолжавшему придерживаться традиционных верований. Эти верования, несмотря на внешнее давление и процессы модернизации, сохраняли свою значимость и обеспечивали социальную стабильность, поддерживая гармонию в жизни сельских общин. Они функционировали не как пережиток прошлого, а как действенный инструмент решения повседневных задач, обеспечивая прочную связь между духовной и социальной реальностью.

Заключение к четвертой главе

В предреволюционный период в условиях ограниченного доступа к медицинским ресурсам и традиционно ограниченной социальной роли за пределами дома китайки традиционно обращались к сверхъестественным силам для решения жизненных проблем, связанных с браком, сохранением здоровья, рождением детей и семейным благополучием. Глубокая укоренённость народных верований, их устойчивость даже в условиях стремительных модернизационных процессов объясняется синкретическим характером китайской религиозности, где конфуцианство, буддизм и даосизм тесно переплелись во множестве традиционных ритуалов, регулирующих семейно-брачные отношения. Религиозные мероприятия, такие как храмовые ярмарки, играли важную социальную роль, предоставляя возможности для расширения социальных связей. Для женщин же ярмарки служили важным пространством для общения за пределами дома, позволяя им обходить традиционные ограничения и укреплять свой социальный статус.

В эпоху реформ и открытости Коммунистическая партия Китая выработала специфический подход к регулированию религиозной сферы, который в историографии и публицистике часто характеризуется как политика «смотреть сквозь пальцы»²⁵³. Этот управленческий подход, оказавший заметное влияние на

²⁵³ Chau M. R., Sun Y. F. The reconfiguration of religious ecology in Post-Mao China; and Weller R. Responsive authoritarianism and blind-eye governance in China, in *Socialism vanquished, socialism challenged, Eastern Europe and China 1989-2009*, eds. Bandelj N. and Solinger D. J. Oxford: Oxford

развитие общественных процессов, берёт свои истоки в административном опыте Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Анализ политической ситуации в этом регионе позволяет увидеть, что партия сочетала относительную толерантность к религиозным проявлениям, важным для сплочения антияпонских сил, с жёстким противодействием суеверным практикам, которые расценивались как символ крестьянской отсталости и препятствие на пути модернизации.

Кампания против суеверий, проводимая КПК, была направлена в первую очередь против тех, кто использовал религиозные верования в личных целях, таких как шаманы, гадалки, медиумы и целители, обогащаясь за счет обмана населения и нанесения ущерба общественным интересам. Однако эта кампания сталкивалась с сопротивлением, особенно в сельских районах, где шаманы и народные целители обладали знаниями, которые были жизненно необходимы для местных жителей. Они занимали важное место в социальной структуре общин, обеспечивая не только медицинскую помощь, но и служа авторитетами в духовной сфере.

Сохраняющаяся популярность шаманских верований в Пограничном районе заставила осознать, что простое навешивание ярлыка «суеверия» и насильственное подавление не приводят к желаемым результатам. Поэтому в дальнейших стратегиях был сделан акцент на объединении усилий по борьбе с суевериями с программами в области здравоохранения. Это способствовало формированию нового подхода к социальным реформам, ориентированного на распространение знаний и научного мировоззрения, что должно было привести к рациональному восприятию шаманизма и повышению уровня общественного сознания. Умелое внедрение знаний о современном здравоохранении в традиционные мероприятия, такие как храмовые ярмарки, не только обогатило последние новым содержанием, но и явилось примером инновационного подхода к преобразованию традиционной культуры, основанного на сочетании научных знаний и народных традиций. Таким образом, происходила десакрализация и рационализация верований, а борьба с суевериями переходила из плоскости простых запретов в сферу глубоких

культурных и идеологических преобразований.

Несмотря на административные меры, направленные на ограничение религиозных практик и отчасти вдохновленные советским опытом антирелигиозной пропаганды²⁵⁴, которые привели к сокращению масштаба традиционных деревенских верований и исчезновению некоторых храмов и обрядов, многие ключевые элементы народных верований сохранялись. Это во многом было обусловлено сочетанием политических и культурных факторов. С одной стороны, особенность «Яньаньской модели» заключалась в сочетании централизованного партийного руководства с предоставлением местным органам власти и массовым организациям (крестьянским союзам, женским ассоциациям) оперативной самостоятельности в решении локальных вопросов, что позволяло адаптировать общую политику к локальным условиям. С другой стороны, такая гибкость укоренена в социальной психологии и традиционной китайской культуре, где конфуцианский принцип золотой середины, акцент на гармонии и сохранении лица побуждали местные власти избегать конфликтов и стремиться к стабильности, что выражалось в выборочном применении радикальных политических мер. Таким образом, народные верования получили определенное пространство для выживания и сохранили свою жизнеспособность.

Особенно важную роль в этом процессе адаптации и сохранения религиозных традиций играли сельские женщины, которые, опираясь на традиционные верования и ритуалы. Благодаря своему прагматизму, сельские жители скорее адаптировались к многочисленным антирелигиозным кампаниям, находя способы обходить ограничения, формально демонстрируя лояльность, но продолжая соблюдать важные для них обряды в частном порядке. Процессы модернизации, несмотря на их значительное влияние на социально-экономическую структуру общества, не смогли полностью изменить духовную этику сельских общин. Представления о сверхъестественном и духовном мире продолжали сохранять свою силу, оказывая значительное влияние на восприятие реальности

²⁵⁴ Турицын И.В. (ред.) Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949-1960 гг.). М: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.

среди крестьян. Эти традиционные верования, укоренившиеся в культуре и моральных устоях, оставались устойчивыми и не подвергались радикальным изменениям, несмотря на внешние трансформации.

Более того, опираясь на традиционные верования и ритуалы, такие как участие в обрядах плодородия или почитание женских божеств, сельские женщины находили возможности для укрепления своего положения в обществе, создавая собственные сети поддержки и солидарности, а также отстаивая свои права в семейных спорах, ссылаясь на религиозные нормы. Это позволяло им активнее участвовать в этической жизни деревни, выступая в качестве моральных авторитетов и хранительниц традиций, отстаивать свои интересы в вопросах наследования и брака, и сохранять религиозные практики, которые давали им силу и поддержку, обеспечивая чувство общности, утешение в трудные времена и веру в справедливость.

Заключение

Исследование повседневной жизни женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся является значимым вкладом в понимание механизмов, посредством которых КПК, используя инструменты социальной революции, осуществляла трансформацию традиционной гендерной системы. В отличие от доминирующих в историографии подходов, настоящее исследование фокусируется на субъективном восприятии и оценке женщинами проводимой реформаторской политики. Анализ их жизненного опыта позволяет продемонстрировать, что женщины не только адаптировались к происходящим изменениям, но и активно участвовали в формировании нового социального порядка, создавая тем самым предпосылки для современной политики гендерного равенства в КНР.

Регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, являясь одним из центров зарождения китайской цивилизации, сыграл определяющую роль в генезисе патриархатных социальных норм, восходящих к эпохе ранней династии Чжоу (XII–XI вв. до н.э.). Центральная позиция мужчин в данной социальной структуре, закреплённая

посредством наследования имущества и власти по отцовской линии, способствовала формированию устойчивых гендерных установок, постулировавших идею мужского превосходства. Именно эти идеи легли в фундамент формализации патриархальных порядков, которые на протяжении веков определяли особенности социальной и культурной структуры древнекитайского общества, оказывая долговременное влияние на эволюцию его институциональных механизмов.

Несмотря на богатое историко-культурное наследие, вплоть до 1970-х годов XX века регион сталкивался с экологическим истощением, вызванным чрезмерной распашкой земель, а также недостаточным развитием транспортной инфраструктуры и экономики, что обуславливало высокий уровень бедности и препятствовало социальному развитию. Открытие и последующая эксплуатация нефтяного месторождения Чанцин в 1970-е годы стали переломным моментом, стимулировавшим экономический рост и создавшим предпосылки для постепенного снижения уровня бедности и существенного улучшения социально-экономической ситуации в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Социальные реформы, инициированные КПК в северных провинциях, затронули ключевые аспекты жизни крестьян, включая семейно-брачные отношения, трудовую деятельность и религиозные верования, оказали значительное влияние на положение женщин. В условиях сохранявшихся патриархальных традиций и социального неравенства первые поколения китайских реформаторов, выступая инициаторами масштабных преобразований, уделяли особое внимание преодолению гендерной дискриминации и пересмотру устоявшихся моделей семейных и трудовых отношений. Последовательное проведение этих реформ привело к пересмотру прежней социальной структуры, что, в свою очередь, способствовало формированию новых нормативных механизмов обеспечения гендерного равенства и расширению прав женщин в различных сферах общественной жизни.

В начале XX века регион Шэньси-Ганьсу-Нинся, где господствовали

конфуцианские принципы, определявшие семейно-брачные отношения и приоритет рождения сыновей, характеризовался глубоко укоренившимся социальным бесправием женщин. Женщины, рассматриваемые преимущественно как средство продолжения рода, становились объектами экономических сделок, подвергались различным формам дискриминации, изнурительному труду и принудительным бракам. Данная ситуация, усугубляемая неблагоприятными экономическими условиями и продолжительными военными конфликтами, ещё больше ограничивала возможности для самореализации женщин в общественной и экономической сферах. В большинстве случаев они были вынуждены неукоснительно соблюдать патриархальные нормы, не имели права на самостоятельное принятие решений, а результаты их труда, как правило, контролировались мужчинами в семье. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, женщины, представлявшие собой обособленную социальную группу, активно разрабатывали собственные стратегии адаптации и сопротивления. В рамках тесных неформальных связей происходил обмен опытом, оказывалась взаимная поддержка, обсуждались общие проблемы и разрабатывались стратегии выживания. Подобное общение, выходящее за пределы институциональных структур, служило важным каналом передачи социального опыта, способствовало формированию гендерной идентичности, развитию критического мышления и осознанию несправедливости патриархальных порядков.

Реформы брачно-семейного законодательства, начатые в конце 1930-х годов, представляли собой попытку единовременной трансформации многовековых традиций. Знаковым событием стало принятие «Положения о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся», предоставившего женщинам новые юридические права, включая свободу выбора супруга и право на расторжение брака, что способствовало повышению правовой осведомлённости и укреплению чувства собственного достоинства. Вместе с тем, эти радикальные преобразования, получившие поддержку прогрессивной части китайского общества, придерживавшейся социалистических убеждений, встретили значительное

сопротивление, особенно в сельской местности, где патриархальные устои продолжали доминировать.

Особенно остро сопротивление проявилось в вопросах искоренения практики браков по договорённости и выкупа невесты. Крестьянское население демонстрировало нежелание отказываться от многовековой традиции «продажи» дочерей, рассматривая её как компенсацию за затраты на их содержание и воспитание. Компромиссным решением стала поправка 1946 года, допускавшая выкуп, но устанавливавшая его максимальный размер. Новые правовые нормы часто воспринимались как вторжение в частную сферу семейной жизни. Как показывают мемуарные источники и результаты социологических исследований, проведённых вплоть до 1980-х годов, значительная часть крестьянского населения считала неприемлемым самостоятельный выбор супруга молодёжью, отстаивая необходимость родительского согласия. Подобная позиция, во многом обусловленная государственной политикой ограничения мобильности сельского населения, способствовала сохранению традиционных брачных обычаев. Кроме того, судебное разбирательство споров противоречило многовековой традиции внесудебного разрешения конфликтов. Даже спустя десятилетия после проведения реформ практика выкупа невесты продолжала существовать, что свидетельствовало об устойчивости традиционных представлений в сельском обществе.

Даже в условиях сохранявшихся сложностей, на селе Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся постепенно формировалась новая общественная атмосфера, способствовавшая росту популярности принципа свободного заключения брака. “Положение о браке Пограничного района Шэньси–Ганьсу–Нинся” оказало существенное влияние на положение женщин, гарантируя им свободу выбора брачного партнера и право на расторжение брака, что, согласно свидетельствам современников, оказывало позитивное воздействие на удовлетворенность браком. Отмечался значительный рост числа разводов, а практика продажи несовершеннолетних девочек в качестве будущих невест постепенно утрачивала

свою распространенность, что, в свою очередь, было обусловлено улучшением экономического благосостояния крестьянских хозяйств в результате проведения земельной реформы.

Реализация социальных реформ ознаменовала важный этап в переосмыслении роли женщин в семейных и общественных отношениях. В условиях внедрения новых правовых норм женщины стали активнее отстаивать свои интересы, что способствовало формированию у них чувства собственного достоинства и ответственности за своё благополучие. Рост индивидуализации женских практик сопровождался критическим переосмыслением патриархальных ценностей, традиционно лежавших в основе семейного уклада и социальной иерархии. Несмотря на то, что новыми правовыми возможностями воспользовалась лишь небольшая часть женщин, именно они стали первопроходцами, открывшими перспективы для изменения жизненного уклада, за которыми последовали другие. Процесс эмансипации женщин представлял собой диалектическое взаимодействие между государственной властью и социальными группами, традиционно лишёнными возможности отстаивания своих интересов.

До начала реформ 1930-х годов женщины в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся, несмотря на социокультурные ограничения, такие как практика бинтования ног, в основном занимались ведением домашнего хозяйства и сельскохозяйственным трудом. Несмотря на то, что практика бинтования ног значительно ограничивала физическую активность, женщины разработали адаптационные стратегии, позволявшие им выполнять основные обязанности, в том числе и полевые работы. Тяжёлые социально-экономические условия, характеризующиеся бедностью, постоянным недоеданием, высоким уровнем заболеваемости и военными конфликтами, значительно ухудшали положение женщин, повышая их уязвимость к эксплуатации и маргинализации.

Социально-экономическая зависимость женщин усугублялась господствующими патриархальными конфуцианскими нормами, приводившими к систематической недооценке их вклада в поддержание благосостояния семьи. В

сельском хозяйстве женский труд часто воспринимался как менее значимый и «лёгкий», что подчёркивало существующие гендерные стереотипы и социальную иерархию. Несмотря на активное участие женщин в производстве, включая ремесленничество и другие виды сельскохозяйственной деятельности, их заработок поступал в общий семейный бюджет, лишая женщин возможности распоряжаться заработанными средствами. Это ограничивало их экономическую независимость и возможности для улучшения своего материального благосостояния. Тяжёлые жизненные условия, вызванные экономической необходимостью, вынуждали женщин искать дополнительные источники дохода вне дома, что часто приводило к негативной общественной оценке и дискриминации на основе гендерных стереотипов. Данное противоречие между объективной необходимостью и существующими социальными ограничениями постепенно создавало предпосылки для переосмысления социальной роли женщин.

В условиях военного времени и экономической блокады ЦК КПК в 1943 году принял «Постановление о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах». Акцентируя внимание на значимости участия женщин в общественном производстве как вкладе в борьбу с японской агрессией, Постановление признавало, что расширение прав и возможностей женщин способствует повышению их социального статуса и улучшению условий жизни, а также содействует развитию региона в целом. Данный документ ознаменовал собой пересмотр тактики КПК в районе Шэньси-Ганьсу-Нинся: от малоэффективной мобилизации женщин в военные формирования к вовлечению в общественное производство с акцентом на укрепление семейного благополучия. Подобный подход демонстрировал стремление КПК к сбалансированному учету интересов женщин и общества, рассматривая семью как фундаментальную основу социальной стабильности.

Анализ исторического контекста введения указанных мер позволил выявить ключевые факторы, препятствовавшие их эффективной реализации:

ограниченность контактов региона с внешним миром, устойчивость традиционных семейных связей и первоначальное недоверие женщин к политике экономической мобилизации. Женщины, проживающие в сельской местности, проявляли скептицизм в отношении участия в прядильно-ткацких кооперативах, опасаясь возможного принуждения и неопределенности перспектив. Тем не менее, по мере получения ощутимых материальных выгод и осознания возможности трудоустройства без необходимости покидать домашнее хозяйство, их отношение претерпело трансформацию, и участие стало восприниматься как позитивное явление.

В условиях военного времени Коммунистическая партия Китая признала экономическую значимость вклада женщин в домашнее хозяйство, в частности, в прядение и ткачество, рассматривая его как важный элемент военной экономики и общественной жизни. Данный вид трудовой деятельности приобрел не только экономическую, но и политическую ценность, расширяя возможности участия женщин в принятии решений в семейных делах и увеличивая их долю в общем семейном доходе. КПК целенаправленно продвигала в общественном дискурсе новые концепты, такие как “освобождение женщин”, “гендерное равенство”, “независимость и самостоятельность женщин”, используя инструменты пропаганды, образовательные программы и законодательные инициативы. В результате изменений в социально-экономической структуре, женщины, проживающие в сельских районах, перестали быть лишенными прав и субъектности, став полноправными участниками общественных процессов. Эти изменения позволили им не только обрести чувство собственного достоинства в семейных и социальных отношениях, но и значительно повысить свою автономию, что, в свою очередь, открыло новые возможности для принятия решений.

В современной западной социологической мысли неудачи многочисленных попыток построения идеальных обществ объясняются не только абстрактностью замыслов и утопизмом, но и неспособностью учитывать исторические условия, особенности социальных структур и культурные традиции. Среди ключевых

факторов, препятствующих успеху подобных проектов, исследователи выделяют чрезмерную централизацию власти, оторванность элит от населения, а также недостаточную вовлеченность граждан в процессы принятия решений. Для преодоления этих структурных проблем требуется комплексный анализ с опорой на конкретный историко-культурный контекст. В отличие от многих утопических экспериментов, которые потерпели крах из-за игнорирования местной специфики, опыт Коммунистической партии Китая в 1930–1940-х годах заслуживает особого внимания. Столкнувшись с внешней агрессией и внутренними социальными противоречиями, КПК сконцентрировала усилия на адаптации своих стратегий к реальным потребностям населения, а также на широком вовлечении различных общественных групп в процессы трансформации. Такой прагматичный и гибкий подход, опиравшийся на уважение к историко-культурной специфике и учет социальных реалий, обеспечил партии широкую поддержку и позволил добиться успеха там, где универсалистские и оторванные от местных условий модели оказались неэффективными.

Одним из примеров такой гибкости стал подход к вовлечению женщин в экономическую деятельность. Вместо принудительной мобилизации, характерной для периода «народных коммун», КПК поощряла домашнее прядильно-ткацкое производство на добровольной основе. Это позволяло женщинам зарабатывать, не покидая дом, сохранять контроль над своим временем и совмещать труд с семейными обязанностями. Такой подход учитывал культурные и социальные ограничения, такие как практика бинтования ног, которая, несмотря на усилия КПК по ее искоренению, оставалась распространенной и ограничивала мобильность женщин. Предложение домашнего производства оказалось более реалистичным решением, способствовавшим экономической самореализации женщин и повышению уровня благосостояния их семей.

Кроме того, программа по созданию женских прядильно-ткацких кооперативов продемонстрировала значительный мобилизационный потенциал, основанный на переосмыслении традиционных ценностей коллективной

ответственности и взаимопомощи. Данные ценности, активно продвигаемые КПК в рамках собственной интерпретации, находили отражение в конфуцианских концепциях, таких как «идеальное общество единения» (大同, датун), «уравнивание богатых и бедных» (均贫富, цзюнь пинь фу) и «народ как основа» (民本, минь бэнь). Это способствовало социальной легитимации нового экономического курса, несмотря на критическую оценку со стороны отдельных социалистических активистов, усматривавших в нем отказ от радикального реформирования семейных отношений и форсированной эмансипации женщин.

Западные аналитики нередко акцентируют внимание на данном аспекте, характеризуя сложившуюся систему как «социалистический патриархат». Однако, следует учитывать, что подобные заключения зачастую формируются исследователями, рассматривающими западную модель эмансипации в качестве эталонной. При этом существует тенденция игнорировать эмоциональную поддержку, оказываемую женщинами идеям КПК (либо интерпретировать данную поддержку как результат идеологического воздействия), а также тот факт, что в условиях военного времени, экономического упадка и острого дефицита ресурсов синтез элементов конфуцианства с требованиями предоставления женщинам большей экономической самостоятельности представлял собой идеологическую конструкцию, позволившую обеспечить эффективность революционных преобразований в условиях оккупации, массового голода и необходимости мобилизации всех доступных ресурсов для борьбы с внешним агрессором.

Анализ интервью выявил единодушное мнение респондентов о существенном улучшении жизни женщин, в котором политика КПК сыграла значимую роль, что подтверждается воспоминаниями о тяготах, пережитых в дореволюционный период. Для более глубокого понимания причин данной согласованности требуется критический анализ крестьянских жалоб на страдания (суку, 诉苦). В академической литературе представлены различные интерпретации суку: как инструмента политической дисциплины, как средства мобилизации лояльности к правящему режиму, и как способа трансформации национального

самосознания. Однако, акцентируя внимание исключительно на «жалобах» (су), данные интерпретации могут недооценивать объективную реальность «страдания» (ку), особенно в контексте двойного угнетения, которому подвергались женщины, проживающие в сельской местности, испытывавшие как социальную, так и гендерную маргинализацию.

В предреволюционный период в регионе Шэньси-Ганьсу-Нинся религиозная жизнь женщин была тесно интегрирована с социально-экономическими реалиями. В полиэтничной среде (ханьцы, хуэйцы) синкретизм буддизма, даосизма, ислама, шаманизма, культа предков и локальных культов способствовал расцвету народных верований, формируя уникальный культурный ландшафт. В условиях ограниченного доступа к медицинскому обслуживанию и образованию религиозные практики служили для женщин источником надежды на исцеление, обретение стабильности и защиту. Участие в религиозных обрядах способствовало расширению их социальных контактов и предоставляло определенное влияние на процессы, связанные с репродуктивным здоровьем. Религия, таким образом, функционировала как инструмент преодоления социальных ограничений, повышения социального статуса и активизации участия женщин в общественной жизни.

Анализ политики КПК в данном регионе демонстрирует сочетание стратегии религиозной терпимости в отношении основных конфессий, направленной на формирование широкого антияпонского фронта, и кампании по борьбе с суевериями, которые рассматривались как проявления крестьянской отсталости. Кампания против суеверий была в первую очередь направлена против лиц, извлекавших личную выгоду посредством обмана населения и причинявших вред здоровью, таких как гадалки, знахари, шаманы и медиумы. Однако, данная кампания столкнулась со значительным сопротивлением со стороны местного населения, что было обусловлено, в частности, критикой, направленной против шаманов, которые обладали важными медицинскими знаниями и играли значимую роль в функционировании локальных сообществ.

Осознание неэффективности политики принудительного искоренения шаманизма в Пограничном районе привело к корректировке подхода: борьба с суевериями стала интегрироваться в комплексные программы по развитию здравоохранения. Данный подход, ориентированный на распространение научных знаний и формирование рационального мировоззрения, был призван способствовать более критическому отношению к шаманизму и повышению уровня общественного сознания. Внедрение знаний о здравоохранении в традиционные культурные мероприятия (например, храмовые ярмарки) не только обогатило их новым содержанием, но и стало иллюстрацией инновационного синтеза научного знания и народных традиций. Таким образом, борьба с суевериями трансформировалась от принудительных мер к реализации масштабных культурно-идеологических преобразований, направленных на десакрализацию традиционных верований.

Несмотря на административные меры, направленные на ограничение религиозных практик, частично заимствованные из советского антирелигиозного опыта, традиционные деревенские верования продолжали сохраняться в измененном виде. Эти меры привели к значительному сокращению числа храмов и исчезновению некоторых обрядов, однако основные элементы народной религиозности, такие как почитание духов и предков, сохраняли свое влияние в жизни местных сообществ. Это объясняется как политическими, так и культурными факторами. С одной стороны, “Яньаньская модель” сочетала централизованное руководство партии с оперативной самостоятельностью местных органов и организаций, позволяя адаптировать политику к местным условиям. С другой стороны, такая гибкость укоренена в традиционной китайской культуре и социальной психологии, где конфуцианский принцип золотой середины, акцент на гармонии и сохранении лица побуждали местные власти избегать конфликтов и стремиться к стабильности, что выражалось в выборочном применении радикальных политических мер. Интересно, что подобный подход, характеризующийся компромиссом и уступками ради сохранения стабильности,

можно сравнить со стратегией «смотреть сквозь пальцы», которую, как отмечают китайские исследователи, КПК использовала в период реформ и открытости при управлении религиозными верованиями и обрядами. Это позволило народным верованиям сохранить определенное пространство для существования и жизнеспособность.

Особенно значимую роль в процессах адаптации и сохранения религиозных традиций играли женщины, проживающие в сельской местности, опиравшиеся на традиционные верования и ритуалы. В силу своего прагматизма, сельские жители демонстрировали высокую степень адаптивности к многочисленным антирелигиозным кампаниям, находя способы обходить установленные ограничения, формально демонстрируя лояльность к проводимой политике, но продолжая при этом соблюдать наиболее значимые для них обряды в частной сфере. Чудодейственные представления о духовном мире, в частности, вера в целительную силу определенных мест или предметов, продолжали оказывать существенное влияние на их мировосприятие, и процессы модернизации не смогли полностью трансформировать духовную этику сельских жителей.

Более того, опираясь на традиционные верования и ритуалы, такие как участие в обрядах плодородия или почитание женских божеств, женщины, проживавшие в сельской местности, не только оказывали сопротивление патриархальным структурам, но и способствовали упрочению своего социального статуса в семье и обществе. Создавая неформальные сети взаимопомощи и активно участвуя в культурной жизни сельских поселений, они содействовали сохранению религиозных практик, укреплению веры в сверхъестественное и поддержанию традиционных моральных ценностей. Реализация данных механизмов обеспечивала определенную степень защиты для женщин, оказавшихся в уязвимом социальном положении.

Преодоление традиций в процессе модернизации следует рассматривать не как акт тотального отрицания, а скорее как сложный диалектический процесс «снятия», включающий в себя как отказ от устаревших и нефункциональных

элементов, так и сохранение и адаптацию ценных культурных компонентов к новым условиям. В процессе перехода от традиционного общества к современному национальному государству, несмотря на активную практику навешивания ярлыков «суеверий» и «отсталости» на народные верования, противопоставления их «цивилизации» и «прогрессу», представляется необходимым учитывать разнообразие форм и практик в конкретном историческом контексте, и особенно устойчивость традиционных верований в повседневной жизни китайского народа. Данная приверженность традиционным верованиям свидетельствует не только об уважении к культурному наследию, но и о способности к адаптации и органичной интеграции в современный мир.

Реализация политики освобождения женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся существенно отличалась от подходов, применявшихся в Советском Союзе и в западных странах. В СССР эмансипация женщин осуществлялась преимущественно посредством директивных мер государственной власти, таких как принудительная коллективизация труда и обобществление домашнего хозяйства. Несмотря на то, что это привело к быстрому изменению социального положения женщин, данные меры также оказывали деструктивное воздействие на традиционные семейные структуры и вступали в противоречие с устоявшимися семейно-ориентированными этическими нормами. В советской модели эмансипация женщин была подчинена задачам форсированной индустриализации и политической интеграции в рамках доминирующей идеологии, что в значительной степени ограничивало ее социокультурную значимость. В западных странах модернизация женского вопроса развивалась в рамках капиталистической парадигмы, где борьба за права женщин зачастую редуцировалась к отстаиванию индивидуальных свобод и удовлетворению экономических интересов, не затрагивая при этом глубинных системных социальных преобразований.

В отличие от вышеупомянутых моделей, гендерная политика КПК в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся основывалась на традиционных

китайских принципах государственного управления, таких как «народ как основа» (民本, минь бэнь) и стремление к построению «идеального общества единения» (大同, датун). При этом, значительное внимание уделялось гибкости и адаптации к специфическим местным условиям. Отказываясь от директивных методов, КПК активно применяла «массовую линию» (群众路线, цюньчжун лусянь) и принцип «опоры на факты» (实事求是, шиши цюши), что обеспечивало учет интересов различных социальных групп и сохранение традиционных ценностей взаимопомощи и бережливости. Указанный подход, представлявший собой синтез социальной справедливости, культурного самосознания, гуманизма и социальной инклюзивности, ориентировался не только на экономическое и политическое освобождение женщин, но и на их всестороннее развитие как целостной личности, что принципиально отличало его от советской и западной практик.

Пограничный район Шэньси-Ганьсу-Нинся сыграл определяющую роль в процессе модернизации Китая, явившись важным этапом в формировании ее фундаментальных основ. Гендерная политика, проводимая в данном регионе, отражает уникальные характеристики китайской модели модернизации, глубоко укорененной в социокультурных традициях страны. Указанная модель, акцентируя приоритет народного суверенитета и всеобщего благосостояния, рассматривает эмансипацию женщин в качестве неотъемлемой составляющей всестороннего социального прогресса. Кроме того, китайская модель модернизации признает и высоко оценивает вклад женщин в общественное производство, придавая ему как экономическое, так и социокультурное значение. Коммунистическая партия Китая, учитывая актуальные потребности женщин и опираясь на их инициативы, последовательно разрабатывала и реализовывала гендерную политику, направленную на разрешение наиболее острых проблем и обеспечение всестороннего развития женского потенциала. Это способствовало не только закреплению соответствующих норм в законодательстве, но и реальному улучшению положения женщин в обществе.

Список источников

Местные хроники

1. Лэй Юньфэн. Хроника основных событий в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 1990. 438 с.
2. Редкие местные хроники Северо-Запада. Том. 11. Ланьчжоу: Ланьчжоу гуцзи шудянь, 1990. С. 46-47.
3. Серия местных хроник Шэньси. Хроники уезда Хэншань. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1993. С. 131.
4. Хроники провинции Шэньси и фольклорные хроники. Сиань: Саньцин, 2000. С. 179.
5. Хэ Бинъю и др. Комментарии к хроникам уезда Хуанлин на 33-м году Китайской Республики. Том. 18, Обычай, баллады и пословицы. Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 209.
6. Ян Цзинчжэнь (ред.) Местные хроники провинции Шэньси - Обычай. Сиань: Санцинъ, 2000. С. 178.

Нормативно-правовые акты

7. Исследовательский отдел истории женского движения Всекитайской федерации женщин (ред.) Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах. Исторические материалы китайского женского движения (1937-1945). Пекин: Чжунго фунъюй чубаньшэ, 1991. С. 648.
8. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Положение Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (4 апреля 1939 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической

революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 804-807.

9. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Порядок рассмотрения развода супругов бойцов в период сопротивления японским захватчикам (1 января 1943 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 807-808.
10. Хань Яньлун и Чан Чжаожу (ред.) Поправка к временным правилам Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся о браке (20 марта 1944 г.). Избранные документы о правовой системе в революционных базах во время новой демократической революции в Китае. Том. 4. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1984. С. 809.

Делопроизводственная документация

11. Архив провинции Шэньси. Оп. 46. Д. 14. Документ «Вопросы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся».
12. Архив провинции Шэньси. Оп. 46, Д. 14. Документ «Проблемы женских браков в Мичжи».
13. Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Избранные документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся (1937-1949). Внутренние материалы. 1982. 324 с.
14. Женская федерация провинции Шэньси (ред.) Документы и материалы о женском движении в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутренние материалы. 1985. 504 с.
15. Женские федерации провинции Шэньси, Ганьсу и Нинся (ред.) Отчет об основных событиях женского движения в Пограничном районе

Шэньси-Ганьсу-Нинся. Внутренние материалы. 1987. С. 148.

16. Исследовательский отдел истории женского движения Всекитайской федерации женщин (ред.) Постановление ЦК КПК о текущей стратегии в отношении труда женщин в антияпонских базовых районах. Исторические материалы о китайском женском движении (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ. 1991. С. 648.
17. Мао Цзэдун и др. Декрет первой сессии Центрального исполнительного комитета Китайской советской республики «Временные положения о браке» (28 января 1931 г.) // Maoism.ru. 21.11.2020. СМ. <http://maoism.ru/16048>.
18. Пэн Дэхуай. Выступление на закрытии совместного заседания партийных комитетов и женкомов четырех районов Шаньси, Хэбэя, Шаньдуна и Хэнани. Под ред. Исследовательского отдела истории женского движения Всекитайской федерации женщин. Исторические материалы китайского женского движения (1937-1945). Пекин: Чжунго фунюй чубаньшэ, 1991. С. 680-681.
19. Центральный архив (ред.) Декларация Второго национального съезда Коммунистической партии Китая. Избранные документы ЦК КПК. Том. 1. Пекин: Чжунгун чжуньян дансяо чубаньшэ, 1989. С. 116.

Материалы СМИ

20. Жалобы на развод: уголок жизни сельских женщин. Цзефан Жибао. 16 июля 1941 г.
21. Как Ян, глава 1-ого сяна 1-ого цюя уезда Чуньяо, мобилизовал женщин на текстиль? Цзефан жибао, 5 ноября 1943 г.
22. Краткое обсуждение стиля работы женщин. Цзефан жибао, 26 октября 1941 г.
23. На храмовой ярмарке Байяншувань в Ансай была поставлена танцевальная

- драма «Янге» о воспитании детей, а акушерская бригада передала беременным женщинам гигиенические наборы для пуповины. Цзефан жибао, 17 мая 1945 г.
24. На храмовой ярмарке в Янцзяюаньцзы, Цзычан санитария распространялась в форме культурных павильонов, медицинских консультаций и представлений «Янге». Цзефан жибао, 20 мая 1945 г.
25. Организации, включая федерацию женщин, использовали храмовые ярмарки в районе Бэйгоу Люлина для распространения санитарии. Цзефан жибао, 5 мая 1945 г.
26. Проведение борьбы против колдунов. Цзефан жибао, 29 апреля, 1944 г.
27. Размышления о фестивале 8 марта. Цзефан жибао, 9 марта 1942 г.
28. Распространение новой семейной модели в революционных базах. Цзефан Жибао. 25 августа 1944 г.
29. Резолюция по проведению народной санитарно-медицинской работы. Цзефан жибао, 8 января 1945 г.
30. Спасите мать. Цзефан жибао, 8 марта 1942 г.
31. Страница истории развития женского текстиля. Цзефан жибао, 28 февраля 1943 г.
32. Цуй Юэжуй и движение Цуй Юэжуй. Цзефан жибао, 21 октября 1944 г.
33. Чернякова С. Культурный шок здесь неизбежен // Афиша Daily. 09.02.2018. <https://daily.afisha.ru/relationship/8131-zdes-kolyut-botoks-po-fenshuyu-neverooy-atnaya-istoriya-rossiyanki-pereehavshey-v-kitay>.

Список литературы

Историография на китайском языке

34. Бай Юйшуай, Тан Сижуй. Религиозная работа партии в период Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся: исследование на основе сообщений партийных газет // Чжунго цзунцзяо. 2022. № 6. С. 52-53.
35. Ван Ин. Выход из семьи и укрепление семьи: эмансипации женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период антияпонской войны (1937–1945 гг.) // Кайфан шидай. 2018. № 4. С. 31-35.
36. Ван Ли. Явление одиночества женщин в современном Гуандуне: саморасчесывающиеся женщины и отказ от замужества // Гуанси миньцзу сюэюань сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2001. № 3. С. 50-54.
37. Ван Мэйсю. Китайское женское движение под влиянием распространения западных знаний на Восток в период новой истории // Бэйцзин дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 1995. № 4. С. 107.
38. Ван Цзянь. Традиции, правопорядок и идентичность: анализ нарушения земельных прав женщин в китайской деревне // Чжунго нунцунь гуаньча. 2022. № 6. С. 56-67.
39. Ван Шуну. История китайской проституции. Шанхай: Шэнхо шудянь, 1934. 358 с.
40. Ван Яли. Исследование супружеской жизни женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся — с точки зрения отношений между женщинами, браком и революцией. Дис. ... канд. ист. наук. Шаньсийский университет, Тайюань, 2016. С. 207-256.
41. Ван Янь. Женщины берутся за важные дела: организационные техники женского труда в движении за крупномасштабное производство // Фунюй янюцзю луныцун. 2023. № 6. С. 1-15.
42. Всекитайская федерация женщин (ред.) История китайского женского движения. Пекин: Чуньцю чубаньшэ. 1989. С. 65.

43. Ву Чэнван. Движение против колдунов и трансформация сельского общества в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Кэсюэ юй вушэньлунь. 2022. № 4. С. 51-60.
44. Вэнь Вэньфан. Семейное положение детей-невест в конце династии Цин и причины их распространенности // Ганьсу синчжэн сюэюань сюэбао. 2005. № 2. С. 128.
45. Гао Шиюй. Женщины династии Тан. Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 1988. 176 с.
46. Гейл Хершаттер, Ван Чжэн. Китайская история: полезная категория для гендерного анализа // Шэхуэй кэсюэ. 2008. № 12. С. 148-149.
47. Го Юйхуа, Сунь Липин. Жалобы: посреднический механизм формирования национальных концепций крестьян // Китайская академия. Пекин: Шанву иньшугуань. 2002. № 4. С. 130-157.
48. Гу Тао. О традиционных свадьбах, основанных на человеческой природе и чувствах // Цинхуа дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2012. № 1. С. 86-95.
49. Ду Фанцинъ. Шестидесятилетний обзор китайских женщин / гендерной истории: теория и методы // Чжунхуа нюйцзы сюэюань сюэбао. 2009. № 5. С. 13.
50. Ду Фанцинъ, Ван Чжэнь. Женщины и гендер в истории Китая. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ. 2004. С. 51-52.
51. Дэн Янь. Изучение происхождения соответствия «мужчина / внешнее – женщина / внутреннее» и «мужчина / общественное – женщина / частное»: о влиянии гендерных теорий Лян Цичао и Го Можо // Сучжоу кэцзи сюэюань сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2014. № 1. С. 96.
52. И Жолань. Матушки и бабки: исследование положения женщин и общества во времена династии Мин. Тайбэй: Даосян чубаньшэ, 2002. 211 с.

53. Китамура Минору. Принес ли социализм счастье Китаю? Тайбэй: юанью, 2007. С. 140-154.
54. Коу Лэй. Развитие и эволюция идеи «слияние трёх учений» в эпоху Мин: взгляд через призму общения конфуцианцев, даосов и буддистов // Лаоцзы сюэкань. 2019. № 2. С. 157-165.
55. Ли Вэньхай (ред.) Серия социальных исследований в Китайской Республике: Брак и семья. Фучжоу: Фуцзянь цзяоюй чубаньшэ. 2005. С. 454.
56. Ли Лифэн. Жалобы на земельную реформу: микроанализ техник народной мобилизации // Наньцзин дасюэ сюэбао (Чжэсюэ жэньвэнь кэсюэ шэхуэй кэсюэ). 2007. № 5. С. 97-109.
57. Ли Ся. Традиционный обряд цайли в народных обычаях и его эволюция. Миньсу яньцзю. 2008. №. 3. С. 254.
58. Ли Фаюань (ред.) Песни о любви северного Шэньси. Юйлинь: Юйлинская газетно-полиграфическая фабрика. 2005. С. 275.
59. Ли Цзиньчжэн. Образы народа: Исследование повседневной жизни в период Китайской Республики // Аньхой шисюэ. 2015. № 3. С. 36-48.
60. Ли Цзиньчжэн. Затруднения между разрушением и возрождением: споры о будущем китайской сельской кустарной промышленности в 1930-1940-е годы // Цзянхай сюэкань. 2015. № 1. С. 169-177.
61. Ло Сувэнь. Женщины и общество современного Китая. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 1996. 531 с.
62. Люй Симянь. Краткая история китайской брачной системы. Шанхай: Чжуншань шуцзю, 1929. 100 с.
63. Лян Цичао. Обсуждение реформ. Рассуждения о женском образовании. Коллекция работ Иньбинши. Том. 1. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. С. 37.
64. Лян Цичао. Обсуждение реформ. Рассуждения о учёных обществах.

- Коллекция работ Иньбинши. Том. 1. Пекин: Китайское книжное бюро, 2015. С. 31.
65. Лян Цичао. Инициатива создания женской учебной школы. Коллекция работ Иньбинши. Том. 2. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015. С. 19.
66. Лян Шумин. Теория строительства деревни. Пекин: Шанву иньшугуань. 2015. 495 с.
67. Ма Гэнцунь. История женщин в современной Китае. Циндао: Циндао чубаньшэ, 1995. 312 с.
68. Марк Селден. Китай в революции: Яньаньский путь. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002. С. 202.
69. Музей изобразительных искусств Китая (ред.). Коллекция ксилографий за восьмилетний период сопротивления японским захватчикам. Наньнин: Гуанси мэйшу чубаньшэ, 2005. 201 с.
70. Мэн Юэ, Дай Цзиньхуа. Выход из поверхности истории. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1989. С. 5.
71. Объединенная археологическая экспедиция по ранней культуре Цинь. Путешествие в Жунди: археологические исследования во Внутренней Монголии, Шэньси, Нинся и Лундун // Археология и реликвии. 2012. № 1. С. 96-107.
72. Пи Циншэн. Концепция о чжэнси и иньси в династии Сун // Дунюэ луньцун, 2005. № 4. С. 25-35.
73. Син Гуан, Чжан Ян (ред.). История финансов и экономики пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в период сопротивления японским захватчикам. Сиань: Сибэй дасюэ чубаньшэ. 1988. С. 13-14.
74. Стронг А.Л. Китайцы покоряют Китай (Пер. с англ. Л. Вэйнина). Пекин: Пекин чубаньшэ, 1984. С. 164.

75. Су Вэй. Легендарная жизнь Лю Цяоэр: Художественный прототип Лю Цяоэр — Фэн Чжицин. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2005. 335 с.
76. Сун Шаопэн. Китай и женщины в зеркале Запада: гендерные стандарты цивилизации и рассуждение о феминизме в конце династии Цин. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2016. С. 105.
77. Сунь Гаоцзе. Помощь женщинам в Пекине в 1902-1937 годах: Исследование официальной благотворительности. Дис. ... канд. ист. наук. Нанькайский университет, Тяньцзинь, 2012. 250 с.
78. Сюй Сюэцин. Рассмотрение уродливой практики мужского превосходства в сельской местности на современном этапе // Хэнань шэхуэй кэсюэ. 2001. № 1. С. 108.
79. Сюй Фэнвэнь, Ван Куньцзян. Уродливые обычаи в Китае. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2001. С. 23.
80. Тао Цзысян. Высокая сумма выкупа за невесту: взгляд на понимание феномена сельской эксплуатации внутри поколений – размышления о ранних браках сельских женщин с гендерной точки зрения // Миньсу яньцзю. 2011. № 3. С. 266.
81. Фань Хунся. Ранние исследования КПК по китаизации марксистской теории о женщинах — на основе интерпретации классических произведений и документальных текстов // Чжунхуа ньюцзы сюэюань сюэбао. 2022. № 3. С. 32-37.
82. Фридман М. Линиджевая организация в Юго-Восточном Китае. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2000 [1958]. С. 38.
83. Фэн Цзянься. Гендер и профессия: Идентичность женщины-журналиста в период Китайской Республики (1920-е – 1940-е годы). Дис. ... канд. ист. наук. Фуданьский университет, Шанхай, 2013. 190 с.

84. Фэн Цзянься. #Видеть женщин-трудящихся#: Женские мы-медиа и акционизм в дискурсе во время пандемии COVID-19 // Синьвэнь цзичжэ. 2020. № 10. С. 32-44.
85. Фэн Чжицинъ. Воспоминания о Ма Сиву. Избранное собрание литературно-исторических материалов Ганьсу // Под ред. Комитета по исследованию литературно-исторических материалов. № 12. Ланьчжоу: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 1982. С. 145-148.
86. Фэн Шипин. Выбор партнера: процесс, пронизанный волей родителей. Краткий анализ влияния сельских родителей на выбор партнера детьми в провинции Ганьсу // Ганьсу шэхуэй кэсюэ. 1998. № 2. С. 47.
87. Фэн Эركان, Чан Цзяньхуа. Социальная жизнь людей Цин. Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 1990. 475 с.
88. Хоу Яньсин. Исследование проблемы женских самоубийств в Шанхае (1927-1937). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2008. 326 с.
89. Ху Юэхань, Се Юндун. Обзор исследований повседневной жизни в Китае // Шилинь. 2010. № 5. С. 174-182.
90. Хуан Чжэнлинь. Сельские женщины в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся во время антияпонской войны // Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2004. № 2. С. 75-99.
91. Цзин Сяньцзин. Повседневная жизнь женщин-рабочих в Шанхае во время войны (1937-1945). Дис. ... канд. ист. наук. Восточно-китайский педагогический университет, Шанхай, 2017. 250 с.
92. Цзян Пэй. Структурный анализ проституции в Тяньцзине первой половины 20 века // Цзидайши яньцзю. 2003. № 2. С. 153-186.
93. Цинь Янь. Изменения брачно-семейной системы в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период сопротивления японским захватчикам //

Канжи чжаньчжэн яньцзю. 2004. № 3. С. 181-200.

94. Цинь Янь, Юэ Лун. Выход из изоляции: брак и рождаемость женщин северного Шэньси (1900—1949 гг.). Сиань: Шэньси жэньминь чубаньшэ, 1997. 236 с.
95. Цуй Ланьпин. Анализ реформы системы брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся // Сибэй дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2000. № 4. С. 96-99.
96. Цун Сяопин. От «свободы брака» к «самоопределяемому браку»: реконструкция брака в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в 40-х годах XX в. // Кайфан шидай. 2015. № 5. С. 132-142.
97. Цюй Таочжу. Си Чжунсюнь в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. Пекин: Чжунго вэньши чубаньшэ, 2014. 486 с.
98. Чан Либин. Теория и методы исследования повседневной жизни — пересмотр одного из направлений социально-исторических исследований // Шаньси дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэбань). 2009. № 2. С. 67-71.
99. Чан Цзяньхуа. Повседневная жизнь и социально-культурная история — исследование социальной и культурной истории Китая в свете «новой культурной истории» // Шисюэ лилунь яньцзю. 2012. № 1. С. 67-79.
100. Чжан Цзюмин, Люй Юйшан (ред.). Антология ксилографии Гу Юаня. Пекин: Жэньминь мэйшу чубаньшэ, 1993. 112 с.
101. Чжао Фэнцзе. Правовой статус женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1928. 152 с.
102. Чжао Цзин. Исследование гигиены родов в современном Шанхае (1927-1949). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2016. 312 с.
103. Чжоу Дамин, Го Юнпин. Гендер, власть и формирование идентичности: исследование на примере железной девушки Дачжэй // Цинхай миньцзю

яньцзю. 2013. № 10. С. 10.

104. Чжоу Лэй. Создание нового направления женского движения — обсуждение «Решения КПК от 3 апреля» во время антияпонской войны // Шаньси шида сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2015. Том. 42. № 4. С. 14-19.
105. Чжоу Лэй. Конфликт и слияние — изменения в семейной политике КПК во время антияпонской войны // Фунюй яньцзю луныцун. 2017. № 3. С. 40-48.
106. Чжоу Цзиньтао. Культурное образование сельских женщин в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся в период войны сопротивления японским захватчикам // Синань миньцзу дасюэ сюэбао. 2012. № 11. С. 214-219.
107. Чжэн Юнфу, Лю Мэйи. Жизнь женщин в современной Китае. Чжэнчжоу: Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1993. 419 с.
108. Чэнь Бинь, Чэнь Дэцян. Пересмотр определения народной веры // Цзинганшань дасюэ сюэбао (Шэхуэй кэсюэбань). 2010. № 4. С. 55-62.
109. Чэнь Гуюань. История брака в древнем Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1925. 148 с.
110. Чэнь Дунъюань. История жизни женщин в Китае. Пекин: Шанву иньшугуань, 1937. 439 с.
111. Элизабет Дж. Перри. Повторное посещение китайской революции: эмоциональная модель // Китайская академия. Пекин: Шанву иньшугуань. 2001. № 4. С. 97-121.
112. Юе Гофан. Исследование социальных и культурных изменений в сельских районах Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в период Яньань. Дис. ... канд. ист. наук. Шэньсийский педагогический университет, Сиань, 2017. С. 44.
113. Ян Няньцун. Воссоздание «больного»: пространственная политика в контексте конфликта между китайской и западной медициной (1932-1985).

Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2006. С. 371.

114. Ян Цзе. Первые попытки женского образования: раннее развитие женского образования в Китае на примере Шанхайской женской школы // Чжэцзян сюэкань. 2001. № 6. С. 115-119.
115. Янь Янчу. Образование для народа и движение за строительство деревни. Пекин: Шанву иньшугуань, 2017. 547 с.

Историография на английском языке

116. Chau M. R., Sun Y. F. The reconfiguration of religious ecology in Post-Mao China; and Weller R. Responsive authoritarianism and blind-eye governance in China, in *Socialism vanquished, socialism challenged, Eastern Europe and China 1989-2009*, eds. Bandelj N. and Solinger D. J. Oxford: Oxford University Press. P. 83-102.
117. Cheng L. Women and class analysis in the Chinese land revolution // *Berkeley Women's Law Journal*. 1988. Vol. 4. № 1. P. 62.
118. Cong X. P. *Marriage, law and gender in revolutionary China (1940–1960)*. N.Y.: Cambridge University Press, 2016. P. 150-161.
119. Davin D. *Woman-work: Women and the party in revolutionary China*. New York: Oxford University Press, 1976. 244 p.
120. Diamond N. Collectivization, kinship, and the status of women in rural China // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*, 1975. № 1. P. 25-32.
121. Hershatter G. *The gender of memory: Rural women and China's collective past*. Berkeley: University of California Press, 2011. P. 61-63.
122. Higgins L., Zheng M., Liu Y., Sun C. H. Attitudes to marriage and sexual behaviors: A survey of gender and culture differences in China and United Kingdom // *Sex Roles*. 2002. Vol. 46. № 3. P. 75-89.

123. Huang K. W. The origin and evolution of the concept of mixiu (superstition): A review of May Fourth scientific views // Chinese Studies in History. 2016. № 2. P. 64-65.
124. Huang P. C. C. Chinese civil justice, past and present. New York: Rowman & Littlefield, 2009. P. 109-113.
125. Jacka T. Women's work in rural China: Change and continuity in an era of reform. New York: Cambridge University Press, 1997. P. 30.
126. Kay A. J. Women, the family and peasant revolution in China. Chicago: University of Chicago Press, 1983. 282 p.
127. Keating P. B. Two revolutions: village reconstruction and the cooperative movement in northern Shaanxi, 1934-1945. Stanford: Stanford University Press, 1997. P. 7.
128. Meijer M. J. Marriage law and policy in the Chinese People's Republic. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1971. 369 p.
129. Nedostup R. Superstitious regimes: Religion and the politics of Chinese modernity. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2009. 459 p.
130. Popkin, S. L. The rational peasant: The political economy of rural society in Vietnam. Berkeley: University of California Press, 1979. 306 p.
131. Rofel L. Other modernities: Gendered yearnings in China after socialism. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 137-149.
132. Scott J. C. Seeing like a state: How certain schemes to improve the human condition have failed. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 1-6.
133. Stacey J. Patriarchy and socialist revolution in China. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 250-253.
134. Stranahan P. Yan'an women and the Communist Party. Berkeley: University of California, Institute of East Asian Studies, 1983. 130 p.

135. Wang D. The teahouse: small business, everyday culture, and public politics in Chengdu, 1900-1950. Stanford: Stanford University Press, 2008. 376 p.
136. Wolf M., Witke R. eds. Women in Chinese society. Stanford: Stanford University Press, 1975. 315 p.
137. Xu G. Medical missionaries in Guangzhou: The initiators of the modern women's rights movement in China // Asian Journal of Women's Studies, 2016. № 4. P. 443-461.

Историография на русском языке и других языках

138. Баженова Е.С., Островский А.В. Население Китая. М.: Мысль, 1991. 235 с.
139. Безбах В.В. и др. Гражданский процесс и гражданское законодательство в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. М.: РУДН, 2015. С. 132-137.
140. Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 1: Пу-Ча Дао-Юань // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 2(8). С. 20-29.
141. Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань. Ч. 2: Во-ле Шоу-цзянь // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 3(9). С. 16-23.
142. Белая И.В. О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 3: Ао-дунь Мяо-шань // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-1(10). С. 9-18.
143. Бельченко А.С, Новоселова М.Г. Гендерные аспекты саньцзяо (конфуцианство, даосизм, буддизм) // Modern oriental studies. 2021. № 3(4). С. 525-535.
144. Бергер Я.М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 1. С. 100-113; № 2. С. 76-91.

145. Бичурин Н.Я. Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение. СПб.: издание Мициковой, 1840. С. 165-176.
146. Бичурин Н.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. СПб.: издание О.В. Базунова, 1848. 423 с.
147. Воцилина Е.В. Семейно-клановые отношения в китайском обществе // Культурологические опыты / Отв. ред. М.В. Амгаланова, Е.С. Манзырева. Улан-Удэ, 2017. С. 27-30.
148. Георгиевский С.М. Принципы жизни Китая. СПб., 1888. С. 120-143.
149. Дампилон Н.Б. Положение женщины в современной китайской семье // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 139-142.
150. Дворкин А. Гиноцид, или китайское бинтование ног // Антология гендерной теории / Ред. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск: Прописи, 2000. С. 7-29.
151. Еремкина Т.А. Тенденции развития современной китайской семьи: философско-антропологический анализ. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Читинский государственный университет, Чита, 2007. 24 с.
152. Ли Илэй, Пушкарева Н.Л. Правовые аспекты семейной жизни китайцев в первой половине XX в.: эрозия патриархальности, последствия модернизации // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 190-205.
153. Лобова А.А. Женский вопрос в философской мысли Китая в начале XX в. // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2020. № 7. С. 385.
154. Манухина О.В. Институт семьи и брака в Китае в период реформ и открытости: исторический аспект. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт Дальнего Востока РАН, Москва, 2007. 24 с.
155. Мыльникова Ю.С. Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII-XIII века) СПб.: НП-ПРИНТ, 2014. 336 с.
156. Мэйбон А. Феминизм в Китае (Пер. с англ. Мацокина Н.П.) // Вестник Азии.

1910. № 8. С. 44-57.
157. Попов А.Г. Трансформация традиционной городской семьи в Китае. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт востоковедения, Москва, 2005. 16 с.
158. Почагина О.В. Новая редакция закона КНР о браке // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 3. С. 22-33.
159. Почагина О.В. Китайская молодёжь: отношение к семье и браку // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 6. С. 109-124.
160. Почагина О.В. Модернизация представлений о семье и браке в современном Китае // Китай в диалоге цивилизаций: к 70-летию академика М.П. Титаренко. М., 2004. С. 671-680.
161. Почагина О.В. Семья: новые формы - иные ценности // Отечественные записки. 2008. № 3. С. 234-246.
162. Почагина О.В. Изменение политики «Одна семья-один ребенок» в Китае: причины и ожидаемые результаты // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 3. С. 94-106.
163. Протопопова О.В. Становление и развитие законодательства о браке и семье в Китае // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 6. С. 70-73.
164. Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3-19.
165. Пушкарева Н.Л. История повседневности и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Glasnik Etnografskogo instituta SANU (Beograd). 2005. № 53. С. 21-34.
166. Пушкарева Н.Л. Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестник РУДН. Серия История. 2019.

Том. 18. № 2. С. 214-245.

167. Пушкарева Н.Л. Пушкарева И.М. Два века женского движения в России и его современное состояние // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 2. С. 20.
168. Пушкарева Н.Л., Ли Илэй. Женская история в трудах китайских ученых второй половины XX в. // *Oriental Studies*. 2023. Том. 16. № 2. С. 404-416.
169. Сенин Н.Г. (ред.) Ли Дачжао. Избранные произведения. Пер. с кит. М.: Наука. 1989. С. 233.
170. Синецкая Э.А. Феминизм в Китае // *Духовная культура Китая*. 2006. Том. 4. С. 665-667.
171. Синецкая Э.А. "Путешествие на Запад" китайской женщины, или Феминизм в Китае. Москва, СПб.: Институт востоковедения РАН, Нестор-История, 2019. 612 с.
172. Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука. 1977. С. 28-88.
173. Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм, большевизм, 1860–1930. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 56-57.
174. Судариков Н.Г. Демократизация семейно-брачного законодательства Китайской Народной Республики // *Советское государство и право*. 1954. № 7. С. 33-40.
175. Турицын И.В. (ред.) Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949-1960 гг.). М: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.
176. Уланов М.С. Религиозный статус женщины в китайской буддийской традиции // *Вестник Калмыцкого университета*. 2020. № 2(46). С. 101-109.

177. Хисамутдинов А.А. Как русские изучали Китай: Общество изучения Маньчжурского края. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2018. С. 8.
178. Цыпилова С.С. Положение женщины в современном китайском обществе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2(61). С. 158-163.
179. Шэнь Чжихуа. Советские специалисты в Китае (1948-1960) (Пер. с кит. А. А. Тагировой). М.: Наука-Восточная литература, 2015. 423 с.
180. Яичков К.К. Брачно-семейное право Китайской Народной Республики // Социалистическая законность. 1952. № 1. С. 52-58.

Примерный вопросник

Наша беседа является конфиденциальной. Полученные данные будут использованы исключительно в научных целях. Прошу вас разрешить использование предоставленной информации в исследовательских целях.

Личная информация

- Год вашего рождения?
- Место вашего рождения?
- Ваша национальность?
- Ваше семейное положение?
- Ваш уровень образования?
- Год рождения ваших родителей?
- Место рождения ваших родителей?
- Каков уровень их образования?

I. Изменения в семье и браке

- До реформ, как заключался брак ваших родителей?
- Изменились ли брачные обычаи после реформ? Например, стало ли больше свободных браков или увеличилась ли автономия женщин в брачных вопросах?
- Каково было положение вашей матери в семье до реформ? Кто принимал основные решения в доме?
- Изменилось ли положение вашей матери в семье после реформ? Увеличилось ли её участие в принятии семейных решений?

II. Изменения в трудовой деятельности

- Каким был основной ежедневный труд вашей матери до реформ?
- Изменился ли её повседневный труд после реформ?
- Каков был основной источник доходов вашей матери до реформ?
- Получила ли ваша мать большую экономическую автономию после реформ?
Появились ли новые источники доходов?

III. Изменения в религиозной жизни и культурной деятельности

- Какую религию или религиозные верования исповедовала ваша мать до реформ? Как они влияли на её повседневную жизнь?
- Изменились ли её религиозные или религиозные верования после реформ?
Как новые идеологии или верования повлияли на её жизнь?
- Принимала ли ваша мать участие в религиозных или культурных мероприятиях в деревне до реформ? Как это влияло на её религиозную жизнь?
- После реформ, продолжала ли ваша мать участвовать в религиозных или культурных мероприятиях в деревне?

Приложение № 2

Авторский архив. Список респонденток, давших интервью.

№	ФИО шифр	Год рождения	Пол	Професси я	Семейный статус	Место записи	Дата записи
1	MXQ	1935 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь	21.04.2023
2	YSL	1936 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь	21.04.2023
3	MDW	1952 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь	22.04.2023
4	GFQ	1953 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь	21.04.2023
5	MGF	1957 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Яньтай, пос. Мубо, у. Хуаньсянь	22.04.2023
6	LXQ	1936 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи	23.04.2023
7	HZQ	1938 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. баймамяо, пос. Наньлян, у. Хуачи	24.04.2024

8	HGJ	1947 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи	24.04.2023
9	HBQ	1949 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Баймамяо, пос. Наньлян, у. Хуачи	23.04.2023
10	HZT	1949 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Лиюаньпу, пос. Наньлян, у. Хуачи	23.04.2023
11	RLL	1933 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	26.04.2023
12	HYZ	1937 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	25.04.2023
13	ZYZ	1937 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Ляньчи, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	26.04.2025
14	RYZ	1937 г.	Ж.	Крестьянка	Вдова	д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	25.04.2023
15	LPH	1945 г.	М.	Крестьян	Женат	д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	25.04.2025
16	LYT	1950 г.	Ж.	Крестьянка	Замужем	д. Яовандун, пос. Цинчэн, у. Цинчэн	26.04.2025

Транскрипты интервью

Интервью в рамках исследования «Повседневность и религиозный мир женщин в крестьянских семьях северного Китая в первой половине XX века», МХQ, 1935 г. р., д. Яньтай, пос. Мубо, уезд Хуаньсянь, пров. Ганьсу, КНР, 21.04.2023 г.

А: Здравствуйте, бабушка. Наша беседа будет конфиденциальной, и вся полученная информация будет использоваться исключительно в научных целях. Разрешаете ли вы использовать предоставленные вами данные в исследовательских целях?

Б: Да, конечно.

А: Моя диссертация посвящена изучению повседневной жизни и религиозного мира женщин в крестьянских семьях северного Китая в первой половине XX века.

Б: Понимаю.

А: Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Б: Меня зовут МХQ.

А: В каком году вы родились?

Б: Я родилась в год Свиньи, в 1935 году.

А: Где вы родились?

Б: Я родилась в этом селе, деревня Яньтай.

А: Ваша национальность?

Б: Я ханька.

А: Каков ваш семейный статус?

Б: Мой супруг умер в 2000 году, с тех пор я живу одна.

А: Какое у вас образование?

Б: Я посещала курсы ликвидации неграмотности.

А: Как долго вы посещали эти курсы?

Б: Ходила на курсы несколько месяцев, это было зимой, когда меньше было сельскохозяйственной работы. Вечерами посещала занятия.

А: Чему обычно обучали на курсах по ликвидации неграмотности?

Б: Обычно обучали самым простым китайским иероглифам, таким как один, два, три, а также словам вроде большой, маленький, верх, низ.

А: Понятно. Вы раньше где-нибудь работали?

Б: Нет, я всегда занималась сельским хозяйством дома.

А: Год рождения ваших родителей?

Б: Мой отец тоже родился в год Свиньи, он старше меня на два 12-летних цикла, а моя мать младше отца на два года.

А: Значит, ваш отец родился в 1911 году, а ваша мать в 1913 году, верно?

Б: Да.

А: Место рождения ваших родителей?

Б: Мой отец тоже из этой деревни, а моя мать из деревни Чжоувань.

А: Каков уровень их образования?

Б: Мой отец учился в частной школе, а моя мать не училась и была неграмотной.

А: Вы знаете, в каком году ваши родители поженились?

Б: Я точно не помню, знаю только, что их познакомила деревенская сваха.

А: Ваш отец заплатил выкуп за невесту, когда женился на вашей матери?

Б: Конечно, заплатил. Это сделал мой дедушка.

А: А сколько ваш дедушка заплатил, вы знаете?

Б: Точно не знаю.

А: Вы в детстве слышали о каких-то реформах КПК, касающихся брака?

Б: Да, слышала. В то время повсюду пропагандировали свободу брака.

А: Как вы считаете, изменились ли брачные обычаи после реформ?

Б: Что ты имеешь в виду?

А: Например, стало ли больше свободных браков или увеличилась ли автономия женщин в брачных вопросах?

Б: В детстве я и не слышала о разводах, у женщин тогда не было такой идеи.

А: Если у двух людей возникали конфликты, они всё равно не разводились?

Б: Конфликты в браке неизбежны.

А: Почему вы считаете, что конфликты в браке неизбежны?

Б: У каждой семьи свои скрытые горести, какой брак без конфликтов? Это нормально: ссориться у изголовья кровати и мириться у её изножья.

А: По вашему мнению, каково было положение вашей матери в семье до реформ?

Б: Раньше у женщин было очень низкое положение в обществе.

А: Почему вы так считаете?

Б: Одним из самых ужасных примеров является бинтование ног у женщин.

А: Вам бинтовали ноги?

Б: Нет, в период реформ положение женщин в семье изменилось, и правительство уже запретило бинтовать ноги. Но у моей мамы были маленькие ноги.

А: Ты видел когда-нибудь маленькие ноги своей матери, скрытые под бинтами для бинтования?

Б: Конечно, видела! Средний палец, безымянный палец и мизинец на ноге согнуты к центру ступни. Постоишь немного — и боль становится невыносимой, приходится только терпеть.

А: Кто принимал основные решения в доме?

Б: Конечно, все важные и даже мелкие решения принимал мой отец.

А: Стало ли ваша мать больше участвовать в принятии семейных решений после реформы?

Б: Нет, моя мать всё равно в основном слушала его.

А: Вы слышали в детстве о практике продажи девочек в качестве будущих невест?

Б: Когда моя мать была маленькой, такие случаи встречались довольно часто. Но в мое время я практически не слышала об этом.

А: Как вы думаете, какие основные причины привели к этому изменению?

Б: Раньше люди страдали от голода и нехватки пищи, и вынуждены были поступать таким образом. В 1940-е годы крестьянам выделили земли, их жизнь улучшилась, и случаи продажи девочек стали редкостью.

А: Можно ли сказать, что улучшение условий жизни крестьян напрямую связано с прекращением продажи девочек в качестве будущих невест?

Б: Да, безусловно.

А: Каким был основной ежедневный труд вашей матери до реформ?

Б: Подготовка, шитьё, работа в поле — она делала всё.

А: Изменился ли её повседневный труд после реформ?

Б: Ничего не изменилось. Когда женщин избавят от этой участи? Работы только больше стало, а не меньше.

А: Как вы думаете, какую пользу принесла политика КПК для женщин?

Б: Достоинство! Тогда женщины работали, как лошади или быки, мужчины относились к ним как к низшим существам, и о каком достоинстве могла идти речь! Однако благодаря правильной политике КПК женщины у нас обрели статус.

А: Каков был основной источник доходов вашей матери до реформ?

Б: Главным занятием было земледелие, а в свободное от работы на земле время она часто шила тканевые туфли и стельки и продавала их на рынке, чтобы заработать немного денег.

А: Вы знаете, участвовала ли ваша мать в прядильно-ткацкой группе, организованной КПК?

Б: В детстве она часто рассказывала мне о прядильно-ткацкой группе и кооперативах.

А: Часто?

Б: Да, потому что у нее появились новые источники дохода. Моя мама таким образом заработала немало денег.

А: Можете ли вы рассказать, как именно работали кооперативы и как происходил процесс получения дохода от хлопка?

Б: Из одного цзиня хлопка можно было получить до 16 лянов ниток, половина которых оставалась в кооперативе, а другую половину можно было обменять на готовую ткань или зерно.

А: Можно сказать, что присоединение к кооперативу могло значительно улучшить

благосостояние

семьи?

Б: Да, именно так.

А: Вы знаете о политике КПК в отношении веры?

Б: Знаю, атеизм же.

А: Какую религию или религиозные верования исповедовала ваша мать до реформ?

Б: Моя мама часто ходила в храм, чтобы возжигать благовония, но, честно говоря, я не знаю, какой именно религии она придерживалась.

А: А вы знаете, в какие храмы она обычно ходила, чтобы возжигать благовония?

Б: В наших местностях люди обычно посещают храм нянннн дарующей детей или храм нянннн зрения.

А: Почему люди посещают храм нянннн дарующей детей или храм нянннн зрения?

Б: Многие идут в храм нянннн дарующей детей, чтобы молиться о рождении мальчика. А в храм нянннн зрения приходят с молитвами о здоровье глаз.

А: Молитвы о здоровье глаз?

Б: Да, дело в том, что женщины часто готовят на кухне, где приходится разжигать огонь, и их глаза подвергаются воздействию дыма. Поэтому они молятся о сохранении здоровья глаз.

А: Изменились ли её религиозные или религиозные верования после реформ?

Б: Нет, не было никаких изменений. Как ходили ставить благовония и жечь бумажные деньги, так и продолжают.

А: Принимала ли ваша мать участие в религиозных или культурных мероприятиях в деревне до реформ?

Б: Да, конечно, храмовые ярмарки были очень оживлёнными. В детстве самым радостным событием было, когда родители брали нас на ярмарку смотреть театральные представления.

А: Могли бы вы подробно рассказать, как проходили храмовые ярмарки?

Б: Когда в деревне проводились храмовые ярмарки, ставились спектакли оперы Циньцян, и вся деревня оживлялась: мельницы и печи работали на полную мощность, женщин из соседних домов приглашали на представления, угощения и

ночлег, а повсюду царила радость и веселье.

А: Мужчины и женщины сидели вместе?

Б: На площади перед храмом Цзушии чётко размечались линии, которые разделяли мужскую и женскую аудитории: мужчины стояли впереди, а женщины располагались позади на скамейках.

А: Кроме представлений, какие ещё мероприятия проводились на ярмарке?

Б: Вдоль старой улицы за храмом располагались торговые палатки с едой, и шум голосов продавцов и покупателей наполнял воздух.

А: Как долго длились представления?

Б: Опера Циньцян обычно длилась три дня, причём показывались как дневные, так и ночные представления.

А: После реформ ваша мать продолжала участвовать в религиозных или культурных мероприятиях в деревне?

Б: Не было никаких изменений. Возможно, во время культурной революции некоторые храмы превратились в школы, но позже деревня собрала деньги и построила много новых храмов.

А: Была ли ограничена связь вашей матери с внешним миром до реформ?

Увеличились ли её контакты с внешним миром после реформ?

Б: Раньше общение между мужчинами и женщинами было сдержанным, но позже оно стало более открытым.

А: Могли бы вы подробно описать это изменение?

Б: Раньше женщины даже стеснялись разговаривать с мужчинами, когда работали в поле, и прятались при их приближении. Однако в прядильно-ткацких группах и кооперативах они начали свободно общаться с представителями противоположного пола. Когда женщины зажигали благовония в храме, они больше не испытывали неловкости или дискомфорта, даже если рядом были мужчины.

А: Спасибо за ваше интервью.

Б: Не за что.

Интервью в рамках исследования «Повседневность и религиозный мир женщин в крестьянских семьях северного Китая в первой половине XX века», RLL, 1933 г. р., д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР, 26.04.2023 г.

А: Здравствуйте, бабушка. Наша беседа будет конфиденциальной, и вся предоставленная информация будет использоваться исключительно в научных целях. Разрешаете ли вы использование ваших данных в исследовательских целях?

Б: Да, хорошо.

А: Моя диссертация посвящена изучению повседневной жизни и религиозного мира женщин в крестьянских семьях Северного Китая в первой половине XX века.

Б: Поняла.

А: Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Б: Меня зовут RLL.

А: В каком году вы родились?

Б: Я родилась в 22 году Миньго.

А: То есть в 1933 году?

Б: Да.

А: Где вы родились?

Б: Я родилась в деревне Ляньчи, а после замужества переехала в Яовандун.

А: Какая у вас национальность?

Б: Я ханька.

А: Каков ваш семейный статус?

Б: Мой муж умер в 2000 году.

А: После этого вы больше не выходили замуж?

Б: Нет.

А: Какое у вас образование?

Б: Я не ходила в школу.

А: Почему?

Б: В то время считалось, что девочкам учёба не нужна, и обычно в школу отправляли только мальчиков.

А: А вы не посещали курсы по ликвидации неграмотности?

Б: Нет.

А: По какой причине?

Б: Приходили люди сверху, звали меня, но работы дома было слишком много, и мой отец не позволил мне пойти.

А: Вы всегда работали в поле?

Б: Да.

А: В каком году родились ваши родители?

Б: Мои родители родились в конце династии Цин.

А: В конце династии Цин?

Б: Да, мой отец родился в 1898 году, а мама — в 1900.

А: Где родились ваши родители?

Б: Мои родители родом из деревни Ляньчи.

А: Каков уровень их образования?

Б: Мой отец учился в частной школе, а моя мать была неграмотной, она не умела ни читать, ни писать.

А: Когда ваши родители поженились?

Б: Точную дату я не помню.

А: Как был заключён их брак?

Б: Это был брак по договоренности.

А: Знаете ли вы, сколько выкупа семья вашего отца дала семье вашей матери?

Б: Нет, этой информации у меня нет.

А: А на вашей свадьбе был выплачен выкуп?

Б: Да, кажется, дали около 10 серебряных юаней и несколько даней пшеницы.

А: В детстве вы слышали о брачных реформах КПК?

Б: Да, я об этом слышала.

А: Как вы считаете, получили ли женщины больше свободы и автономии в принятии решений относительно брака?

Б: Возможно, да. По крайней мере, когда я была маленькой, я слышала, что моя тётя развелась, и это тогда казалось чем-то необычным.

А: Каково было положение вашей матери в семье до реформ?

Б: Раньше у женщин было низкое положение в семье.

А: Почему вы так считаете?

Б: Тогда у женщин не было собственных денег, и для покупки вещей им требовалось согласие мужа. Многие страдали от женских заболеваний, но не имели средств на лечение. Даже если у мужа были деньги, он мог отказать в выделении средств на лечение. Женщины с раком шейки матки зачастую были вынуждены просто ждать смерти.

А: Изменилась ли ситуация после реформ?

Б: Конечно, изменилась. Правительство провозгласило равенство мужчин и женщин, начало поощрять женщин зарабатывать самостоятельно. Они могли распоряжаться заработанными деньгами, и хотя бы на лечение хватало.

А: Каков был основной ежедневный труд вашей матери до реформ?

Б: В основном она занималась земледелием и шитьём. Раньше одежду делали полностью самостоятельно: пряли ткань, шили одежду — это отнимало очень много времени и сил. Это были традиционные женские обязанности.

А: Можете подробнее рассказать о том, как ваша мать пряла и ткала?

Б: У нас холодный климат, не подходящий для выращивания хлопка. Принято было обменивать зерно на хлопок из провинции Шэньси, затем сами пряли и ткали. Вся одежда и обувь для нашей семьи из семи человек делалась моей мамой. С самого детства я не помню, чтобы мама когда-либо спала. Когда я просыпалась утром, она уже была в поле, а вечером всегда занималась шитьём.

А: Она продавала одежду и обувь, которую делала?

Б: Да, продавала тканые обувь и стельки, чтобы заработать немного карманных денег.

А: Это был один из основных источников дохода вашей матери до реформ, верно?

Б: Да.

А: Изменилась ли её работа после реформ?

Б: Нет, ничего не изменилось.

А: Вы знали, что ваша мать участвовала в прядильно-ткацкой группе?

Б: Да, знала. Она действительно участвовала.

А: А знаете, почему она присоединилась к прядильно-ткацкой группе?

Б: Мама стремилась соткать как можно больше, чтобы заработать деньги, необходимые для покупки хлопка для одежды. Она решила присоединиться к прядильно-ткацкому кооперативу, организованному властями, так как за вложенный труд участницам предоставлялось несколько цзиней хлопка.

А: То есть, участие в прядильно-ткацкой группе позволило вашей матери получить средства производства?

Б: Можно и так сказать, но женский труд при этом ничуть не стал легче. Она часто чувствовала себя очень уставшей.

А: А как она справлялась с усталостью?

Б: Честно говоря, я даже не знаю, как она справлялась с эмоциями. Когда я не работала в поле, я занималась рукоделием, вырезала бумажные узоры или ходила с тётей в горы за дровами. Мы разговаривали о мужчинах, их пьянстве, азартных играх — это помогало быстрее провести время и поднять настроение.

А: Как вы думаете, какую пользу принесла политика КПК для женщин?

Б: Хорошая жизнь! Для крестьян, будь то мужчина или женщина, самое главное — это жить хорошо.

А: Что-то ещё?

Б: Мужчины и женщины равны! Ничего плохого нет в том, что женщина сама зарабатывает, не рассчитывая на то, что её будет содержать муж, тогда её не смогут дискриминировать другие люди.

А: Вы знаете что-нибудь о политике КПК в отношении вероисповедания?

Б: Ну, атеизм же.

А: Какую религию или верования исповедовала ваша мать до реформ?

Б: Моя мама не придерживалась никакой религии.

А: Она сжигала благовония, верила в мастеров фэншуй?

Б: Конечно! Люди часто сжигали благовония и поклонялись богам, выполняли обряды в честь предков и участвовали в различных храмовых торжествах. В ключевые моменты жизни, такие как свадьбы и похороны, обычно проводились ритуалы для изгнания злых духов и привлечения благополучия через религиозных посредников; при строительстве домов или выборе мест для захоронений обязательно приглашали мастера фэншуй для определения благоприятных условий; медицинские и другие жизненные вопросы в большинстве случаев решались колдунами и ведьмами.

А: Изменились ли её верования после реформ?

Б: Я думаю, что нет. Она продолжала участвовать в религиозных и культурных мероприятиях после реформ.

А: Вы считаете, что это суеверие?

Б: Я не уверена, можно ли это назвать суеверием, но есть вещи, которые наука не может объяснить.

А: Можете привести пример?

Б: В нашей деревне был мужчина, который плохо обращался со своей матерью. После её смерти он сильно заболел, и никто не мог его вылечить. Жители деревни говорили, что это кара — что его мать его наказывает.

А: Спасибо за интервью.

Б: Пожалуйста.

Интервью в рамках исследования «Повседневность и религиозный мир женщин в крестьянских семьях северного Китая в первой половине XX века», NYZ, 1937 г. р., д. Яовандун, пос. Цинчэн, уезд Цинчэн, пров. Ганьсу, КНР, 25.04.2023 г.

А: Здравствуйте, бабушка. Наша беседа будет конфиденциальной, и вся предоставленная информация будет использоваться исключительно в научных целях. Разрешаете ли вы использование ваших данных в исследовательских целях?

Б: Да, хорошо.

А: Моя диссертация посвящена изучению повседневной жизни и религиозного мира женщин в крестьянских семьях Северного Китая в первой половине XX века.

Б: Поняла.

А: Скажите, пожалуйста, как вас зовут?

Б: Меня зовут НУЗ.

А: В каком году вы родились?

Б: Я родилась в 1937 году.

А: Где вы родились?

Б: Я родилась в этой деревне -Яовандун.

А: Какая у вас национальность?

Б: Я ханька.

А: Каков ваш семейный статус?

Б: У меня две дочки и один сынок.

А: А ваш муж?

А: Мой муж умер в 2016 году.

А: Какое у вас образование?

Б: Я посещала курсы по ликвидации неграмотности.

А: Как долго вы посещали курсы?

Б: Я не помню. Обычно это было в свободное от полевых работ время, вечером, после ужина.

А: В каком году родились ваши родители?

Б: Мой отец родился в 1905 году, а мама на четыре года моложе отца.

А: Где родились ваши родители?

Б: Мои родители тоже родились в этой деревне.

А: Каков уровень их образования?

Б: Мои родители не ходили в школу. Они были неграмотны.

А: Когда ваши родители поженились?

Б: Я не знаю, это был брак по договоренности. Они никогда не видели друг друга до помолвки.

А: Как складывались их отношения?

Б: Их отношения не были хорошими, но они прожили вместе всю жизнь.

А: Знаете ли вы, сколько выкупа семья вашего отца дала семье вашей матери?

Б: Нет, я не знаю. Но уверена, что какой-то выкуп был.

А: В детстве вы слышали о брачных реформах КПК?

Б: Да, я об этом слышала.

А: Как вы считаете, получили ли женщины больше свободы и автономии в принятии решений относительно брака?

Б: Конечно, да, особенно женщины получили право подавать на развод, хотя в то время это все еще было редкостью.

А: Каково было положение вашей матери в семье до реформ?

Б: У моей мамы было низкое положение в семье. В те времена у женщин у всех было очень низкое положение.

А: Почему вы так считаете?

Б: Раньше женщины подвергались дискриминации.

А: Как это проявлялось, по вашему мнению?

Б: Жители сёл каждый месяц посещали ярмарки, покупали или обменивали зерно на бытовые товары, причём покупателями обычно были мужчины. Как только какая-нибудь женщина начинала часто появляться на ярмарках, её начинали осуждать, утверждая, что она нарушает приличия. Незамужним и молодым невестам вообще полагалось оставаться дома.

А: Изменилась ли ситуация после реформ?

Б: Да, конечно! Женщины стали меньше подвергаться дискриминации! По крайней мере, если вы станете появляться на ярмарках, никто ничего не скажет.

А: Каков был основной ежедневный труд вашей матери до реформ?

Б: Мой отец был слаб здоровьем, у него часто болела поясница и ноги, он не мог выполнять тяжёлую работу. Моя мама одна управляла 40 му земли и заботилась о 8 членах семьи. Она делала всё: носила воду, готовила еду, кормила скот, рубила дрова, занималась посевом, жатвой, перевозкой навоза, удобрением почв.

А: Изменилась ли её работа после реформ?

Б: Нет, не изменилось.

А: Вы знали, что ваша мать участвовала в прядильно-ткацкой группе?

Б: Да, знала. Она участвовала.

А: А знаете, почему она присоединилась к прядильно-ткацкой группе?

Б: Нужно же быть благодарным, Коммунистическая партия дала тебе землю, улучшила твою жизнь. Поэтому мы обязаны вместе преодолевать трудности.

А: Как вы думаете, какую пользу принесла политика КПК для женщин?

Б: Достоинство!

А: Почему вы так считаете?

Б: Когда я была маленькой, наша семья жила в бедности - мы носили поношенную одежду, которая была зашита и переделана от старших, и носили её долгие годы. Частые засухи и неурожаи... Часто мы питались только дикими травами, жизнь была очень тяжёлой. Но потом моя мама за год напряла столько, что наша жизнь улучшилась.

А: В чем выражалось это улучшение жизни?

Б: У братьев и сестёр появились новые вещи, мы стали питаться лучше, буквально выпрямили спины. Люди в деревне стали говорить, что в семье Хэ жена трудолюбивая, сильнее многих мужчин! Мама гордилась тем, что о ней так говорили. "Дерево живет корой, а человек - лицом". Что же такое это лицо? Это достоинство!

А: Вы знаете что-нибудь о политике КПК в отношении вероисповедания?

Б: Атеизм.

А: Какую религию или верования исповедовала ваша мать до реформ?

Б: Я точно не знаю, но она часто ходила в храм сжигать благовония, и я часто

ходила с ней на храмовые ярмарки.

А: Что обычно делали женщины на храмовых ярмарках?

Б: Смотрели представления, а также... множество женщин приносили свои изделия ручной работы, используя храмовую ярмарку как возможность не только продать свои товары, но и пообщаться с другими покупателями и продавцами.

А: Изменились ли её верования после реформ?

Б: Нет, я уверена, что нет. Она по-прежнему принимала участие в религиозной и культурной жизни.

А: Спасибо за интервью.

Б: Пожалуйста.

Визуальные источники

Фото № 1 Карта Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся

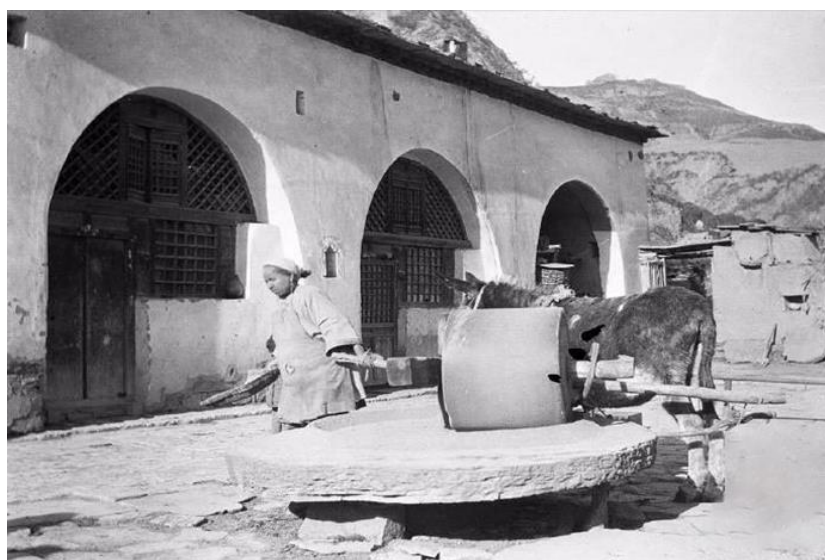

Фото № 2 На снимке американского геолога Фредерика Г. Клэппа, сделанном в провинции Шэньси в начале периода Китайской Республики, представлена сцена: женщина управляет ослом, вращающим жернова.

Фото № 3 Ксилография Гу Юаня «Регистрация брака» иллюстрирует внедрение обязательной регистрации браков в соответствии с «Положением о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся».

Фото № 4 Ксилография Гу Юаня «Регистрация брака» иллюстрирует внедрение обязательной регистрации браков в соответствии с «Положением о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся».

Фото № 5 Это свидетельство о браке, выданное в соответствии с Положением о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Фото № 6 Ксилография Гу Юаня «Иски о разводе» ярко запечатлела поворотный момент в истории эмансипации китайнок – обретение права на развод, ставшее возможным благодаря Положению о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. На изображении – их активное участие в судебных процессах.

Фото № 7 Ксилография Гу Юаня «Иски о разводе» запечатлела поворотный момент в истории эмансипации китайнок – обретение права на развод, ставшее возможным благодаря Положению о браке в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. На изображении – их активное участие в судебных процессах.

Фото № 8 Ксилография Гу Юаня «Медиаторство Ма Сиву в бракоразводных процессах» иллюстрирует изменения в институте брака и развода в Пограничном районе Шэньси-Ганьсу-Нинся. В центре композиции — фигура Ма Сиву, народного судьи, сыгравшего важную роль в медиаторстве и подчеркнувшего

значимость внесудебного разрешения семейных конфликтов. Он разработал метод «马锡五审判方式» (Метод Ма Сиву), который акцентирует внимание на глубоком взаимодействии с народом, проведении местных судов и сочетании судебного процесса с медиацией, способствуя более гуманному и эффективному разрешению споров.

Фото № 9 На фотографии, сделанной дедушкой автора Цяо Вантаном в 80-х годах прошлого века, изображены Фэн Чжицин и ее муж. Фэн Чжицин, прототип героини фильма «Лю Цяоэр», прославилась своей борьбой против принудительных браков и отстаиванием права на свободу выбора в браке, став одной из выдающихся фигур в истории освобождения женщин Китая.

Фото № 10 Это афиша фильма «Лю Цяоэр» в жанре пинцзюй, созданного в 1956 году на Чанчуньской киностудии. В главных ролях снялись Синь Фэнся и Чжан Дэфу. Этот фильм является не только классическим произведением искусства, но и важным культурным символом движения за освобождение женщин в Китае.

Фото № 11 Ксилография Гу Юаня «Старые и новые времена» повествует о тяжелой дореволюционной жизни крестьян региона Шэньси-Ганьсу-Нинся. Скучная земля, нехватка тяглового скота заставляли крестьян работать вручную, мужчины и женщины вместе изнывали от непосильного труда. Непомерные поборы

чиновников и разгул бандитизма делали жизнь невыносимой. В семьях на изнурительную работу плечом к плечу выходили все, от мала до велика. Крестьяне круглый год в поте лица трудились, но едва могли прокормить себя.

Фото № 12 Эта ксилография Гу Юаня повествует о нелегкой жизни народа региона Шэньси-Ганьсу-Нинся до революции. На полотне – пробуждение весны: на голых склонах вырастает дикая зелень, которая становится для бедняков настоящим «спасением». Мать, с корзиной в руках, собирает драгоценную зелень, а рядом, обессиленный голодом, плачет ее ребенок.

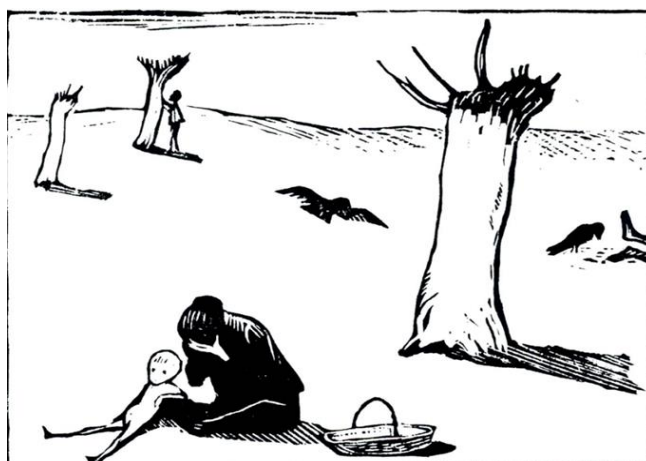

Фото № 13 Эта ксилография Гу Юаня изображает тяжелейшую засуху, обрушившуюся на регион Шэньси-Ганьсу-Нинся в восемнадцатом году республики (1929 год). На картине отражена ужасающая картина: небо выжжено,

земля трескается, урожай погиб, не собрав ни зернышка. В отчаянии, бессильно опустив руки, плачет крестьянка, и нет надежды в ее глазах. Из-за нехватки продовольствия были съедены кора деревьев и корни трав, многие люди замерзли и умерли от голода.

Фото № 14 Эта ксилография Гу Юаня изображает крестьян, сломленных бременем непосильных налогов и бедствий, вынужденных даже обменять свою шестилетнюю дочь на меру проса, чтобы хоть как-то выжить.

Фото № 15 Эта ксилография Цзи Гуйсэня изображает женщин, участвующих в прядильно-ткацкой группе в период Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся.

Фото № 16 Эта ксилография Гу Юаня изображает обмен товарами между женщинами и кооперативом.

Фото № 17 Эта ксилография Гу Юаня изображает радостную и благополучную сцену в сельской местности Пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся в новую эпоху: стол уставлен паровыми булочками, люди одеты в новую одежду, сыты и одеты тепло, наслаждаясь материальным изобилием и спокойствием жизни.

Фото № 18 Храм Нянян Дарующей Детей на горе Ваньцзышань в уезде Хуаньсянь

Фото № 19 Храм Нянян Зрения в уезде Хуаньсянь

Фото № 20 Даосская гора Дунлао, расположенная в уезде Хуаньсянь провинции Ганьсу.

Фото № 21 Эта ксилография Го Цзюе показывает, как сотрудники Союза женщин делятся знаниями о научном воспитании детей с сельскими жительницами.